

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

2008

Ежеквартальное издание

№ 4

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

В. С. Меметов (главный редактор),
В. П. Раков (заместитель главного редактора), **В. В. Комиссаров**,
С. С. Садина, **В. В. Селезнев**,
Н. Г. Юркин (ответственный секретарь)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00
E-mail:
vs_memetov@mail.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,
Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ,
2008

© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2008

Подписной индекс 60320

Электронная копия журнала размещена на сайте www.elibrary.ru

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation
of the Law on Mass Communication
and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ПН № ФС 77-21093*)

2008

Quarterly

№ 4

Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education –
Ivanovo State University

Editor-in-Chief Valery S. Memetov

Editorial Board:

Valery Rakov (Deputy Editor-in-Chief), Vladimir Komissarov,
Svetlana Sadina, Vladimir Seleznev,
Nikolay Yurkin (Secretary of the Board)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
vs_memetov@mail.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiryova*
Computer Design *Nikolay Yurkin,*
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2008
© Ivanovo State University, 2008

Subscription index 60320

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **В. Т. Ермаков**, Институт российской истории РАН; **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **V. T. Ermakov**, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Квакин А. В.* Русская интеллигенция и советская повседневность
пореволюционной России (1917—1927 гг.) 7
- Кобелева Е. А.* Интеллигенция Пермской губернии и органы ЧК:
взаимоотношения и противоречия (1918—1922 гг.) 20
- Шувалова Ю. Б.* Формирование идеологической функции в дея-
тельности образовательных учреждений Среднего Урала в
1920—1921 гг.: К вопросу о взаимоотношении РКП (б) и учи-
тельства. 41

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Смирнов Г. С.* Новая молодая российская интеллигенция: фило-
софские проблемы ноосферной экологии, антропологии и пер-
сонологии XXI века 61

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Усманов С. М.* Интеллигенция, православная традиция и пробле-
мы общероссийской интеграции в начале XXI века 79

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Буданова И. А.* Маргарет Тэтчер: Профессional... Политик...
Женщина 92

ДИСКУССИЯ

- Возиллов В. В.* Методологические принципы историко-интел-
лигентоведческих исследований 116

ДЕБЮТ

- Гейль В. В.* Эвакуированная творческая интеллигенция на Южном
Урале (1941—1945 гг.) 125
- Аннотации 135
- Информация для авторов 141
-

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Kvakin A. V.** Russian intelligentsia and everyday life of soviet post revolutionary Russia (1917—1927) 7
- Kobeleva E. A.** Intelligentsia of Perm province and extraordinary committee bodies: interrelations and contradictions (1918—1922) . . 20
- Shuvalova J. B.** Formation of ideological function in the activity of the Middle Ural educational institutions in 1920—1921: to the question of interrelations between Russian Communist Party (of the Bolsheviks') and teachers 41

INTELLIGENTSIA IN MODERN SOCIETY

- Smirnov G. S.** New young Russian intelligentsia: philosophical problems of noosphere ecology, anthropology and personology of the XXI century 61

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Usmanov S. M.** Intelligentsia, Orthodox tradition and problems of all-Russian integration in the beginning of the XXI century 79

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDY

- Budanova I. A.** Margaret Thatcher: Professional... Politician... Woman 92

DISCUSSION

- Vozilov V. V.** Methodological principles of history and intelligentsia study 116

DEBUT

- Geyl V. V.** Evacuated creative intelligentsia in the South Ural (1941—1945) 125

- Summaries 135

- Information for authors 141
-

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

А. В. Квакин

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1917—1927 гг.)*

Среда обитания городских жителей после окончания Гражданской войны в России разительно отличалась от дореволюционной. Разруха, сочетавшаяся с ожиданием не просто улучшения быта, но и с мечтой о приходе новой, справедливой жизни, когда все равны, стала определять повседневность первых послереволюционных лет. В этой атмосфере для частной жизни оставалось все меньше места. Она выплескивалась на улицы, в клубы и «красные уголки», общественные столовые. В нивелировании границ между частным и общественным, определявшемся новой идеологией, нашел отражение специфический феномен — «вторжение утопии в реальность»¹.

Несмотря на внешние пертурбации, Советская Россия продолжала движение в сторону социально-классовой нивелировки². Тем не менее, до «великого перелома» рубежа 1920—30-х годов аскетизм в быту был наиболее зримым отражением романтических ожиданий светлого будущего. Даже редкие отдельные квартиры для избранных не поражали своим величием. В 1926 году, например, после долгих хлопот, тот же В. В. Маяковский получил квартиру в Гендриковом переулке, где поэт поселился вме-

© Квакин А. В., 2008

Квакин Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского государства Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. akvakin@hotmail.com, <http://www.kvakin.ru/>

* Окончание. Начало см.: Интеллигенция и мир. 2008. № 3.

сте с Бриками. Маяковский жил в квартире Бриков на правах третьего члена их семьи настолько уверенно, что даже отразил это в своем предсмертном письме — «Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская»³. Но наличие ордера на заселение еще не было гарантией заселения — нужно было «въехать с чемоданом» и до начала ремонта дежурить по очереди, чтобы кто-нибудь не захватил новое жилье под покровом ночи. Лиля Брик вспоминала: «Принцип оформления квартиры был тот же, что когда-то при первом издании “Облака” — ничего лишнего. Никаких красот — красного дерева, картин, украшений. Голые стены. Только над тахтами Владимира Владимировича и Осипа Максимовича [Брика] — сарапи, привезенные из Мексики, а над моей — старинный коврик, вышитый шерстью и бисером, на охотничьи сюжеты, подаренный мне “для смеха” футуристом Маяковским еще в 1916 году. На полах цветастые украинские ковры, да в комнате Владимира Владимировича — две мои фотографии, которые я подарила ему на день рождения в Петрограде в год нашего знакомства»⁴. Квартира, в силу маленьких размеров (самая большая из четырех комнат была около 15 м²), получила шутовское название «кают-компания». Необходимую обстановку составляли одинаковые во всех комнатах белые лампы и простая мебель, купленная в «Мосдреве», дополненная простыми книжными шкафами, выполненными на заказ без «творческого участия» самого Маяковского. Квартира, где собиралось множество гостей, требовала большого количества посуды, которая приобреталась по следующему принципу: «Дайте, пожалуйста, пять дюжин самых дешевых стаканов или тарелок»⁵.

Основная масса городских жителей жила гораздо скромнее. Обставлялись лишь самой необходимой мебелью, поскольку в одной комнате проживала целая, подчас многолюдная семья. Иногда большая комната, перегороденная фанерой, служила пристанищем нескольких семей. Понятие «интерьер» умирало, уходило из лексикона, а если и встречалось, то обрастало кавычками. Нужно было выжить в условиях не только домашней тесноты, но и товарного дефицита. Почти полное отсутствие тканей превращало в большую проблему желание обновить платье или одеться. Дорогие ткани стоили слишком дорого для рядового горожанина. А «в магазин, где продается ситец и коленкор, не попадешь. Покупатель

теснится в 4 ряда у прилавка. Стоит гул голосов, воздух пропитан запахом человека, и с раннего утра, еще до открытия магазина, очередь на улице тянется за угол! А в лавках пусто по части товара, и выбора уже абсолютно нет, бери, что дают!»⁶.

Перелом наблюдается к 1930-м годам — конец времени революционных фанатиков: побеждают средние (служащие, исполнительная бюрократия без власти), на которых далее и переносится социальная опора власти. Переход от аскетизма времени принудительной мобилизации к демонстрации достижений нового социалистического строя (быт государственной интеллигенции — улучшение условий ее жизни и работы, санатории и дома отдыха): централизованно-государственные мероприятия по налаживанию быта инженеров, писателей и прочих категорий граждан⁷.

Жизнь домашняя и личная все активнее отнималась у людей. Даже семейные проблемы решались коллективно, личные взаимоотношения подвергались публичным разборкам. Возникла и развилась традиция возвращать загулявших мужей через парткомы и комсомольские организации. Сокращение жилого пространства предполагалось компенсировать строительством очагов общественной жизни. В возводившихся жилых домах часто отсутствовали кухни. Их заменяли общественные столовые, призванные объединять жильцов в большую единую семью. По этому принципу строились дома не только для рабочих, но и для творческой интеллигенции, например Дом литераторов на ул. Рубинштейна в Ленинграде. Но наиболее ярким выражением этой идеи стали клубы. Клубы, которым предшествовали красные уголки, вели свое происхождение от Народных домов предреволюционной поры. Если сначала они ставили своей целью быть «школой взаимного уважения и терпимости к чужим мыслям и переживаниям», то теперь постепенно превращались в место политико-просветительных мероприятий⁸. В иерархии общественных учреждений клубу предназначалась роль «места всеобщей радости». Центром клуба был зрительный зал. Вот как описывается вид из окна комнаты рабочего завода «Красный пролетарий»: «В окнах нет ни одного предмета, который бы напоминал прошлое <...>. Даже монастыря — монумента Симоновки — нет. Вместо него я вижу Дворец культуры»⁹. Разрушение старого — знак времени. А клуб, дворец культуры — эти новые сооружения

в комплексе с новыми жилыми домами создавали ту городскую среду, пока фрагментарную, которая воспринималась идеальной, нацеленной в будущее.

Партийное государство, ставшее воплощением советско-социалистического идеала, — это государство окрестянского и привилегированного по отношению к деревне города. Из деревни оно заимствовало не только «отцовскую» культурную матрицу. Оно заимствовало из русского сельского мира и общинную модель жизнеустройства, перенеся ее на все общество¹⁰. Подобно общине, это государство отторгло частную собственность и даже сумело ее уничтожить. Подобно общине, это государство «безвозмездно» взяло на себя определенные социальные функции, существенно их расширив и возведя в ранг «преимуществ социализма» (бесплатное здравоохранение и образование, предоставление жилья, пенсионное обеспечение и др.), но безоговорочное предпочтение в данном отношении отдавалось городу.

Вечная спутница социально-исторического прогресса — урбанизация, с ее неотвратимым квартирным кризисом, обрушилась во время Гражданской войны на всю страну, охватила в первую очередь провинциальные города¹¹. Стирались непреодолимые (словные) грани между социальными слоями, между столицами и провинцией. «Опровинциальные жизни» — так назвал это явление в феврале 1921 года поэт А. А. Блок¹². Обратной стороной нравственной, социальной и географической тенденции «опровинциальненья» столиц было «остоличивание» провинции. «Деурбанизация» столиц была лишь временным явлением эпохи «военного коммунизма». Столичные жители, покидая свои голодные и холодные квартиры в Москве и Петрограде, тогда исподволь приносили более высокую, в том числе и бытовую, культуру в провинцию. С другой стороны, появление коммунальных квартир на месте бывших частных семейных очагов стало феноменом исключительно российским. «Коммуналки» были ярким примером возрождения консервативного общинного уклада в городских центрах, хотя, одновременно, подавались властями как зачатки «нового коммунистического быта». Разные социальные, интеллектуальные, нравственные категории людей оказывались в одном микробытовом, замкнутом пространстве. Это сосуществование влияло на их поведение, психику и психологию. Люди в основной своей массе со

временем усреднялись, уравнивались, невольно перенимая у своих соседей привычки, манеры, внешний вид и способы мышления. Иначе было не выжить ни «бывшим», ни «лишенцам» — уволенным со службы, ни простым обывателям, ни рабочим. Власти использовали такое тесное общежитие в своих целях: им было легче следить за людьми и контролировать их жизнь. Это подтвердил дальнейший ход событий в стране во времена повального доноительства. Горожане успели отвыкнуть от общинных ценностей к началу XX века, а их насильно и в то же время вынужденно, из-за отсутствия нового жилья, возродили на городской почве в виде «коммуналок». Второе и последующие поколения горожан РСФСР культурный код своих отцов и дедов не наследовали или наследовали во все более ослабленном виде. Городское настоящее, которое для отцов было «обретенным будущим», детьми таковым не воспринималось. Поэтому воплощенный советско-социалистический идеал удовлетворить их не мог. Поэтому же с серьезными искушениями должна была столкнуться и светская вера в открытый наукой исторический закон. И подрывалась она как тем, что коммунистический режим мог считать своей заслугой (развитие науки и народного образования, обеспечивавшее конкурентоспособность государства в мире), так и тем, чем гордиться не приходилось (низкий уровень народного благосостояния)¹³.

Одним из самых ярких проявлений нового быта стал жестокий жилищный кризис. До 1917 года далеко не все население русских городов проживало в отдельных квартирах. Дороговизна жилья приводила к тому, что многие хозяева даже не бедных квартир сдавали комнаты внаем. Но у квартиры всегда был хозяин, а жильцы обслуживались хозяйской прислугой. Слово «кухня» в советское время утратило гастрономический смысл. Новая действительность породила не столько коммунальные квартиры, сколько коммунальные кухни, оказавшие столь сильное и многообразное влияние на весь советский быт, где ужасы коммуналок сочетались с взаимовыручкой соседей в трудные минуты, а в праздничные дни — с объединяющими минутами радости и веселья, с небогатыми, но многолюдными застольями и танцами под патефон¹⁴. Жилищный кризис явился одним из наиболее острых вопросов повседневного быта горожан той эпохи. Нельзя не отметить, что действия местного руководства по решению данной проблемы не были,

а возможно, и не могли быть исчерпывающими, учитывая объективно сложившиеся чрезвычайные условия. Жилищный кризис повлек за собой жестокое «уплотнение». Нормы площади на человека катастрофически уменьшались, переступив черту 5 м². Попытки смягчить этот процесс приводили к «самоуплотнению», объединению близких родственников под одной крышей. Прибавление семейства стало выгодным и желанным, став одним из парадоксов первых советских лет. В жилые комнаты превращались кладовки и ваннные комнаты бывших благоустроенных квартир. Самым страшным было попасть в категорию «лишенцев», у которых жилье отбиралось. Однако статус государственного служащего или работника умственного труда давал льготы в виде 18 м² дополнительной площади¹⁵. В то же время жилищная политика на местном уровне неоправданно грешила определенной несправедливостью в отношении к рабочему классу и перекосом в сторону государственных и личных, а не социальных интересов.

Безденежье стало еще одним бичом времени. Все это сопровождалось перебоями со снабжением и угрожающей безработицей. С 1 января 1928 года, например, закрылось несколько тысяч частных магазинов — их хозяева и работники должны были сами искать себе применение. В Москве работу найти было легче, но жилищный кризис здесь был еще более жестоким, чем в Петрограде. Невозможная теснота жилищ способствовала распространению заболеваний, особенно детских — рахит и скарлатина стали огромной проблемой. Но человеческая натура такова, что, цепляясь за жизнь, приспособливается к самым тяжелым условиям. О. А. Толстая-Воейкова писала весной 1928 года своим близким: «Если у нас что еще можно хвалить, так это трамваи и некоторые больницы»¹⁶.

Режим ограничений, диктата и дефицита вещей первой необходимости, бесспорно, отражался на зарождении нового советского сознания. Многие из указанных явлений были временными, вынужденными. Что-то, наоборот, осталось непоколебимым. Многие «новое» оказывалось еще не забытым старым, а в отвергнутом старом можно увидеть зачатки истинно нового. В сочетании и противоречии партийно-пролетарской идеологии, фундаментальных основ русской жизни и общемировых тенденций к зарождению общества массового потребления необходимо видеть главную движущую силу повседневной жизни в нашей стране после 1917 года¹⁷.

По-новому встал и вопрос о наличии свободного времени. Его было больше, чем раньше, в связи с сокращением рабочего дня, простоем предприятий и т. д. Но распоряжаться им в полной мере свободно было невозможно. Большую часть периода Гражданской войны в России горожанам были не доступны обыкновенные вечерние прогулки по улицам¹⁸. Речь идет о серьезных ограничениях в свободе выбора досуга в условиях чрезвычайщины. Официоз прочно проник в сферу досуга, которая является одной из основ формирования полноценной человеческой жизни. Без отдыха невозможно повседневное бытие человека. В силу объективных (сам факт Гражданской войны в России) и субъективных (советско-партийная идеология) причин отдых в РСФСР претерпел определенные изменения, был ограничен страшной действительностью, сильно деформирован, но городские обыватели продолжали развлекаться, танцевать, читать книги, смотреть фильмы, ходить в театр. Принципиальной разницы между столицами и провинцией в области досуга и отдыха не было. Различие можно найти в масштабах, а не в принципах и условиях. Но вот отличие от дореволюционной поры оказалось весьма значительным.

Под тотальный контроль государства попали не только вечерние прогулки, доступные избранным по предъявлению пропуска, но и домашние вечеринки. В то время прогулки стали дефицитом и гонениям подвергались банальные домашние и советские полуофициальные вечеринки, пронизанные влечением к «старому» стилю. Скорее всего, в этом проявлялось переплетение влияния «спецов», носителей этой традиции, со стремлением молодых партийных работников прикоснуться к символам своей власти-победы над «старым». Под пристальным присмотром оказались театральные репертуар, набор книг в библиотеках, издательская деятельность (печатались только советские газеты и угодные партийно-советскому режиму книги). В меньшей степени музыкальная жизнь и в несоизмеримо большей спорт и физическая культура оказались под прессом идеологии. Поэтому они стали менее популярны в широких слоях населения. Даже бесплатные занятия музыкой и спортом не пользовались массовым спросом, поскольку участники должны были в дальнейшем отрабатывать их на митингах, демонстрациях, волей-неволей пози-

ционируя свою лояльность советскому режиму. Происходила смена цен и вместе с тем, что гораздо важнее, смена ценностей. Билеты в театр и кино — дешевле продовольствия, книги стоили намного меньше буханки хлеба, спортивные и музыкальные занятия стали бесплатными. В этих условиях, подчас кажущихся невыносимыми, были и свои радости. О. А. Толстая-Воейкова писала родным: «В большом ходу танцы и мимика ритмическая»¹⁹. Удивительной кажется устроенная в Ленинграде в конце 1920-х годов выставка собак, несмотря на высокую входную плату пользовавшаяся большим успехом. Вопреки растущему идеологическому давлению, велась переписка с родственниками, уехавшими за границу. Письма туда доходили быстрее, чем сейчас по Москве. Присылались посылки с продуктами и предметами первой необходимости. При этом в письмах из России звучали и такие просьбы: «Не могла бы ты попытаться прислать нам какой-нибудь журнал мод?»²⁰ Возвращение к быту в ситуации после Гражданской войны вновь начало возрождать предприятия бытового обслуживания и индпошива, проблематику моды²¹. При этом сохраняется борьба с «мещанством», конфликты между «романтической» (военно-коммунистической) и «бытовой» (нэпмановской) культурами²². Материальное обесценивание досуга совершалось на фоне всеобщего обесценивания человеческой жизни. Явление это было общеевропейским и может рассматриваться в качестве одного из примеров перехода Человечества к стадии главенства массового: производства, потребления, культуры и т. д.

Широкие слои населения были приучены веками к общинности и патернализму, крестным ходам, монархическим процессиям и военным смотрам. Власти, будучи знатоками психологии соотечественников, использовали эти социально-психологические предпосылки в популяризации «новых» идей и укреплении своей власти. Политизированность и навязанность сверху, добровольно-принудительный характер торжеств отличают новый подход к массовым праздникам, представлявший, в известной степени, усиленный, концентрированный старорежимный. Безусловно, большевики использовали праздники в процессе создания новой революционно-государственной символики, равно как и применяли сложившуюся пролетарскую символику в проведении праздников. Революционная символика требовалась для идеоло-

гической борьбы с прошлым во имя рождения нового общества как обоснования нахождения коммунистов у власти и стабильности их административно-командного режима. Театрализованные праздничные шествия, мистерии — симбиоз всех типов революционной символики — внешне блистали новизной, по существу же были привычны народу²³.

Допущение при этом религиозных праздников можно объяснить не только боязнью большевиков перед многомиллионной армией верующих, но и банальной необходимостью обеспечения отдыхом граждан Советской республики. Новых общегосударственных праздничных дней было всего 6, а дополнительные 10 дней отдыха оказались, по старой традиции и по желанию самого народа, религиозными. По общему же количеству праздничных и выходных дней Советская Россия не уступала дореволюционной, в отличие от будущих времен серьезного сокращения праздничного отдыха. В этой склонности к «праздности» большевистская Россия на заре своего существования являлась прямой наследницей старого строя и намного превзошла его. Праздничные и выходные дни рассматриваются как одна из форм повседневной жизни. Наполнение новым идеологическим содержанием старых праздников («новый» Новый год и «старый» Новый год) и внесение старого, например религиозного, мотива в новые советские торжества (культ вождя, мистерии, обрядность, лексика и т. д.) характеризуют отношение власти к празднику как способу воздействия на патриархальные в большинстве своем слои населения. В проведении массовых советских празднеств большевики усматривали, прежде всего, политическую кампанию, орудие пропаганды нового коллективного строя и мышления²⁴.

В те годы зарождались новые традиции массового досуга. В то же время из сознания людей невозможно было стереть огромные пласты прежней культуры праздника. Новогодние и рождественские елки, масленичные блины, куличи на Пасху и веточки на вербное воскресенье — все это продолжало существовать²⁵. Таким образом, большевики на первых порах допускали и старое, и революционно новое в сфере праздничного досуга. Все новое тесно переплеталось со старым, производя смешанный калейдоскоп праздничных зарисовок из повседневной жизни советских людей в пореволюционные годы. Самое простое стало самым сложным.

Не сказать, чтобы все, но многое переворачивалось с ног на голову. Мало появлялось реально нового, чаще происходила смена мест, ролей, названий, а не сути вещей, не зарождения действительно революционно новых явлений. Именно в 1920-е годы рождаются основные стереотипы советской жизни, новый повседневный лексикон. «Получка» вместо «жалованья», «очередь», «карточки» и «пайки», «льготное обслуживание» — эти и многие другие слова, наряду с агрессивно вторгшимися многочисленными аббревиатурами, стали привычными в обыденной речи.

Особенной популярности достигли театр и кино²⁶. Власть не смогла или не до конца захотела сделать из них рупоры новой идеологии, но кино и театр были уже в руках большевиков, которые использовали их как незаменимые инструменты отвлечения масс от повседневных тягот и пропаганды социалистических идей. Это были недорогие способы забыть о ежедневных заботах и неурядицах и одновременно — возможность почувствовать себя в «кресле» или в «роли» отверженной буржуазии и дворянства. Феноменом можно назвать процесс возрождения буржуазности и властной атрибутики в годы Гражданской войны, что нашло свое отражение и в сфере досуга. Проявлялось это в виде применения «старого» принципа в раздаче лучших мест для ответственных работников-партийцев в театрах и кинозалах. Помимо политических мероприятий, здесь одно из главных мест занимало «важнейшее из всех искусств» (В. И. Ленин) — кинематограф. Самодеятельность также процветала. Из клубной самодеятельности вышел ТРАМ (Театр рабочей молодежи), отразивший бунт против старого театра. Но импровизация постепенно сменилась примитивной плакатностью, и клубы все чаще стали возвращаться к традиционному театральному действу²⁷.

Старое сознание в соединении с новыми внешними проявлениями режима порождало симбиоз, действовавший на долгую социально-историческую перспективу. В конечном итоге новые традиции привели к появлению «советского человека» и «нового общества» не ранее рубежа 1920—30-х годов²⁸. Именно эти, воспитанные на советской пропаганде, молодые люди начали индустриализацию, осуществили коллективизацию, проводили «культурную революцию», но и они же поддерживали массовые сталинские репрессии против «врагов народа». Сам партаппарат мог

стать таким только в результате определенной кадровой политики, т. е. при комплектовании его из носителей доличностной и доправовой культуры, которых миллионами поставляла в советские города коллективизированная советская деревня. Важными были взаимосвязи бытовой стороны повседневных жизненных практик этих горожан-провинциалов с их ментальностью, психологическими стереотипами поведения в процессе трансформации последних и зарождения так называемого «нового советского» сознания. Одновременно с общей тенденцией усреднения жизни (нивелировки в одежде среди обывателей, между столицами и провинцией, в жилищных условиях) наблюдалась и противоположная динамика. Стали возрождаться символы власти в быту — явный признак социальной неоднородности²⁹. С наступлением хаоса на бытовом уровне возрождались в новом («красном») облики старые привычки к серому, подконтрольному существованию. Серые и бесцветные массы, уцелевшие в ходе Гражданской войны, стали определять в дальнейшем облик так называемого «советского человека» — по сути своей, прежнего подданного Российской империи, лишь более испуганного и подавленного пережитым страхом и потрясениями, более зависимого — в условиях возрастающих потребностей и постоянного дефицита — от бытового, материального, повседневного. Стержневым являлось противостояние жизни и в повседневном массовом сознании горожан старого и нового начал. Революционная символика требовалась для идеологической борьбы с прошлым во имя рождения нового общества. Живучие старые привычки, природный консерватизм, инертность традиций россиян вступали в острое противоречие с насаждавшимися новшествами советского строя. Насколько острым и каким был этот процесс по своей сути и последствиям — вопрос весьма сложный. Было и переплетение, и сочетание, и взаимодополнение, и противоборство, и подмена, и вытеснение, и взаимовлияние. Двойственность процесса отразилась и на его последствиях: в массовом сознании и во многих примерах амбивалентности жизни в «новом измерении». Попытка «сверху» преобразить пространство и время, где обитал человек в эпоху Гражданской войны, натолкнулась на традиции и привычки³⁰. Старый фундамент оказался основой нового здания. Здесь победила двухосновность. Внешние деформации не приве-

ли к полному, коренному и сиюминутному перелому в сознании и быту советских граждан. Посредством реформ прививались новые идеалы, под эгидой которых держались у власти большевики. Исход гражданского противостояния говорит нам о том, что строительство «красных» мифологических конструкций оказалось, как ни парадоксально, ближе российскому патриархальному сознанию, чем идее Белого движения. В рассматриваемое пореволюционное 10-летие в Советской России налицо была старая повседневная жизнь в новом революционном измерении. Старая жизнь людей из дореволюционного прошлого происходила в военно-коммунистическом настоящем. В дальнейшем, с вступлением в социальную жизнь первых революционных и пореволюционных поколений, возможно, внешнее было обращено вовнутрь и произошли качественные изменения в массовом сознании и психологии, приведшие к появлению «homo soveticus»³¹. В основной своей массе «советский человек», как социальное явление и феномен этносоциальной антропологии, появился лишь не ранее рубежа 1920—30-х годов³².

Таким образом, в результате победы большевиков был определен дуалистический путь развития страны: внешняя механистическая модернизация проходила одновременно с внутренней консервацией традиционных ценностей российской цивилизации — общинности (пример — спрессованность коллективного быта в коммунальных квартирах), иждивенчества, вождизма-монархизма, религиозности-идеологизации. Многие «новое» оказывалось еще не забытым старым, а в отвергнутом старом можно увидеть зачатки истинно нового. В сочетании и противоречии партийно-пролетарской идеологии, фундаментальных основ русской жизни и общемировых тенденций к зарождению общества массового потребления необходимо видеть главную движущую силу и основной вектор исторического развития после 1917 года.

Примечания

¹ *Иконников А. В.* Архитектура в XX столетии // Художественная культура XX века: Развитие пластических искусств. М., 2002. С. 22.

² *Орлов И. Б.* Жилищная политика Советской власти в первое послереволюционное десятилетие // Наука — сервис: VIII Междунар. науч.-практ. конф.: Сб. докл. на пленар. заседании. М., 2003. С. 142—149.

- ³ *Матич О.* Суэта вокруг кровати // Литературное обозрение: Спец. вып. М., 1992. С. 82. Ясно, что при таких отношениях дети совершенно не вписывались в ценностную систему координат Маяковского, известного также своим шокирующим высказыванием: «Я люблю смотреть, как умирают дети».
- ⁴ *Брик Л.* Пристрастные рассказы: Воспоминания, дневники, письма. Н. Новгород, 2003. С. 124.
- ⁵ Там же. С. 139.
- ⁶ Русская семья в водовороте «Великого перелома»: Письма О. А. Толстой-Воейковой. 1927—1929 гг. СПб., 2005. С. 100.
- ⁷ *Дубин Б. В.* Быт, бытовщина, обыденность: Идея и история повседневности в России // Население и общество. 2005. № 1 (75). С. 28.
- ⁸ *Хазанова В.* Клубная жизнь и архитектура клуба: 1917—1941 гг. М., 2000. С. 9.
- ⁹ Там же. С. 82.
- ¹⁰ *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 493.
- ¹¹ *Жиромская В. Б.* Социальные процессы в советском городе в первой половине 1920-х гг. // Историческое значение нэл: Сб. науч. тр. М., 1990. С. 98.
- ¹² *Блок А. А.* Избранное. М., 1995. С. 512.
- ¹³ *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* Указ. соч. С. 496.
- ¹⁴ *Стругова О.* Среда обитания советского человека. 1920—1960-е годы // «По волнам нашей памяти»: (Городская жизнь 1920—1960-х годов). М., 2006. С. 3.
- ¹⁵ Там же. С. 4.
- ¹⁶ Русская семья в водовороте «Великого перелома». С. 309.
- ¹⁷ *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 212—213.
- ¹⁸ *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920—1930 гг. СПб., 1999. С. 287.
- ¹⁹ Русская семья в водовороте «Великого перелома». С. 22.
- ²⁰ Там же. С. 74.
- ²¹ *Орлов И. Б.* «Новая буржуазия» в советской сатире 1920-х годов // История России XIX—XX веков: Новые источники понимания. М., 2001. С. 230—236.
- ²² *Дубин Б. В.* Указ. соч. С. 28.
- ²³ *Глебкин В. В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 77—79.
- ²⁴ *Мальшиева С.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917—1927). Казань, 2005.

- ²⁵ *Багдасарян В. Э., Орлов И. Б.* Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М., 2005. С. 96.
- ²⁶ *Орлов И. Б.* «Гримасы нэпа» в историко-революционном фильме 1920-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 21—30, 81—98.
- ²⁷ *Стругова О.* Указ. соч. С. 8.
- ²⁸ *Орлов И. Б.* Студенческая семья 1920-х гг.: попытка многофакторного анализа // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII—XXI века): Сб. науч. ст. М., 2004. С. 110—119.
- ²⁹ *Орлов И. Б.* Между «целиной» и «новью»: рабочая семья периода нэпа // Солидарность. 2002. № 29. С. 14—15.
- ³⁰ Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920—30-е годы. СПб., 2000. С. 438.
- ³¹ Homo soveticus — человек советский.
- ³² *Березкина О.* Революционная элита переходного периода (1921—1927) // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 64—66, 69; Известия ЦК РКП (б). 1925. № 15/16. С. 5; *Соколов А. К.* Советы: от власти иллюзий к иллюзии власти // Формирование административно-командной системы (20—30-е годы): Сб. ст. М., 1992. С. 175.

Е. А. Кобелева

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОРГАНЫ ЧК:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ
(1918—1922 гг.)**

Изучение интеллигенции является востребованной темой. Переходный период жизни нашего общества, поиски российской идентичности в настоящее время усилили интерес исследователей к российской интеллигенции. В западных странах давно существует слой людей интеллектуального труда, представление о которых не тождественно русскому понятию «интеллигенция». Считается, что этот термин ввели И. С. Аксаков, П. Д. Боборы-

© Кобелева Е. А., 2008

Кобелева Екатерина Аркадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Пермского государственного педагогического университета. (342) 238-63-98

кин, И. С. Тургенев¹, которые придерживались мнения о несовпадении интеллигентности и образованности. Мы же будем рассматривать интеллигенцию как представителей умственного труда, предполагающего получение высшего или равнозначного ему образования, а также причастность к выработке общих смыслов и ценностей — священнослужителей, учителей, преподавателей высшей школы, врачей, юристов и т. д.

Пермская губерния как важный регион в истории нашей страны имела определенные особенности. Она входила как составная часть в созданную в 1918 г. Уральскую область, что показывает притяжение губернии к уральскому региону. По решению III Уральского областного съезда Советов (24—29 января 1918 г., г. Екатеринбург) в Уральскую область вошли Пермская, Уфимская, Вятская и Оренбургская губернии. Окончательно ее существование закрепил ВЦИК 23 декабря 1918 г. Значительная территория губернии потребовала ее разделения на округа. I Объединенный Пермский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (7—15 апреля 1918 г., Пермь) постановил разделить Пермскую губернию на два округа: Пермский и Екатеринбургский. В состав первого вошли Пермский, Оханский, Осинский, Кунгурский, Усольский (Соликамский) и Чердынский уезды, а второго — Екатеринбургский, Верхотурский, Шадринский, Камышловский, Ирбитский и Красноуфимский уезды². Но название «округ» не прижилось, поэтому в документах встречается наименование «губерния». Гражданская война помешала разделению территорий. Тем не менее, административно-территориальные единицы были плохо связаны друг с другом, существуя достаточно автономно.

Одной из опасностей, с которой столкнулась новая власть, был саботаж служащих в конце 1917 — начале 1918 г. Забастовка приобретала характер общероссийской и охватила практически все учреждения. Подавление саботажа в центре производили силовые ведомства. В декабре 1917 г. ВЧК ликвидировала стачечный комитет «Союза союзов служащих государственных учреждений», который объединял отраслевые комитеты «Союза трудовой интеллигенции», «Союза инженеров», стачечный комитет служащих кредитных учреждений, что представляло собой наибольшую угрозу для власти. Все арестованные по этому делу были освобождены в

процессе следствия. 1 марта 1918 г. дело было передано в Следственную комиссию ревтрибунала³. 22 февраля 1918 г. ВЧК добавила к врагам, подлежащим расстрелу на месте, и саботажников⁴.

В Пермской губернии ситуация не отличалась от общероссийской. Служащие Оханского земства и уездных учреждений 10 декабря 1917 г. объявили бойкот Совету. Наиболее активной была забастовка служащих и интеллигенции в Перми. Она затронула все учреждения города, кроме Госбанка. Карательные органы были созданы позднее, поэтому Совет ликвидировал забастовку собственными силами. 10 января 1918 г. Пермский губисполком провел собрание среди служащих, желавших сотрудничать с новой властью. На него явилось около 100 человек. Большинство же служащих было уволено, а учреждения кардинально преобразованы⁵.

Однако обстановка в начале 1918 г. была относительно спокойной. Большевики и левые эсеры приходили к власти, как правило, мирным путем в Кунгуре, Оханском, Осинском и Пермском уездах, а в Чердыни — с помощью военной силы. В Соликамске Советская власть была установлена с помощью красногвардейского отряда Дубнера⁶. Органы власти были многопартийными. Так, в Екатеринбургский Совет в апреле 1918 г. входили 189 большевиков, 124 левых эсера, 16 беспартийных и 3 меньшевика⁷.

Весной 1918 г. складывалась благоприятная обстановка для консолидации антибольшевистских сил. На Урале особой симпатией пользовались кадеты. Главную роль в этом играло выступление чехословацкого корпуса, которое привело к неустойчивости обстановки в отдаленных местностях губернии. В заводских центрах были созданы военные отряды для подавления этого выступления, куда часть рабочих вступала с энтузиазмом, проводился всеобщ. 13 июня был образован Северо-Урало-Сибирский фронт. Екатеринбургский комитет РКП (б) 14 июня объявил мобилизацию. В июне бои шли под Екатеринбургом, Златоустом. 25 июля 1918 г. Красная армия оставила Екатеринбург. В июле — начале августа чехословацкие войска захватили Симбирск и Казань⁸.

Столкновение органов ЧК с интеллигенцией происходило, как правило, в рамках борьбы с «бывшими». Под таковыми мы подразумеваем представителей старого режима, занимавших при нем более или менее значительное материальное, должностное и социальное положение.

6—7 июля 1918 г. в Москве произошло выступление левых эсеров. В Перми по этому поводу 18 июля проводился митинг в городском театре. Во время «речи оратора-коммуниста была брошена в наполненном двухтысячной массой зале бомба... К счастью, пострадавших от взрыва было немного». «Бывшие» рассматривались чекистами как потенциальные противники, которых требовалось изолировать при малейшей опасности. Поэтому по решению губернской ЧК в Перми и уездах были арестованы не только левые эсеры, но и представители интеллигенции. Среди арестованных — директор гимназии Л. В. Барбатенко, владелец книжного магазина И. Ю. Петровский, председатель общества «Светлая юность», заведующая Фребелевскими курсами О. М. Варфоломеева, директор Бактериологического института В. М. Здравомыслов, инженер В. Н. Шумкин, архитектор Е. А. Волошинов, председатель учебно-воспитательной секции в Торговой школе И. Н. Зиновьев, инженер Пермской железной дороги Д. К. Войцеховский, ординатор Александровской больницы Р. Ф. Мелешко, преподаватель Коммерческого училища А. В. Бородин, бывший присяжный поверенный И. С. Курочкин, зубной врач А. Г. Беклемишева-Николаева, нотариус Э. Э. Цигандт. Через несколько дней арестованные были освобождены под подписку и поручительство⁹.

Политических противников не спасало даже признание Советской власти. 25 июня 1918 г. Кунгурская уездная ЧК вынесла постановление об аресте Г. А. Стрижева и С. С. Гайле как заложников. Причиной стало общественное положение арестованных. Стрижев был до революции присяжным поверенным и редактором органа кадетов «Кунгурская жизнь». Он, помещая «статьи погромного характера», «беспощадно травил левое и правое социалистическое крыло». Гайле был судебным следователем Кунгурского уезда и сдал дела только после ареста, занимая «видное руководящее место среди контрреволюционной буржуазии». Несмотря на то, что Г. А. Стрижев и С. С. Гайле признали Советскую власть и являлись общественными защитниками при Пермском губернском юридическом отделе, в ночь с 29 на 30 июня сотрудники Кунгурской уездной ЧК их задержали. Предлогом для задержания послужило отсутствие у них пропуска на ночное передвижение из Кунгура в Красноуфимск на сессию окружного суда. Сначала они содержались в тюрьме, а 6 октября 1918 г. бы-

ли расстреляны в ходе красного террора. Тела обнаружили за железной дорогой около ст. Кунгур в мае 1919 г.¹⁰

Одним из основных направлений деятельности органов ЧК на протяжении всего периода их существования была борьба с церковью и духовенством. В 1918 г. произошло подавление выступления пермского духовенства во главе с архиепископом Андроником. Конфликт возник на почве недовольства церкви декретами СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. Основной же причиной были не идеологические разногласия, а имущественные вопросы. В своем воззвании от 25 января 1918 г. Андроник проклинал каждого, кто захватит церковное или монастырское имущество. 9 мая архиепископ во время своей речи на крестном ходе говорил, что церковь является последним устоем нации и предавал анафеме посягающих на церковное имущество.

Советская власть запретила проведение епархиального съезда, и Андроник перенес его на 16 июня. В воскресенье во многих церквях не только в Перми, но и в уездах священники обращались к верующим «с политическими речами погромного характера». Перед своим арестом архиепископ написал распоряжение пермскому духовенству: «Закрываю для богослужения все градопермские и мотовилихинские церкви и запрещаю всем... священнослужителям совершать какие-либо богослужения... кроме крещения и напутствования умерших»¹¹.

Вечером 15 июня 1918 г. в Пермском окружном ЧК было созвано совещание из представителей различных организаций, на котором постановили ночью арестовать Андроника. Руководителем был назначен Н. В. Жужгов, помощниками — руководящие работники ЧК — П. И. Малков и В. А. Иванченко. Кроме архиепископа арестовали еще около 20 человек. На следующий день после ареста все церкви Перми, Мотовилихи и Усолья закрылись. Верующие собрались у здания Мотовилихинского управления милиции, где содержался архиепископ. Затем их разогнал отряд красногвардейцев. Андроник был убит 17 или 18 июня 1918 г. Советские же органы иронично называли эти события «забастовкой попов» и обвиняли во всем архиепископа: «Ради спасения своей собственной кожи епископ Андроник отнимает у своей паствы возможность молиться... Своей забастовкой пермское и

мотовилихинское духовенство показало, что интересы веры для него не так важны, как свобода ведения черносотенной пропаганды»¹². Следует отметить, что дело Андроника расследовалось Пермским окружным ЧК (следственное дело № 1359), однако до настоящего момента оно не найдено.

Основными методами борьбы уральских ЧК с «бывшими» в 1918 — начале 1919 г. были аресты и взятие заложников. Часто эти меры носили превентивный характер.

Летом 1918 г. учет, установление твердых цен и изъятие хлеба, организация продовольственных отрядов, комитетов бедноты и их деятельность вызвали крестьянские восстания. Наиболее крупным в Пермской губернии было Сепычевское восстание (август 1918 г.)¹³. Причинами послужили преступления красногвардейцев Верещагинского отряда и отказ жителей нескольких волостей идти по мобилизации в РККА «на партийную войну». Руководили восстанием В. Н. Мальцев и А. Ф. Селиванов. На подавление были направлены отряд губЧК во главе с заведующим отделом по борьбе с контрреволюцией Г. Ф. Воробцовым и отряд латышей со ст. Верещагино, возглавляемый И. П. Никитиным. Следственная комиссия, руководимая Воробцовым, приговорила к расстрелу на месте 84 человека. Позднее расстреляли священника Бояршинова¹⁴.

В сентябре 1918 г. был объявлен красный террор. Его отличие от предшествующей политики состоит в официально разрешенных внесудебных репрессиях, которые проводили не только чрезвычайные комиссии, но и исполкомы Советов, ревтрибуналы, продотряды, части Красной армии, военные комендатуры и другие учреждения. Хотя именно ЧК стали объектом критики со стороны представителей наркоматов внутренних дел и юстиции, части правящей РКП (б). Красный террор был направлен не против интеллигенции как таковой, ее представители попадали под репрессии в качестве «бывших» и духовенства.

Сразу же после покушения казни подверглась такая категория, как заложники. Пермской губЧК было расстреляно 36 человек, в том числе гельсингфорский пастор А. Нигголь, находившийся в Перми проездом¹⁵. Малмыжская уездная ЧК Вятской губернии расстреляла священника И. И. Любимова, а Нижегородская губернская ЧК — 41 заложника, среди которых были священник Орловский и

архимандрит Августин. 15 сентября по постановлению Арзамаской уездной ЧК Нижегородской губернии был расстрелян священник А. Вознесенский¹⁶. 15 октября 1918 г. на состоявшейся в Петрограде конференции ЧК Северной коммуны¹⁷ выступил Соколов, представитель Боровичской уездной ЧК. Он сообщил, что чрезвычайной комиссией было взято 89 заложников, из них пять священников¹⁸. Новоторжская ЧК Тверской губернии расстреляла в рамках красного террора священника С. П. Раевского и настоятеля мужского монастыря архимандрита Симона¹⁹.

Взятие и расстрел заложников проводились в ответ на выступления против власти на местах. В начале октября 1918 г. в ехавших на автомобиле пермских чекистов была брошена бомба. После этого было расстреляно 37 заложников, среди них — священники С. Г. Горляев, А. Н. Шкляев, А. Г. Стабников, К. Г. Широкинский. При этом у последнего остались больная жена и четверо несовершеннолетних детей. Дети священника и духовенство города Перми обращались в губернскую ЧК с прошениями об освобождении К. Г. Широкинского, однако безрезультатно²⁰.

В рамках красного террора произошло ужесточение наказаний за различные деяния против Советской власти. Наиболее массовыми были восстания. Так, 17 сентября 1918 г. коллегией Западной областной ЧК²¹ за участие в восстании в Бельском уезде были приговорены к расстрелу священник Чулков, псаломщик А. Дьяконов и его сын Павел Дьяконов, дьякон Ф. Троицкий²². В сентябре Можайская уездная ЧК Московской губернии приговорила к расстрелу за участие в Диевогородицком восстании священника Великосельского, учительницу Богородскую, фельдшера Щербакова²³. В октябре 1918 г. по постановлению Нижегородской губЧК были расстреляны учащиеся реального училища К. В. Бебешин и Н. И. Терим, студент А. Н. Чичеров, которые «перерезывали телеграфно-телефонные провода во время Муромского восстания»²⁴. Подготовка восстаний также жестко пресекалась чрезвычайными комиссиями. Так, по постановлению Чердынской уездной ЧК Пермской губернии были расстреляны монахини Вырובה и Калерина, «пробиравшиеся для восстановления темных масс против власти советов»²⁵.

Значительную опасность представляли и заговоры, что влекло за собой жесткие меры наказания. 17 сентября 1918 г.

коллегия Западной областной ЧК рассматривала дело о заговоре генерала М. Дормана, целью которого было установление военной диктатуры. В состав заговорщиков входили, в основном, бывшие офицеры. Лица, не принимавшие активного участия в заговоре, освобождались. Среди них был врач С. Белый и педагог П. Михайлов. Смягчающими обстоятельствами для последнего стало выступление «во времена царизма... в печати со смелыми статьями»²⁶. В октябре коллегией Нижегородской губЧК были расстреляны за участие в арзамасской организации «Против Советов» учителя С. С. Горьев и Н. С. Перяков, студенты Д. П. Монахов и В. В. Бебешин²⁷.

Любое недовольство, направленное против власти, пресекалось чекистами, даже если оно появлялось в устной агитации. В сентябре Псковская губЧК расстреляла священника Порховского собора П. Богоявленского «за распространение ложных слухов посредством проповедей»²⁸. Продолжилось противостояние государства и церкви по поводу конфискации церковного имущества. 9 октября 1918 г. Воробьевским волостным исполкомом Оханского уезда Пермской губернии был арестован священник этой волости С. А. Коныхов за «выполнение воззвания о проклятии за захваченное поповское имущество». Он был отправлен в Оханскую уездную ЧК. Чекисты, несомненно, защищали государство, поэтому по постановлению Коллегии ЧК С. Коныхов был приговорен к расстрелу²⁹.

Всего за время красного террора в Пермской губернии было казнено 111 представителей духовенства: 3 архиерея, 10 протоиереев, 44 священника, 6 дьяконов, 4 псаломщика и 44 монашествующих³⁰. В Екатеринбургской губернии в 1918 г. было убито 47 служителей культа, в Оренбургской — 15³¹.

6 ноября 1918 г. 6-й Всероссийский съезд Советов принял постановление об амнистии³². Несмотря на приближение фронта Пермская губЧК провела амнистию. Так, 14 ноября был освобожден «священник-социалист» А. Г. Лучинин³³.

Особенностью Пермской губернии стало то, что красный террор органично вошел в политику военного положения, которое было объявлено в связи с наступлением белых войск и продолжавшимися крестьянскими восстаниями. Накануне отступления красных из уездного города Оханска ЧК расстреляла восемь

местных интеллигентов и мелких торговцев. Во время первого захвата завода Нытва белыми были обнаружены списки приговоренных к расстрелу. По свидетельству белогвардейских газет, в них значилась вся местная интеллигенция³⁴.

Становление нового режима было прерывистым, чему способствовал захват Пермской губернии войсками А. В. Колчака. Пермь пала 24—25 декабря 1918 г.³⁵ Все советские учреждения были эвакуированы в Вятку, где продолжили свою работу. С красными Пермь покинуло около 60 тыс. человек.

Освобождение Пермской губернии от белых войск произошло в июне — июле 1919 г. в результате успешной Екатеринбургской операции. 1 июля 1919 г. части 3-й армии Восточного фронта заняли Пермь и Кунгур. В дальнейшем губерния была разделена на Екатеринбургскую и Пермскую. После военных действий остались громадные разрушения. Был взорван железнодорожный мост через Каму, вывезены оборудование заводов и фабрик и ценности, сожжен Камский флот. Вследствие быстрого наступления частей 3-й армии Восточного фронта было захвачено большое количество военнопленных, было много перебежчиков из белых войск. На территории губернии оставались люди, служившие в белых войсках и учреждениях, часть из них, несомненно, — с целью вредить Советам. Также оставалась значительная масса дезертиров³⁶.

Органы ЧК с 1919 по начало 1922 г. продолжали работу с категориями «бывших» и духовенства. Она приобретала все более целенаправленный и системный характер, хотя изменились методы работы. 23 сентября 1919 г. Совнарком принял декрет «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе». НКВД поручалась обязательная регистрация помещиков, заводчиков, кадетов, дворян, чтобы выяснить их численность, занятия и местопребывание³⁷. Масштабы постановки на учет «бывших» в Пермском Прикамье были невелики. Скорее они попадали в поле зрения органов ЧК как ранее служившие в белых войсках и вернувшиеся из Сибири, среди которых оказалось достаточно много представителей интеллигенции. В этом проявилась специфика Пермской губернии.

С отступавшими из Пермской губернии войсками Колчака уехало более 60 тыс. человек, более 3000 священников и

550 мулл. По сведениям губЧК, «далеко им уехать не удалось, они рассыпались по городам Урала и теперь смиренхонько возвращаются домой». Контрольно-пропускные пункты Особого отдела их задерживали и препровождали в губЧК для регистрации. Затем эти лица освобождались с подпиской о невыезде³⁸.

Первоначально эта проблема возникла перед органами власти. По циркуляру отдела управления губисполкома от 14 августа 1919 г. уездные военно-революционные комитеты должны были описывать и печатывать имущество всех бежавших с белыми. Виновных в доносах и гонениях на семьи коммунистов и совработников необходимо было взять на учет, и материалы на них направлять в губЧК³⁹.

Кроме работы с категориями органы ЧК арестовывали и приговаривали к наказанию и представителей интеллигенции, совершивших наиболее опасные преступления, в том числе и обвинявшихся в службе у Колчака. 21 июля 1919 г. был арестован юрисконсульт Пермской железной дороги И. А. Пономарев. Он обвинялся в службе следователем в Военном контроле, в чем признался сам. Причем, на службе он находился всего 10 дней, а работал «из-за нужды». Его аргументы чекисты не приняли во внимание. 28 августа Пономарев был признан виновным в службе в Военном контроле, уничтожении документов железнодорожного управления, сокрытии работы в контрразведке и приговорен Коллегией Пермской губЧК к расстрелу. Приговор был исполнен на следующий день⁴⁰. Учитывая те зверства, которые допускали колчаковцы, служба в контрразведке явилась отягчающим обстоятельством.

В 1920 г. интенсивность борьбы со служившими у белых несколько снизилась. Бывший учитель Ф. М. Пономарев из Перми был арестован 3 июля Особым отделом губЧК. Пономарев работал помощником коменданта в Пермском карантинном пункте. До революции он служил в армии и закончил Петергофскую школу прапорщиков. Пономарев был мобилизован в Красную армию, служил командиром роты 27-й Стрелковой дивизии. При наступлении войск А. В. Колчака дезертировал из РККА и служил в 64-м Соликамском полку. 9 июля Коллегией губЧК Пономарев был приговорен к заключению в концлагерь до конца Гражданской войны. Через несколько месяцев ему снизили срок заключения до 5 лет и он был направлен в Кизеловские копи⁴¹.

Вопрос об учете прибывших из Сибири имел столь важное значение, что разбирался органами власти. 23 апреля 1920 г. Пермский губком РКП (б) предложил губЧК разработать меры, «чтобы возвращающихся из “Колчаковии” держать на строгом учете». Проблема стояла настолько остро, что с инициативой регистрации 9 июня на заседании президиума губернского исполкома выступила не только губЧК, но и управление Пермской железной дороги⁴². Положение с многочисленными беженцами вызывало беспокойство у руководства Осинского уезда. 25 мая уездно-городской комитет РКП (б) рассматривал вопрос о создании для них рабочих рот. Резолюция 5-й уездной Осинской конференции партии (10—13 июня 1920 г.) требовала установить надзор за вернувшимися из Сибири⁴³.

Органы ЧК отреагировали на потенциальную опасность. В начале января 1920 г. Секретно-оперативный отдел Пермской губЧК распорядился составить списки бежавших с Колчаком и лиц, принимавших участие в репрессиях против совработников и их семей по каждой волости⁴⁴. В этом году по отношению к вернувшимся из Сибири применялась не регистрация, а постановка на учет, что являлось негласной мерой. Усольское уездное политбюро⁴⁵ за 1—15 мая 1920 г. взяло на учет 27 приехавших от белых, в том числе и одну женщину. Двое из них имели высшее образование, семеро — среднее. В самом Усолье проживали шестеро, в заводском поселке Кизел — семеро, в Майкоре — двое. Имущества большинство не имело, у некоторых было середняцкое хозяйство⁴⁶, что показывает падение жизненного уровня интеллигенции.

Несмотря на то что вернувшиеся из Сибири, как правило, были образованными людьми и работали в советских учреждениях, постановка их на учет продолжалась. Усольское политбюро поставило на учет в первой половине июня 1920 г. семь человек. Двое из них работали в Усольской почтово-телеграфной конторе, по одному — в уездных отделе труда, продовольственном комитете и отделе социального обеспечения. Образовательный уровень был достаточно высок: один человек являлся студентом университета, четверо имели среднее образование (гимназия), один закончил четырехклассное училище. Имущества не имели все⁴⁷.

По приказу ВЧК от 20 сентября 1921 г. основными мерами борьбы с «бывшими» должны были стать постановка на учет и регистрация помещиков, капиталистов, офицеров и лиц, занимавших ответственные должности в царской России. Этот учет поручался различным ведомствам, в том числе военным комиссариатам и органам ЧК⁴⁸. Постановка на учет в Прикамье продолжалась.

Интеллигенты попадали под репрессии органов ЧК и как представители небольшевистских партий. 25 декабря 1920 г. секцией по борьбе с правыми и левыми партиями Пермской губЧК был арестован председатель Пермского Института народного образования Ф. М. Хотенко. В 1918 г. он заведовал начальным училищем в с. Наседка. Во время наступления белых скрывался в Перми. На посту председателя института Хотенко участвовал в съездах, конференциях, комиссиях, организовал много курсов, в начале декабря 1920 г. выступал с докладом на губернской конференции инструкторов при губернском отделе народного образования. Руководство Института народного образования пыталось отстоять своего председателя. 31 декабря на заседании Совета института, по предложению О. И. Житомирского, Ф. М. Хотенко характеризовался «определенным сторонником Советской власти». Наркомпрос оценивал пермский Институт как «коммунистически направленный», в чем была заслуга и председателя. Положительную характеристику Хотенко дали губернские отделение профсоюза работников просвещения и отдел народного образования. Несмотря на это, чекисты заявили, что не может быть и речи об освобождении на поруки. Хотенко был отправлен в ВЧК, о чем губЧК сообщала губкомму РКП (б) 25 апреля 1921 г. Дело вел следователь ВЧК Чистяков⁴⁹.

В отличие от 1918 г. основным методом борьбы органов ЧК с противниками стало информирование власти о настроениях населения и преступлениях на территории губернии. Чекисты продолжили составление сводок и информационных бюллетеней, которые рассылались в ВЧК, местным органам власти и советским учреждениям, чрезвычайным комиссиям и силовым структурам губерний, граничащих с Пермской.

По данным многих сводок Пермской губЧК, большинство духовенства в политическую жизнь не вмешивалось, занималось «исключительно своим делом», «самосозерцанием». Очевидной

причиной такого поведения был красный террор. Некоторые священники даже встречали красные войска «колокольным звоном с иконами» и агитировали за Советскую власть⁵⁰. Произошел фактический раскол духовенства. Но некоторое брожение присутствовало. Так, в начале января 1920 г. в губернии циркулировали слухи о подкупе чекистами священника, который выступал на антирелигиозном диспуте. Пермская губЧК давала по этому поводу разъяснения⁵¹.

С пассивностью духовенства связано и небольшое количество выступлений, зафиксированных в сводках Пермской губЧК. Например, за вторую половину 1919 г. их было всего семь. Больше всего выступлений духовенства в Пермском Прикамье произошло в ноябре и декабре — по три случая. В пяти случаях священники занимались контрреволюционной агитацией, в одном — собирали собрания. Была раскрыта одна организация. Наибольшее количество (4 выступления) отмечено в Оханском уезде⁵². Такое же положение было в Екатеринбургской губернии. В 1919 г. губЧК отмечала, что «99 % духовенства бежало», а оставшиеся «заяняли выжидательную позицию»⁵³.

Первоначально чекисты только собирали информацию о деяниях священнослужителей. Никаких мер органами ЧК к ним принято не было. Дьякон Д. С. Якушев из с. Дворец Оханского уезда в начале ноября 1919 г. выдавал метрики кулакам, прибавляя им возраст, чтобы избавить их от мобилизации в РККА. В ноябре и декабре в бюллетенях губЧК был упомянут дьякон с. Сепыч М. Е. Теплоухов, работавший одновременно в уездном земельном отделе. Он при белых выдавал коммунистов⁵⁴.

В 1920 г. изменилась ситуация на Урале. Начинается массовая конфискация и национализация церковного имущества. Пермскими чекистами был зафиксирован рост числа выступлений духовенства. В сводках нашло отражение 26 выступлений. Это было связано с «зеленым движением» на территории губернии, которое усилилось с проведением продразверстки. Произошел значительный рост волнений, восстаний и выступлений дезертиров. Духовенство сочувственно отнеслось к требованиям крестьянства. В одиннадцати случаях священники занимались контрреволюционной агитацией, в семи — проводили собрания, в одном — хранили оружие. Чекисты в девяти случаях установили секретное наблю-

дение, в трех — произвели аресты, в двух — следствие. Во второй половине июня чекисты отмечали частые трения духовенства с местными исполкомами. Священники обращались с жалобами в губЧК и, хорошо зная постановления Советской власти, ставили органы управления в трудное положение⁵⁵.

Наиболее опасные, с точки зрения чекистов, происшествия произошли в Осинском и Чердынском уездах. В Осинском уезде 1—15 апреля 1920 г. была зафиксирована контрреволюционная агитация. За агитировавшими было установлено наблюдение. В начале мая в восьми волостях того же уезда проводилась агитация. В результате были осуществлены арест обвиняемых и следствие. Шесть выступлений духовенства произошло в Чердынском уезде. В первой половине мая священник собрал крестьян на собрание по поводу конфискации у него 50 десятин земли. Собрание решило вернуть землю. Чердынское политбюро приняло меры⁵⁶. Кроме вышеперечисленных мер, органы ЧК применяли к духовенству и постановку на учет. Так, в марте 1920 г. секцией Пермской губЧК по борьбе с правыми партиями и духовенством было учтено 154 представителя духовенства⁵⁷.

В январе и августе 1920 г. екатеринбургские чекисты продолжали отмечать нейтралитет духовенства, но положение изменилось осенью. В сентябре случаи контрреволюционной агитации наблюдались в Красноуфимском уезде, в октябре — в Шадринском, Верхотурском, Камышловском и Нижнетагильском. В ноябре же отношение духовенства к Советской власти характеризовалось чекистами как «отрицательное», а к РКП (б) — как «открыто враждебное»⁵⁸. Сводки губернских ЧК являются важным источником по истории интеллигенции.

Интеллигенция привлекалась властью к сотрудничеству. При условии лояльности можно было достичь достаточно высокого положения. Так, в 1920 г. в Пермском губисполкоме работали семь представителей интеллигенции, в Челябинском — четверо, в Екатеринбургском — один⁵⁹.

Пермские чекисты также собирали информацию о состоянии в отраслях народного хозяйства и деятельности учреждений. В докладе губЧК за октябрь 1920 г. отмечалось, что отдел здравоохранения принимал все меры для борьбы с эпидемиями, но для его эффективной деятельности не хватало персонала, ле-

карств, инвентаря. В образовательной отрасли дело обстояло хуже: ощущалась нехватка педагогов, было открыто меньше школ, чем запланировано. Тем не менее, начал работу Народный университет, было организовано несколько «подвижных музеев», для решения кадровой проблемы планировалось открыть трехгодичные курсы педагогов⁶⁰.

Чтобы ослабить влияние церковной контрреволюции, уже в 1920 г. ВЧК проводила политику раскола церкви. Так, 9 января Пермское бюро губкома РКП (б) рассмотрело распоряжение ВЧК о поощрении т. н. «Советской церкви» (обновленцев). Бюро решило обратиться в ЦК РКП (б) с «заявлением о недопустимости беспринципной политики ВЧК»⁶¹. Однако в декабре 1920 г. Ф. Э. Дзержинский писал М. Я. Лацису: «...Церковь разваливается, этому надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должно вести ВЧК...»⁶²

В 1921 — начале 1922 г. наблюдалось незначительное усиление недовольства духовенства. За январь — август 1921 г. пермскими чекистами был зафиксирован 31 случай выступлений представителей духовенства. Наиболее распространенной была контрреволюционная агитация священнослужителями на проповедях и в беседах — 12 случаев. Шесть случаев выступлений духовенства зафиксированы в Пермском уезде, по пять — в Оханском и Сарапульском. В шести случаях священнослужителей подозревали в принадлежности к контрреволюционным организациям и устройстве собраний, в четырех — в распространении листовок. ГубЧК и уездные политбюро шесть раз устанавливали секретное наблюдение, по два раза производили аресты и обыски, один раз — следствие⁶³.

Чекисты рассматривали священнослужителей как идеологических противников. Поэтому 31 марта и 4 апреля 1921 г. губЧК направила письма в Пермский уком РКП (б) с запрещением без ее санкции проводить лекции, диспуты и собрания на общие и связанные с духовенством и религией темы⁶⁴. Карательные органы имели право указывать местным комитетам партии на недопустимость определенных действий, связанных с безопасностью государства.

В 1921 — начале 1922 г. гонения на церковь получили новое развитие. В феврале 1921 г. решением партийной власти был закрыт Кунгурский женский монастырь. В ночь с 13 на 14 февраля сотрудники уездной комиссии по борьбе с дезертирством и уездного политбюро в количестве 40 человек предприняли силовую акцию — обыск с целью поимки дезертиров и поиска оружия. В квартире священника монастыря был найден дезертир, в кельях — три револьвера и офицерский мундир. Заведующий политбюро Рыжиков на заседании президиума Кунгурского уездного комитета РКП (б) сообщил: «Тщательный обыск произвести не пришлось... при наличии монахинь в количестве 400 человек, приходилось действовать более аккуратно...» Уком РКП (б) решил монастырь объявить ликвидированным с 15 февраля 1921 г.⁶⁵ Партия не желала терпеть соперников в идеологической области.

Однако духовенство стремилось сохранить свое влияние. В первой половине марта 1921 г. Кунгурское политбюро зафиксировало факты преподавания Закона Божьего в некоторых деревнях. Ответные меры принимались через уездный отдел народного образования. В мусульманских Красноярской и Карьевской волостях Осинского уезда муллы работали ликвидаторами безграмотности и обучали детей Корану⁶⁶.

В конце 1921 г. при Пермской губЧК была создана Камера Народного суда, которая явилась организационным оформлением внесудебных репрессий органов ЧК. Камера Нарсуда рассматривала, по большей части, уголовные дела. В январе 1922 г. среди подсудимых числился один представитель интеллигенции и один священник, в феврале — один представитель интеллигенции⁶⁷.

Таким образом, отношения интеллигенции с советским государством определялись следующими факторами. Наиболее необходимых и ценных специалистов власти привлекали к сотрудничеству, а остальные поступали обратно на службу из-за необходимости кормить себя и свои семьи. Поскольку органы ЧК были призваны защищать Советскую власть, то они беспощадно преследовали всех, кто создавал для нее реальную или мнимую угрозу. Репрессиям подвергались разные слои, в том числе и старая интеллигенция. О массовом участии интеллигенции в активном воору-

женном сопротивлении большевикам говорить не приходится. Отдельные представители интеллигенции принимали в нем участие.

Органы ЧК не проводили репрессий против интеллигенции как категории. Наибольшую опасность для власти, по мнению чекистов, представляло духовенство всех конфессий. Оно рассматривалось партийными комитетами и чекистами в качестве потенциальных руководителей и вдохновителей беспорядков, поэтому на протяжении всех четырех лет органы ЧК активно пресекали деятельность религиозных организаций на территории Пермской губернии. Духовенству был посвящен отдельный раздел в сводках губернских ЧК. В 1918 г. духовенство принимало значительное участие в сопротивлении, затем интенсивность его выступлений резко снизилась. Следует отметить малый масштаб репрессий в 1919—1921 гг. Тем не менее, действия чекистов затрагивали религиозные чувства значительной части населения, поэтому опосредованный негативный эффект от репрессий, восстанавливающий массы против новой власти, был выше, чем прямой.

Представители интеллигенции попадали в поле зрения органов ЧК и в составе таких категорий, как «бывшие», служившие у белых и вернувшиеся из Сибири. Причиной преследований «бывших», как правило, было не участие человека в сопротивлении, а принадлежность к определенным имущим классам. Наиболее жестоко репрессии осуществлялись в 1918 г., в дальнейшем наблюдается смягчение карательной политики. Эти преследования были деперсонифицированными и внесудебными. В основном, под них попадали потенциальные, а часто и воображаемые враги Советской власти. Репрессии против «бывших» были более жесткими, чем репрессии против вернувшихся из Сибири.

Служившие у белых подвергались наказанию, как правило, за конкретные деяния, совершенные ими на службе. Среди политических преступлений большую часть составляли такие деяния, как выдача советских работников и членов их семей. Обвинения в воинских преступлениях (дезертирство, мародерство и др.) обычно дополнялись и уголовными (участие в расстрелах, издевательствах, изнасилованиях, грабежах). Наказание зависело от тяжести преступления, социального положения обвиняемого и времени проведения следствия. В отличие от предыдущей категории вернувшиеся из Сибири подвергались репрессиям за при-

надлежность к таковой. Как правило, они не совершали ничего противозаконного, но были подвергнуты регистрации и постановке на учет как неблагонадежные и подозрительные.

Следует отметить постепенное смягчение методов органов ЧК. В 1918 г. основными методами были превентивный арест заложников, содержание их под стражей и расстрелы при опасности для власти, что было мерами часто вынужденными и неэффективными. В 1920—1921 гг. на первый план вышло использование секретных сотрудников и осведомителей, сбор информации обо всех событиях жизни общества, о недовольных политикой власти. Применение регистрации и постановки на учет позволяло органам ЧК собирать значительную информацию обо всех противниках советского государства. В дальнейшем она часто служила основой для репрессий. Использование таких мер явилось показателем оформления системы органов государственной безопасности.

Итак, история взаимоотношений интеллигенции и органов ЧК в первые годы становления режима является противоречивой и сложной. Значение репрессий было и в том, чтобы дать дорогу новой рабоче-крестьянской интеллигенции, которая начинала складываться в 20-е гг. Репрессии против старой интеллигенции, особенно не выступавшей активно против Советской власти, конечно, имели и негативное значение, поскольку наносили урон интеллектуальному потенциалу страны.

Примечания

¹ Жидков В. С., Соколов К. Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001. С. 451.

² Упрочение Советской власти в Пермской губернии: Документы и материалы. Пермь, 1966. С. 7, 12, 62, 92, 94, 104.

³ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М., 1975. С. 89—93.

⁴ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.: Сб. док. М., 1958. С. 96 (далее — Из истории ВЧК).

⁵ Упрочение Советской власти... С. 10, 104; Известия Пермского губисполкома. 1918. 12 янв.

⁶ Обухов Л. А. Советы Урала в 1917 году: Пособие по спецкурсу. Пермь, 1992. С. 70—71; Упрочение Советской власти... С. 78—79.

⁷ Уральская жизнь. Екатеринбург, 1918. 12 апр.

- ⁸ Упрочение Советской власти... С. 106—108, 364—365, 367—368, 373—374, 376—378, 384; Известия Пермского окрисполкома. 1918. 11 июня; *Спасский А.* Третья армия. Пермь, 1958. С. 13, 22—24.
- ⁹ Упрочение Советской власти... С. 109; Государственный архив Пермской области (далее — ГАПО). Ф. р-301. Оп. 1. Д. 11. Л. 69—70; Известия Пермского губисполкома. 1918. 28 июля.
- ¹⁰ ГАПО. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 11. Л. 44, 45; Современная Пермь. 1919. 9, 31 мая.
- ¹¹ Упрочение Советской власти... С. 393, 373, 106, 385; ГАПО. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 25. Л. 11 об., 13.
- ¹² Упрочение Советской власти... С. 393, 373, 106, 385; ГАПО. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 25. Л. 10 об., 11 об.; Ф. р-732. Оп. 1. Д. 140. Л. 1—3; Ф. р-1580. Оп. 1. Д. 16. Л. 1 об.—2 об.; ФПИ. Оп. 2. Д. 1773. Л. 2; Государственный общественно-политический архив Пермской области (далее — ГОПАПО). Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 12700. Л. 7; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 46. Л. 54 об.; Известия Пермского губисполкома. 1918. 18, 20, 21 июня; Освобождение России. 1919. 19 янв., 15, 16, 25 апр.; Современная Пермь. 1919. 15 июня.
- ¹³ ГАПО. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 30. Л. 1—6; Д. 25. Л. 1—4, 7—9, 10 об.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 46. Л. 55 об., 57.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 30. Л. 1—6; Д. 25. Л. 1—4, 7—9, 10 об.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 46. Л. 55 об., 57; Упрочение Советской власти... С. 107—108, 207—211, 283, 285, 389—390.
- ¹⁵ Известия Пермского губисполкома. 1918. 10 сент.; Освобождение России. 1919. 11 февр.
- ¹⁶ *Тимкин Ю. Н.* Вятская губернская чрезвычайная комиссия в 1918—1920 гг. // Из истории вятских спецслужб в конце XIX—XX вв. Киров, 1997. С. 69; Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. М., 1918. № 6. С. 26; № 3. С. 30 (далее — Еженедельник ЧК).
- ¹⁷ Союз коммун Северной области существовал в 1918—1919 гг. В него входили Петроградская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Северодвинская и Череповецкая губернии. Г. Боровичи ныне находится в Новгородской области.
- ¹⁸ Еженедельник ЧК. 1918. № 6. С. 18.
- ¹⁹ Там же. № 1. С. 24.
- ²⁰ Известия Пермского губисполкома. 1918. 9 окт.; *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917—1922. Пермь, 2004. С. 218—219.

- ²¹ Западная область состояла из шести белорусских и трех украинских губерний дореволюционной России, куда частично входили и русские территории.
- ²² Ежедневник ЧК. 1918. № 5. С. 25.
- ²³ Там же. № 1. С. 25.
- ²⁴ Там же. № 6. С. 27. В документе имеется в виду вооруженное выступление членов «Союза защиты родины и свободы» в Муроме 8 июля 1918 г. под руководством Д. С. Григорьева и полковника Н. Сахарова. Практически сразу выступление было ликвидировано (*Голинков Д. Л.* Крушение. М., 1980. Т. 1. С. 179).
- ²⁵ *Нечаев М. Г.* Указ. соч. С. 220.
- ²⁶ Ежедневник ЧК. 1918. № 5. С. 24—25.
- ²⁷ Там же. № 6. С. 27.
- ²⁸ Там же. С. 28.
- ²⁹ ГОПАПО. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 12700. Л. 1—8.
- ³⁰ Современная Пермь. 1919. 8 мая.
- ³¹ *Нечаев М. Г.* Красный террор и церковь на Урале. Пермь, 1992. С. 4.
- ³² Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля — 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 529—530.
- ³³ Известия Пермского губисполкома. 1918. 12 дек.
- ³⁴ Современная Пермь. 1919. 2 апр.
- ³⁵ 18 декабря войска А. Колчака перешли в наступление вдоль железной дороги Кордон — Кунгур — Пермь и к северу от нее. 21 декабря ими был взят Кунгур (*Спасский А.* Указ. соч. С. 96—101).
- ³⁶ *Андреев К. Н.* Борьба Пермской большевистской организации за ликвидацию последствий колчаковщины. Молотов, 1951. С. 35, 79; ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 122—122 об., 124—124 об., 127 об.; ГАПО. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 16. Л. 4).
- ³⁷ Из истории ВЧК. С. 322.
- ³⁸ *Нечаев М. Г.* Красный террор... С. 11; ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 75 об., 80, 124 об.
- ³⁹ Там же. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 4. Л. 18—18 об.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 12149. Л. 1, 2, 8—10 об., 12, 16—17.
- ⁴¹ Там же. Д. 12698. Л. 6, 8, 13—15, 19 об. —20.
- ⁴² Там же. Ф. 557. Оп. 1. Д. 30. Л. 101; Д. 62. Л. 202.
- ⁴³ Там же. Ф. 754. Оп. 1. Д. 4. Л. 12; Д. 3. Л. 5.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1244. Оп. 1. Д. 6. Л. 67.
- ⁴⁵ Уездное политическое политбюро при уездном управлении милиции — орган ЧК, созданный в рамках второй реформы ЧК в начале 1920 г. и просуществовавший до реорганизации ВЧК в ГПУ. Он имел

- двойное подчинение: в организационном плане — уездному управлению милиции как подотдел, а в оперативном — губернской ЧК.
- ⁴⁶ ГАПО. Ф. р-78. Оп. 3. Д. 22. Л. 62—63 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 75 об. —76.
- ⁴⁸ *Литвин А.* Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. М.; Яуза, 2004. С. 392.
- ⁴⁹ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 48. Л. 275, 277—280, 281—282; ГАПО. Ф. р-179. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.—7.
- ⁵⁰ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 110; Д. 52. Л. 2 об., 9б, 10.
- ⁵¹ Там же. Л. 7.
- ⁵² Там же. Л. 12 об., 51, 57, 66, 75 об., 78, 80, 82, 94 об., 101.
- ⁵³ Цит. по: *Нечаев М. Г.* «Мертвый штиль» на Урале: в поисках путей сосуществования церкви и государства (вторая половина 1919—1921 гг.) // Вестн. Перм. гос. пед. ун-та. Сер. История. 2002. № 1. С. 139.
- ⁵⁴ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 51, 57, 66, 78.
- ⁵⁵ Там же. Д. 52. Л. 2 об., 7, 9 об.—10, 14, 18, 27, 29, 34, 59, 132, 140 об., 158; Д. 53. Л. 5, 17; Д. 197. Л. 184 об.; Д. 53. Л. 5, 8, 14 об., 17, 26 об., 35 об., 41—41 об., 66 об., 70 об.; Оп. 2. Д. 49. Л. 15, 44. Все подсчеты автора.
- ⁵⁶ Там же. Д. 52. Л. 92 об., 132; Оп. 2. Д. 49. Л. 14.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 80 об.
- ⁵⁸ Цит. по: *Нечаев М. Г.* «Мертвый штиль»... С. 141—142.
- ⁵⁹ *Скитина И. В.* Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003. С. 57.
- ⁶⁰ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 50. Л. 23 об.
- ⁶¹ Там же. Д. 30. Л. 6.
- ⁶² Цит. по: *Нечаев М. Г.* Красный террор... С. 13.
- ⁶³ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 45. Л. 49а, 82 об., 29 об., 87 об., 67 об., 92 об., 113, 144 об., 138 об., 133, 149—149 об.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 580. Оп. 1. Д. 120. Л. 29; Д. 112. Л. 228.
- ⁶⁵ ГАПО. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 141. Л. 49—49 об., 110—110 об.; ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 45. Л. 82 об.
- ⁶⁶ ГОПАПО. Оп. 2. Д. 45. Л. 87 об., 94.
- ⁶⁷ ГАПО. Ф. р-464. Оп. 1. Д. 2. Л. 15 об., 22 об.

Ю. Б. Шувалова

**ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1920—1921 гг.:
К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ
РКП (б) И УЧИТЕЛЬСТВА**

Кризисные периоды в истории любого государства неизменно притягивают внимание специалистов. В ретроспективе развития России живейший интерес у историков вызывают события 1914—1921 гг., в том числе проблема становления и укрепления большевистской диктатуры. Среди множества причин сохранения политической гегемонии РКП (б) в период Гражданской войны современные исследователи реже всего упоминают преобразования в культурной сфере. Между тем, образовательные и воспитательные учреждения всегда выполняли в обществе важнейшую функцию, прививая подрастающему поколению необходимые поведенческие, мировоззренческие и политические ориентиры.

Любые изменения в обществе (экономические, политические и социальные) влекут за собой трансформацию духовной сферы. Наиболее опасны общесистемные кризисные ситуации (в отечественной истории к их числу относится период 1914—1921 гг.), в течение которых наблюдаются изменения в общественном и индивидуальном сознании: явления раскола либо нравственного кризиса и кризиса сознания у большинства людей¹. В такие моменты в результате углубления и развития социокультурных противоречий вполне возможны социокультурные инверсии², затрагивающие господствующую в обществе систему ценностей. Закрепление новых аксиологических установок, способствующих становлению новых отношений в обществе, происходит через структуру образовательных и воспитательных учре-

© Шувалова Ю. Б., 2008

Шувалова Юлия Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социологии Пермской государственной сельскохозяйственной академии им. Д. Н. Прянишникова. (342) 290-78-89

ждений. В этой связи объяснение причин победы РКП (б) в Гражданской войне должно включать в себя и анализ политики большевиков в сфере культуры. Последние уже к 1920—1921 гг. смогли подчинить задаче политического и идеологического воспитания масс деятельность всех школ страны.

Одним из основных моментов этой работы стала секуляризация³ образовательных заведений и общества в целом, а также внедрение в сознание масс новой системы ценностей. С одной стороны, секуляризация институтов культуры с позиций теории модернизации являлась вполне закономерным и прогрессивным процессом⁴. Уже до революции 1917 г. российское общество двигалось именно в этом направлении. Количество часов, отводимых школьной программой на преподавание вероучения, составляло и в православных, и в мусульманских учебных заведениях от 3 до 5 часов в неделю⁵. Факты постепенной передачи церковно-приходских школ в ведение земских организаций следует отнести к явлениям того же порядка.

В то же время, большевики, сохранив тенденцию секуляризации общества, придали ей в целом форсированный характер. Среди законодательных актов, действовавших в данном направлении, можно назвать знаменитый декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», а также постановление Народного Комиссариата просвещения «О борьбе с религиозными предрассудками» (4 марта 1920 г.)⁶. С учетом известного консерватизма традиционных обществ становится понятной резкая негативная реакция, последовавшая со стороны населения России в ответ на антирелигиозные мероприятия большевиков. При этом крестьяне протестовали преимущественно по поводу формальных действий, например против снятия икон в школах и отмены преподавания Закона Божьего, чтения и пения молитв⁷ (деревня Пятина Питковской волости, село Половодово, деревня Мучанова Верх-Юсьвинской волости, село Чакилева Усольского уезда, Больше-Сосновский район Оханского уезда Пермской губернии и др.).

Усиленная секуляризация духовной сферы общественной жизни существенно облегчила изменение культурных установок общества и дореволюционной системы ценностей. Этот процесс стал возможен благодаря подключению к нему всех культурно-просветительских и образовательных учреждений. Форсирован-

ный и тотальный характер идеологизации общественной жизни у большей части населения вызывал негативную реакцию. Однако он в какой-то мере раскрывал жителям новые «правила игры», что, в конечном счете, помогло выработать современникам конструктивный тип реакции в данной кризисной и стрессовой ситуации⁸.

Выделить конкретную схему идеологических установок, внедряемых в общество одновременно с процессом секуляризации, чрезвычайно трудно, поскольку само понятие «строительства коммунизма» было весьма расплывчато. Проблемы аксиологии советской культуры и механизмы ее усвоения до сих пор остаются малоизученной темой⁹. В этой связи весьма некорректной представляется формулировка культурной программы большевистской модернизации, предложенная в коллективном труде «Модернизация в России и конфликт ценностей»¹⁰. Авторы выделяют следующие поведенческие и ценностные установки, внедренные в общество с 1917 по 1940 г.: ценности единства, братства, взаимопомощи, «показухи», полуобразованности, культурной ограниченности, пренебрежения к элитарной культуре и ее носителям и т. п. Из всех предложенных в данном труде ценностных установок, целенаправленно прививавшихся широким массам населения в рассматриваемый период, можно согласиться лишь с идеей коллективизма и труда как жизненной потребности личности. Кроме того, в качестве инновации в системе ценностей следует рассматривать распространение идей марксизма и коммунизма как общества всеобщего равенства. Именно популяризация этих идеалов и получила развитие в процессе идеологической деятельности образовательных учреждений в 1920—1921 гг.

Большевики отводили особую роль процессу обучения и воспитания подрастающего поколения: «...школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно осуществить коммунизм»¹¹.

Воспитательный процесс должен был проводиться в соответствии с концепцией трудовой школы. «Трудовая школа стала одним из пунктов коммунистической программы»¹² — «...организация всей школьной жизни должна воспитывать буду-

ших граждан социалистической республики»¹³. В Общих положениях о единой трудовой школе (сентябрь 1918 г.)¹⁴ были определены основные начала школьной работы. «Основой школьной жизни должен служить производительный труд... Он должен быть тесно связан с обучением, освещающим светом знания всю окружающую жизнь... труд должен знакомить детей с самыми разнообразными формами производства, вплоть до самых высших»¹⁵.

Идея, ставшая главным принципом советской школы, была не нова. Проблема трудового воспитания детей поднималась еще земствами. Правда, по мнению дореволюционных педагогов, трудовые процессы должны были превалировать в работе внешкольных учреждений, например детских клубов, детских площадок¹⁶. Большевики пошли дальше. Взяв принцип трудового воспитания за основополагающий признак советского воспитания вообще, они попытались подчинить ему все звенья образовательных и воспитательных детских учреждений.

В единой трудовой школе общественно-производительный труд стал неотъемлемой частью обучения детей школьного возраста. Реализация данного положения предполагалась посредством введения в учебный процесс ручного труда как на специальных уроках, так и в учебных мастерских. Однако осуществлялось это крайне медленно. Создание мастерских при школах затруднялось элементарным отсутствием инструментов и преподавателей. Согласно Основному обследованию народного образования 1920 г., в Екатеринбургской губернии совершенно отсутствовали мастерские при городских школах (сведения были получены от 80 % всех существующих школ в поселениях городского типа). Данные, полученные из сельских школ, менее информативны, поскольку охватили 57 % всех школ. Однако и они свидетельствуют о неудовлетворительном положении дел. Мастерские в 1920 г. были организованы при 44 школах, что составило около 5,5 % от общего количества школ, подавших сведения¹⁷. В Пермской губернии на 1314 школ I и II ступени к 1921 г. действовало 52 столярных, 4 слесарных и 6 переплетных мастерских (4,7 % всех школ)¹⁸. Обязательным стало присутствие специальных мастерских лишь при действующих профессионально-технических учебных заведениях.

В сельской местности общественно-полезный труд должен был внедряться в учебный процесс посредством организации

сельскохозяйственных работ учащихся. В Общих положениях о единой трудовой школе указывалось: «Каждой школе должен быть отведен свободный от построек земельный участок, не менее одной десятины в сельских школах»¹⁹. На этих участках ученики и преподавательский состав должны были вести коллективное школьное хозяйство.

На Среднем Урале земельные участки школам начали отводить только с 1920 г. Участки были не всегда удобны для сельскохозяйственных работ. По данным Основного обследования народного образования 1920 г., в Екатеринбургской губернии из 721 сельской школы I ступени (51 % от общего числа) земельными участками было удовлетворено 628 школ. Из них 6,9 % школ получили земельные участки в отдалении от школьного здания. По норме (не менее одной десятины земли — статья 25 Общих положений о единой трудовой школе) были выделены участки только 43 школам²⁰. В Пермской губернии наблюдалась примерно такая же картина. Например, в Усольском уезде Пермской губернии приусадебные участки были выделены в 1919—1920 гг. примерно половине сельских школ. В остальных уездах этот процесс только начинался. В целом по губернии еще в 1921 г. школьными земельными участками располагало порядка 50 % всех школ.

Данные о реальных сельскохозяйственных работах школьников противоречивы. В одних уездах занятия огородничеством имели некоторый результат, и школы получили возможность организовать хотя бы в скромных размерах питание детей (как правило, это были горячие завтраки). В других уездах результаты школьных сельскохозяйственных кампаний не оправдывали своих ожиданий. Осинский уездный отдел народного управления в своем докладе очередному уездному съезду Советов отмечал: «Были сплошь и рядом случаи, когда школьный огород дал худший урожай, чем огороды местных крестьян»²¹. Отчеты школ из уездов Екатеринбургской губернии в 1920 г. свидетельствуют об отсутствии широкомасштабных сельскохозяйственных работ на пришкольных участках. В то же время, по данным Основного обследования 1920 г., 260 школ губернии имели сады, 585 — огороды²². Скорее всего, речь шла о садах и огородах, заложенных еще до революции.

При помощи низших учебных заведений пытались проводить кампанию по пропаганде среди крестьян коллективных

способов ведения хозяйства. В 1919—1920 гг. была составлена Инструкция по организации учащихся сельских школ в сельскохозяйственных работах, в которой учителям, учащимся и остальной сельской молодежи предлагалось сорганизоваться в сельскохозяйственные рабочие отряды для коллективных работ в отдельных частных хозяйствах с целью «...демонстрации выгод и преимуществ форм обобществленного хозяйства сравнительно с мелкими раздробленными хозяйствами одиночками»²³. Эта инструкция, учитывая слабость внедрения идей трудовой школы на местах в Пермской губернии, осталась, по-видимому, только на бумаге.

Другим принципом единой трудовой школы стало школьное самоуправление, осуществлявшееся в обязательном порядке во всех учебных заведениях. Ответственным органом был школьный совет, который состоял из школьных работников, представителя отдела народного образования и представителей от местного населения и учеников. Школьный совет ведал широким кругом вопросов, связанных с хозяйственной жизнью школы и процессом обучения²⁴. Демократизация управленческих процессов в школах, с одной стороны, должна была положительно сказаться на политическом, точнее, гражданском воспитании школьников. С другой стороны, можно было ожидать негативного эффекта в области организации учебного процесса, поскольку школьный совет мог вносить в него свои коррективы. В действительности школьные советы на Среднем Урале оказались в большинстве случаев пассивными и недееспособными, в некоторых уездах процесс создания школьных советов затянулся до середины 1920 г. (Ирбитский уезд Екатеринбургской губернии)²⁵.

Говоря о воспитательной стороне учебного процесса, нельзя обойти вниманием деятельность школ-коммун (или домов-коммун). Эти учреждения впервые появились на территории Среднего Урала в начале 1920 г. в результате реорганизации дореволюционных учреждений общественного призрения. Как правило, состояние школ-коммун было неудовлетворительно. В отчете подотдела охраны детства Екатеринбургского и Камышловского уездных отделов образования за 1920 г. говорилось, например, о проблемах, связанных с недостаточным питанием детей (нехватка жиров и сахара), плохими гигиеническими условиями,

отсутствием необходимого количества одежды, обуви, белья и проч.²⁶ Подобная ситуация была характерна для всего Урала²⁷.

Несмотря на все материальные затруднения, школы-коммуны занимали особое место в системе образования. Во-первых, они объединяли в себе все ступени процесса образования и воспитания детей: дошкольные учреждения, школы I и II ступени. Во-вторых, в большинстве случаев именно школы-коммуны проводили раньше всех апробацию идей единой трудовой школы. Школам-коммунам местные органы власти должны были в первую очередь оказывать материальную помощь (ремонт дач, снабжение мебелью и инвентарем), отводить земельные участки²⁸ и т. п. В 1920 г. была даже составлена инструкция по устройству загородных детских домов, в которой формулировались основные принципы организации школ-коммун. Последние должны были объединить в себе несколько детских домов (коммуна коммун) для правильной (т. е. основанной на принципах коллективизма) организации сельскохозяйственных работ²⁹.

К началу 1921 г. большинство школ-коммун Осинского уезда Пермской губернии строили свою работу в соответствии с Основными положениями о единой трудовой школе. Школьная жизнь базировалась на принципах самоуправления. При школах-коммунах создавались исполкомы с отделами, регулярно выступавшие с отчетами о проделанной работе на общих собраниях³⁰. Дети и учителя устраивали субботники. В школах-коммунах имелось собственное хозяйство, например в Ашاپской школе-коммуне — около 10 коров и две лошади³¹. В начале 1921 г. в некоторых школах появились собственные огороды. В Федоровской школе Аряжской волости Осинского уезда ученики вели внешкольную работу — в их распоряжении находился фонарь и картины. По мере возможности во внешкольных мероприятиях участвовали и учителя, читались лекции³².

Благотворное влияние воспитательной работы на детей-коммунаров было отчасти кажущимся. В ноябре 1920 г. в комиссии Осинского уездного отдела народного образования по делам несовершеннолетних, обвиненных в общественно-опасных действиях, разбиралось дело № 119. По нему проходило 14 воспитанников Ашاپской школы-коммуны, в вину которым ставились дезорганизация школьной жизни, воровство и избивание малолетних³³.

Слабым звеном в школьных преобразованиях большевиков стало отсутствие четких методических разработок процесса обучения. Создание школы нового типа ассоциировалось, прежде всего, с разрушением традиционных форм обучения и введением новых. На Среднем Урале работники местных отделов народного образования видели внедрение принципа трудовой школы в переходе от предметной формы преподавания к студийно-цикловой. На местах уже в 1919/20 уч. г. началась ломка традиционной предметной системы преподавания. Вместо нее внедрялись новые формы организации учебного процесса.

Теоретические основы студийно-циклового способа преподавания в рамках Среднего Урала впервые были разработаны и внедрены в процесс обучения Пермским институтом народного образования, созданным в 1919 г. специально для подготовки учителей³⁴ и разработки новых принципов обучения. В основу был положен тезис «брать жизненные явления и через них постигать науку»³⁵. В едином цикле объединялись родственные предметы. Помимо цикловых дисциплин, объединявших социологические, философские, естественные и физико-математические науки, существовали внецикловые — различные виды искусств³⁶.

В результате экспериментов с программами и методами обучения большинство общеобразовательных школ Среднего Урала оказалось в состоянии «поиска». Учебных программ не было, а от обучения по циклам советская система народного образования вынужденно отказалась уже в начале 1920-х гг., как от неэффективной.

Становление советской школы на местах затруднялось и низким уровнем организации учебного процесса. Многие школы не были приспособлены к ведению занятий: тесные помещения, освещение недостаточное или отсутствовало вовсе. По данным Основного обследования народного образования в 1920 г., в Екатеринбургской губернии примерно в половине учебных заведений занятия шли без всякого освещения (52,1 % сельских и 41 % городских школ I ступени). Чуть больше половины сельских школ I ступени имели специальное помещение для занятий (56,2 %) и только в 76 (5,8 %) были оборудованы ночлежные приюты для учащихся³⁷. В 1180 школах Пермской губернии единственным освещением была лучина³⁸. В г. Перми в январе 1921 г. на общего-

родской конференции-курсах школьных работников вообще был поднят вопрос о существовании в 1921/22 уч. г. школ II ступени. Главной причиной возможного закрытия этих школ назывались невыносимые условия работы: «...нет дров, холодно, в окно не вставлены зимние рамы, нет освещения...»³⁹

Общая неразбериха с организацией процесса обучения в школах усугублялась нехваткой канцелярских принадлежностей, наглядных пособий, учебников. Согласно данным Основного обследования народного образования, в 1920 г. в Екатеринбургской губернии около 43,4 % сельских школ I ступени вообще не имели никаких письменных принадлежностей. В городах дело обстояло немного лучше. Там без бумаги, перьев и карандашей занимались порядка 36 % школ I ступени⁴⁰. В Пермской губернии в небольших количествах имели бумагу 63 % школ, пользовались карандашами 13 % учебных заведений⁴¹.

Благополучнее обстояло дело с учебниками. В Екатеринбургской губернии без всяких учебных пособий оказалось порядка 3,6 % сельских и городских школ I ступени. Данное обстоятельство отчасти можно было объяснить дореволюционной деятельностью земств в сфере народного образования. Как правило, создавая школьную сеть в рамках какого-либо уезда, в основном в сельской местности, управы старались в кратчайшие сроки организовать при учебных заведениях ученические, а иногда и учительские школьные библиотеки. Характерно в этой связи, что в Екатеринбургской губернии школьными библиотеками располагали в большей степени сельские школы (60,4 %), нежели городские (37,2 %).

Посещаемость занятий в школах была крайне неудовлетворительной. Только в теплое время года она достигала своего максимального показателя — 75—80 % (Каменский и Шадринский уезды Екатеринбургской губернии, Осинский уезд Пермской губернии⁴²). В зимнее время года уровень посещения занятий резко снижался из-за отсутствия у большинства учеников, особенно в сельской местности, теплой одежды и обуви. По этой причине зимой 1919—1920 гг. резко упала посещаемость в школах Пермского уезда — до 40 %. В сельских школах Оханского и Осинского уездов Пермской губернии по тем же обстоятельствам в конце 1920 г. почти половина детей школьного возраста не посещала занятий⁴³.

Одной из причин подобного явления, помимо отсутствия одежды и обуви, стал рост численности эпидемических заболеваний в обеих губерниях. В ряде случаев для предотвращения дальнейшего распространения заболеваний администрация вынуждена была закрывать учебные заведения. По данным Основного обследования народного образования, в 1920 г. в Екатеринбургской губернии вследствие развития различного рода эпидемий временно не работало в городах 88 школ I ступени, в сельской местности — 135. В Пермской губернии по той же причине были прекращены занятия в 135 школах⁴⁴. Другой причиной временного закрытия школ стало отсутствие топлива (особенно в начале 1920 г.). В Екатеринбургской губернии перерывы в занятиях по этой причине имели место в 45 случаях⁴⁵. Зимой 1920 и 1921 гг. из-за отсутствия топлива Пермский губернский отдел народного образования вынужден был закрыть 138 образовательных учреждений⁴⁶.

Несмотря на все трудности, переживаемые на заключительном этапе гражданской войны учебными заведениями, можно говорить об оформлении в течение 1920—1921 гг. (первоначально стихийно, затем — более целенаправленно) в их деятельности идеологической функции. С мая 1921 г., согласно резолюции I Всероссийского съезда губернских школьных инструкторов, политико-воспитательная работа официально признавалась неотъемлемым атрибутом учебных заведений⁴⁷. Уже в 1920—1921 гг. в ряде школ Пермской губернии, например, установилась практика ведения политграмоты. Процесс этот только начинался, и охват школ был не полным. Политграмма преподавалась в основном в старших классах в объеме от 11 до 38 часов в год⁴⁸.

Подрастающее поколение, таким образом, получало новые социокультурные ориентиры и модели поведения, востребованные правящей партией в тот момент времени, в процессе обучения. Это во многом стало возможно благодаря наличию лояльно настроенных по отношению к Советской власти деятелей культуры и образования.

Отметим сложность ситуации, в которой оказалась правящая партия. Глобальной проблемой тех лет на местах стало отсутствие преподавателей. И это — несмотря на увеличение общей численности преподавательского состава на Среднем Урале. Согласно данным Основного обследования народного образова-

ния 1920 г., в Пермской губернии в 1920/21 уч. г. (в сравнении с 1914/15 уч. г.) учителей стало больше на 1720 человек (без Кунгурского уезда), в Екатеринбургской — на 686 (без Верхотурского и Красноуфимского уездов).

В то же время, в Екатеринбургской губернии из-за отсутствия работников просвещения в Камышловском уезде было закрыто 10 школ I ступени, в Шадринском — 13, в Алапаевском — 10 и в Красноуфимском — до 30. Всего по этой причине в Екатеринбургской губернии в 1920/21 уч. г. бездействовали 161 школа I ступени и 9 школ II ступени⁴⁹. В действующих школах на одного учителя приходилось по 50—70 учеников, иногда — до 100, занятия шли с несколькими классами одновременно⁵⁰.

В Осинском уезде Пермской губернии в 1920/21 уч. г. для обеспечения нормального процесса обучения не хватало 1349 учителей. На одного учителя приходилось 120 учеников. Из-за отсутствия преподавателей не работало 30 школ⁵¹. В Усольском уезде в том же учебном году без преподавательского состава оставалось 8 школ, всего вакансий по школам I ступени было 54, по школам II ступени — 23⁵². В Оханском уезде недостаток учителей исчислялся 655 вакансиями⁵³. В этом же уезде была предпринята попытка создания в конце 1920 г. уникального для Среднего Урала института передвижных преподавателей. Правда, количество последних (2 человека) было крайне незначительно⁵⁴.

Проблему пытались разрешить методами политики «военного коммунизма». В Екатеринбургской губернии, например, в начале 1920 г. была объявлена мобилизация специалистов. Поскольку данное мероприятие не смогло ликвидировать текучесть кадров, в феврале 1920 г. Екатеринбургский губернский отдел народного образования был вынужден прибегнуть к закреплению кадрового состава за школой в течение учебного года⁵⁵. В Пермской губернии в случае установления факта самовольной отлучки учителей дело для разбирательства направлялось в губернский комдезертир. С начала 1921 г. карательные функции в подобных ситуациях исполняли и дисциплинарные суды профсоюза работников просвещения и социалистической культуры⁵⁶.

Таким образом, привлечение к образовательному и воспитательному процессу старых специалистов-учителей было неизбежным. Толерантность последних по отношению к новой власти

и их готовность к содействию нельзя преувеличивать, как это делалось в трудах советских и некоторых современных исследователей⁵⁷. Большевики уже имели негативный для себя опыт деятельности Всероссийского учительского союза, потому и не полагались на волю случая. Кроме того, иногда учителя открыто демонстрировали свою нелояльность к существующему режиму. Например, согласно информационным сводкам Пермской губЧК, преподаватели школ г. Оханска и некоторые советские работники способствовали распространению идей анархизма (по сведениям губЧК городская организация насчитывала до 10 членов и десятки сочувствующих). В мае 1920 г. один оханский учитель был отправлен в Пермь на съезд учителей с определенной политической целью — наладить связи с учителями-анархистами⁵⁸.

В течение 1919—1921 гг. правящей партией создавались контролирующие организации, объединявшие работников культуры и образования на базе профессионального союза. В условиях тотального контроля со стороны РКП (б) произошло учреждение Всероссийского союза работников просвещения и социалистической культуры. Инициатором создания подобного союза выступила фракция коммунистов съезда учителей-интернационалистов (январь 1919 г.). Первоначально предлагалось учреждение профсоюза учителей. Затем Всероссийское совещание коммунистов выработало устав и план организации, объединившей работников образовательных и культурных заведений⁵⁹.

На местах инициатива принадлежала местным партийным органам. В состав инициативных групп входили, как правило, коммунисты; хотя предусматривалось и включение лиц из числа сочувствующих большевикам. В идеальном варианте Союз должен был объединить всех работников просвещения и культуры, однако «...в число членов союза не допускались лица, обнаружившие свою политическую враждебность политической платформе или непригодность в области политической или культурной деятельности»⁶⁰. В случае необходимости (т. е. явной аполитичности вступающего в союз) требовалось поручительство двоих членов РКП (б).

На Среднем Урале создание союзов работников просвещения и социалистической культуры началось в конце 1919 г. Вопросы учреждения уездных, а затем и губернских профсоюзных орга-

низаций были вынесены на местные съезды учителей, практически повсеместно проходившие в начале 1920 г. Характерно было быстрое увеличение численности организаций. В Пермской губернии, например, в начале 1920 г. членами профсоюза числилось 3907 человек, в октябре того же года — уже 5719, из них только 251 специалист по внешкольной работе и 108 технических служащих, остальные — учителя. Удельный вес коммунистов был невелик (271 человек или 4,7 %), но руководство деятельностью губернской организации осуществляли именно они: в губернском правлении неизменно доминировали члены РКП (б), а стечение обстоятельств позволяло им практически единовластно принимать решения. Отметим, что на губернском уровне во главу угла были поставлены задачи производственного характера. Пермский и Екатеринбургский комитеты Союза в течение 1920—1921 гг. (даже в условиях новой экономической политики), зачастую без предварительного уведомления отделов народного образования, проводили многочисленные мобилизации и переброски работников просвещения для организации той или иной работы в пределах губерний. Летом 1920 г. за счет перераспределения учителей, оставленных, кстати говоря, без отпуска, в Пермской губернии была несколько улучшена работа культурно-просветительских учреждений (библиотеки, избы-читальни)⁶¹. Деятельность уездных организаций отличалась большим утилитаризмом (основное внимание уделялось проблемам снабжения, оплаты труда и проч.) и стихийностью⁶².

Другой формой контроля, прежде всего, за политической благонадежностью учителей стала организация перевыборов учителей, фактически — отсева политически неблагонадежного элемента. Начиная с 1918 г.⁶³ по всей России, а с 1919—1920 гг. и на Среднем Урале шел отбор преподавательских кадров. Проходил он под демократической вывеской перевыборов учителей. Последние производились местным отделом и Советом народного образования с представительством советских и профсоюзных органов управления и преследовали вполне определенные политические цели:

«...18) Освобождение учительства от всех элементов, враждебных Советской власти.

19) Освобождение учительства от всех элементов, непригодных для строительства новых школ в интересах пролетариата и крестьянства.

20) Привлечение в ряды школьных работников лиц, которым был закрыт доступ в школы при старом режиме.

21) Привлечение новых кадров работников просвещения из рядов пролетариата»⁶⁴.

В Екатеринбургской губернии нехватка учителей была более ощутима, а состояние учебных заведений более проблематично. Поэтому на территории Среднего Зауралья широкой кампании по перевыборам преподавательского состава в 1920 г. не проводилось. В Пермской губернии, как справедливо отметил И. Нарский, в 1920 г. система народного образования переживала некоторый подъем⁶⁵. Органы наробраза сочли возможным произвести в 1920 г. перевыборы педагогического персонала с целью наиболее рационального его использования. В некоторых случаях, как, например, в Чердынском уезде, многие преподаватели были переведены со старого места работы, т. к. «...чем дальше будет преподаватель от своего хозяйства, тем больше он будет уделять сил и времени для работы в школе»⁶⁶.

Перевыборы учителей, бесспорно, имели политическую подоплеку. Дело в том, что сочувственное отношение большевики, как правило, встречали со стороны преподавателей с относительно небольшим, не более 5—10 лет, стажем педагогической деятельности. Данное обстоятельство объяснялось, во-первых, большей восприимчивостью молодых специалистов к новым идеям преподавания. Педагоги, проработавшие в школах более 10 лет, были гораздо консервативнее. В отдаленных от губернского центра уездах, где сохранялся костяк дореволюционных учителей (Чердынский уезд Пермской губернии), трудовые процессы в школах в принципе не проводились⁶⁷. Во-вторых, молодежь, обучавшаяся в специальных педагогических учебных учреждениях или повышавшая свою квалификацию на курсах, подвергалась массивному идеологическому воздействию. Например, в Пермском институте народного образования обучение включало в себя в 1920/21 уч. г., помимо цикловых дисциплин, общий курс с такими предметами, как общая теория революции,

история и теория научного социализма, советская конституция, учение в трудовой школе⁶⁸.

В результате перевыборов большинство учительского персонала, наиболее опытного, но консервативно настроенного, прекратило свою преподавательскую деятельность. На смену пришли лояльно настроенные по отношению к новой власти, но в основном неквалифицированные кадры. В итоге почти половина учителей в губернии, точнее, 46 % к 1919—1920 гг. не имели никакого опыта педагогической работы⁶⁹. Характерно, что резкое омоложение и общее снижение профессионализма преподавательского состава советских школ более всего было заметно в Оханском и Усольском уездах Пермской губернии. Учителя в возрасте 20—25 лет в этих уездах составляли в 1922 г., соответственно, 38,85 и 35,2 % преподавательского состава. Уменьшение количества учителей с большим стажем педагогической деятельности, таким образом, наблюдалось на окраинах, где реальная власть большевиков была слабее.

Кардинальную смену учителей, имевшую место в некоторых уездах Прикамья, отчасти объясняют и чрезвычайные условия существования образовательных учреждений Среднего Урала в 1918—1919 гг. Частая смена власти, эвакуация большей части учителей вместе с отступающей армией А. Колчака негативно отразились на общей численности работников школьного и внешкольного образования. Источники пополнения кадров в сфере просвещения были ограничены контролем за благонадежностью учителей со стороны правящей партии. Благодаря этому, часть потенциальных преподавателей, имевших дореволюционный опыт педагогической деятельности, оказалась невостребованной. Недостающий контингент учителей восполнялся по мере возможности из среды грамотных непрофессионалов-«выдвиженцев».

В условиях катастрофической нехватки учителей в отдаленных уездах Пермской губернии перевыборы не приносили качественных результатов. Например, в ходе перевыборов учителей в Усольском уезде непригодными к работе в советских школах были признаны более половины всех преподавателей. Однако практически все из них из-за отсутствия должного количества образованных служащих были так или иначе привлечены к работе в местных органах народного образования⁷⁰.

Кампания перевыборов в целом имела, скорее, обратный эффект, поскольку проблема отсутствия квалифицированных работников в сфере образования в это время стала еще более острой. Если в мирное дореволюционное время больше половины земских учителей на Среднем Урале имели высшее, специальное или среднее образование, то уже в 1919—1921 гг. их доля резко сократилась. Теоретические основы работы в общеобразовательных школах большинство педагогов в эти годы получало на краткосрочных курсах⁷¹. Однако весьма короткий срок обучения, как правило не более двух месяцев, не давал необходимого объема знаний. Сравнительно фундаментальную подготовку в сфере дошкольного, школьного и внешкольного образования можно было получить только в Пермском институте народного образования, в котором действовали соответствующие отделения. Высшее или специальное образование, согласно данным Основного обследования народного образования (1920 г.), в Екатеринбургской губернии имели единицы, подавляющее большинство учителей (примерно половина оставшихся) получило низшее и незаконченное среднее образование, остальные окончили курс средних учебных заведений⁷². Добавим, что такое положение дел наблюдалось и на остальной территории советской России⁷³.

Отметим также, что в центральной России процесс замены консервативно настроенного учительства происходил не так резко, как на Среднем Урале. В 32 губерниях центра в 1920 г. педагоги с минимальным стажем (до двух лет) составляли примерно треть всех учителей. Количественное соотношение молодых преподавателей в возрасте до 25 лет и остальных специалистов также было меньше, чем по Среднему Уралу, — 22,6%⁷⁴. По-видимому, учительский персонал учебных заведений в центре в принципе был более лоялен к проводимой большевиками политике, что и предотвратило радикальные перемены.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить несколько моментов. Работа российских образовательных учреждений к 1920—1921 гг. приобрела четко выраженную идеологическую направленность. В школах Среднего Урала, несмотря на экономические трудности, вызванные общей хозяйственной разрухой и последствиями военных действий, в рассматриваемый период также началась кардинальная реорганизация образова-

тельного процесса. Через сеть учебных заведений шло распространение новых идеогамм среди населения.

Культурная политика в сфере образования, таким образом, являлась неотъемлемым элементом официального социально-экономического и политического курса большевиков периода 1918 — начала 1921 г., поскольку интенсивная идеологизация подрастающего поколения позволила правящей партии хотя бы отчасти узаконить себя и свою политику. С одной стороны, она (политика) создавала идеологическую основу новому политическому режиму, с другой — не ломала основных тенденций, преобладающих в духовном развитии дореволюционного российского общества (секуляризация образования, рост грамотности населения и т. п.). На наш взгляд, именно это обстоятельство предопределило окончательную победу большевиков в Гражданской войне.

Параллельно реорганизации образовательных учреждений на Среднем Урале в 1920—1921 гг. шел процесс огосударствления учительства. Средством включения преподавательского состава в систему государственного образования стали профессиональные союзы работников просвещения и социалистической культуры, а также перевыборы учителей. В ходе последних правящей партией решались конкретные задачи: контроль за деятельностью учителей, радикальное обновление кадров и формирование новой социальной прослойки — советского учительства.

Примечания

- ¹ *Щербань Н. В.* В. О. Ключевский о смуте // Отечественная история. 1997. № 4. С. 95—96; *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 2002. С. 369—376; *Косарев А.* Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость. М., 2002. С. 193.
- ² Термин А. С. Ахиезера. К сожалению, автор, анализируя эпоху «военного коммунизма», основное внимание уделяет социокультурным инверсиям в политической сфере (кризис соборного идеала и переход к умеренному авторитаризму). См.: *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1. С.424—455.
- ³ Культурное строительство в РСФСР. 1917—1927 гг. М., 1984. Т. 1. Ч. 2. С. 31—32.

- ⁴ *Лейбович О. Л.* Модернизация в России: (К методологии изучения современной отечественной истории). Пермь, 1996. С. 25; *Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г.* Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 136.
- ⁵ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. р-17. Оп. 1. Д. 39. Л. 1 об.
- ⁶ Культурное строительство в РСФСР. Т. 1. Ч. 1. С. 291.
- ⁷ ГАСО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Государственный архив Пермской области (далее — ГАПО). Ф. р-23. Оп. 1. Д. 31. Л. 16—17.
- ⁸ *Бабаков В. Г.* Кризисные этносы. М., 1993. С. 155—156.
- ⁹ *Латина И. А.* Аксиология советской культуры как предмет исторического исследования // Культура и интеллигенция России XX в. как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения: Тез. докл. науч. конф., посвященной 85-летию со дня рождения проф. Л. М. Зак и 70-летию со дня рождения проф. В. Г. Чуфарова, 30—31 мая 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 26—27.
- ¹⁰ Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С. 86—95.
- ¹¹ Программа РКП (б) // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1974. Т. 38. С. 431.
- ¹² *Крупская Н. К.* Избранные педагогические произведения. М., 1957. С. 140.
- ¹³ ГАПО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 17. Л. 28.
- ¹⁴ Там же. Л. 26 об. — 29 об.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Бондюк В. В.* Детские клубы; *Ческидова М. А.* Детские приюты: их прошлое и настоящее; *Суханова В. С.* Цель и задачи дошкольного воспитания. Екатеринбург, 1919. С. 5—6.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 49, 52.
- ¹⁸ ГАПО. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 7 об.
- ¹⁹ Там же. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 17. Л. 28 об.
- ²⁰ ГАСО. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 40.
- ²¹ ГАПО. Ф. р-356. Оп. 1. Д. 68. Л. 52 об.
- ²² ГАСО. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 40.
- ²³ ГАПО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 17. Л. 38—38 об.
- ²⁴ Там же. Л. 29.
- ²⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 1364. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.
- ²⁶ ГАСО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 43. Л. 1 об., 28.
- ²⁷ *Нарский И.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 153—154.

- ²⁸ ГАПО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.
- ²⁹ Там же. Д. 126. Л. 10—11.
- ³⁰ Там же. Ф. р-436. Оп. 1. Д. 105. Л. 14—14 об.; Ф. р-354. Оп. 2. Д. 11. Л. 11 об.
- ³¹ Там же. Ф. р-354. Оп. 2. Д. 11. Л. 11—11 об.
- ³² Там же. Л. 16.
- ³³ Там же. Д. 2. Л. 6.
- ³⁴ Первенство разработки проекта открытия педагогического института принадлежит земской управе, которая еще в начале 1919 г. выдвинула и разработала план организации и примерную смету по оборудованию института (см.: ГАПО. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 224. Л. 39—43 об.). Сам институт в 1919 г. организован в результате слияния нескольких учебных заведений.
- ³⁵ ГАПО. Ф. р-179. Оп. 1. Д. 2. Л. 15—16.
- ³⁶ Там же; Работа II губернской конференции работников просвещения и социалистической культуры (16—23 октября 1920 г.): Протоколы, резолюции, тезисы. Пермь, 1920. С. 25.
- ³⁷ ГАСО. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 49, 52.
- ³⁸ ГАПО. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 8.
- ³⁹ Там же. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 60. Л. 217.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 49, 52.
- ⁴¹ ГАПО. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 7 об.
- ⁴² ГАСО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 43. Л. 27; ГАПО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 30. Л. 104.
- ⁴³ ГАПО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 30. Л. 45, 47, 52, 53 об., 103 об.; Д. 31. Л. 28—29 об.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 49, 52; Ф. р-732. Оп. 2. Д. 4. Л. 51.
- ⁴⁵ Там же. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 49, 52.
- ⁴⁶ ГАПО. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 184. Л. 18; Д. 25. Л. 4; Д. 199. Л. 7 об.
- ⁴⁷ Культурное строительство в РСФСР. Т. 1. Ч. 2. С. 31—32.
- ⁴⁸ Статистический обзор народного образования в Пермской губернии за 1922—1923 год. Пермь, 1924. С. 63.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 49, 52.
- ⁵⁰ Там же. Ф. р-705. Оп. 1. Д. 26. Л. 106—106 об.
- ⁵¹ ГАПО. Ф. р-356. Оп. 1. Д. 67. Л. 79; Д. 68. Л. 51 об.; Ф. р-23. Оп. 1. Д. 30. Л. 104.
- ⁵² Там же. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 30. Л. 222 об.
- ⁵³ Там же. Д. 28. Л. 2 об.
- ⁵⁴ Там же. Д. 30. Л. 98.
- ⁵⁵ ГАСО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

- ⁵⁶ Работа II губернской конференции работников просвещения и социалистической культуры... С. 7; ГАПО. Ф. р-354. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.
- ⁵⁷ *Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948. С. 25—28. Современные российские исследователи (например, А. Е. Рябинкин, В. С. Меметов) несколько изменили угол зрения на проблему толерантности деятелей культуры и образования по отношению к Советской власти и используют факты содействия большевистской политике со стороны интеллигенции для объяснения сжатых временных сроков, в которые была создана советская наука, система бесплатного образования, здравоохранения и т. п. (см.: Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века: Научная конференция в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1997. № 4. С. 206—209).
- ⁵⁸ Государственный общественно-политический архив Пермской области (далее — ГОПАПО). Ф. 577. Оп. 1. Д. 52. Л. 34—35 об., 102 об., 140 об.
- ⁵⁹ Культурное строительство в РСФСР. Т. 1. Ч. 1. С. 10—11.
- ⁶⁰ ГАПО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 11. Л. 93.
- ⁶¹ Работа II губернской конференции работников просвещения и социалистической культуры... С. 7, 22—23; ГАСО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.
- ⁶² Юбилейный сборник Пермской организации Союза работников просвещения. Пермь, 1924. С. 10—18, 37—41.
- ⁶³ Инструкция о выборах на учебные и учебно-административные должности в школах, принятая 17 июня 1918 г. Государственной комиссией по просвещению // Бюллетень отдела народного образования при Осинском уездном совдепе. Оса, 1918. С. 26—29.
- ⁶⁴ ГОПАПО. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 8. Л. 36—36 об.
- ⁶⁵ *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. С. 146.
- ⁶⁶ ГАПО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 30. Л. 100.
- ⁶⁷ Там же. Л. 27—28.
- ⁶⁸ Работа II губернской конференции работников просвещения и социалистической культуры... С. 5—7.
- ⁶⁹ Статистический обзор народного образования в Пермской губернии... С. 44—47; ГАПО. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 8.
- ⁷⁰ Там же. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 30. Л. 103.
- ⁷¹ ГАСО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 40. Л. 44; ГАПО. Ф. р-265. Оп. 1. Д. 12. Л. 5 об.
- ⁷² ГАСО. Ф. р-46. Оп. 1. Д. 18. Л. 23—24 об., 28—29 об.
- ⁷³ Согласно данным об уровне образования учителей по 32 губерниям Центральной России, высшее образование имели 2 % всех учителей,

незаконченное высшее и среднее — 42,7 %, незаконченное среднее, низшее и домашнее — 55,3 %. См.: Культурное строительство в РСФСР. Т. 1. Ч. 1. С. 134—135.

⁷⁴ Там же.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. С. Смирнов

НОВАЯ МОЛОДАЯ РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НООСФЕРНОЙ ЭКОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ПЕРСОНОЛОГИИ XXI века*

Экология молодой интеллигенции

Для понимания смысла порождения молодой российской интеллигенции очень важно остановиться на проблеме «экологии молодежной культуры»: ее формирование зависит не столько от *виртуальной* (компьютерной), сколько от создания (воссоздания) *реальной* среды обитания. Некоторые специалисты в области образования думают, что такая среда создается прежде всего техническими условиями, но в действительности главная среда обитания, где только и может существовать интеллигенция, — это исконная культурная среда, помещенная в естественный архитектурно-ландшафтный синтез, формировавшийся столетиями. Только в этом случае сможет существовать то, что называлось русской интеллигенцией, — неразрывность гения места и гения культуры. Не случайно, что именно в дворянских усадьбах медленно складывалась исключительно тонкая по своей природе субстанция одухотворенной материи.

© Смирнов Г. С., 2008

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета. gssmirnov@mail.ru

* Окончание. Начало см.: Интеллигенция и мир. 2008. № 3.

Интеллигенция проявляет себя, прежде всего, в реальном соприкосновении субъективности и среды бытия, и наоборот, вынута в актуальную среду обитания универсумность (вселенскость) прошлого имплицитно содержит в себе интеллигенцию как живую субстанцию человеческого духа, как вселенскую конгениальность.

Поводом для оптимизма относительно возможности выживания интеллигенции в новых условиях — в информационно-агрессивной среде — является великое стремление восстановить порушенную русскую и российскую культуру, или хотя бы обозначить концепты русскости и российскости, в формах создания гигантской сети больших и малых, федеральных и региональных музеев, возрождения народной культуры и народных промыслов, оживления в тексте биографий «бедных гениев», которыми так богата русская провинция. Примером такого рода оживления затившейся на время «геологической» космической духовности может служить музейный центр «Палех иконописный», в котором представлены не только артефакты ушедших эпох, но многообразные формы поведения, общения и деятельности людей, в силу своей профессии постоянно общающихся с миром самых невидимых посясторонностей, закрепленных не столько в *образах*, сколько в *образах*. Перегруженность невидимым и создает ауру, подталкивающую от чистой интеллектуальности к живой интеллигенции, которая была столь характерна для народного бытия «акватории старого обряда». Немного о другом, но, в сущности, о том же самом в поэтических строчках сказал Л. Мартынов:

Вода благоволила литься,
Она блистала столь чиста,
Что ни умыться, ни напиться,
И это было неспроста.

Ей не хватало ила, тала
И горечи цветущих лоз,
Ей водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде,
Ей жизни не хватало чистой,
Дистиллированной воде.

Это все об интеллигенции, которая, как гениально угадал поэт, может стать самым главным хранителем информации, которую оставила культурная биогеохимическая энергия, порожденная всеми предшествующими поколениями.

Интеллектуалы и интеллигенция в информационном обществе

Русская интеллигенция умерла для того, чтобы воскреснуть в советской интеллигенции, советская интеллигенция умерла, чтобы, в свою очередь, воскреснуть в новой российской интеллигенции. Таков исходный тезис. Но вполне естественно спросить: возможно ли вообще, чтобы интеллигенция как особая человеческая формация сформировалась в интенсивно развивающемся информационном обществе? Этот вопрос касается не частных проблем философии сознания, а предстает как глобальная проблема современности — формирование субъективного фактора перехода биосферы в ноосферу.

Интеллектуал иногда считается ключевой фигурой современности, на самом деле, с точки зрения взгляда из ближайшего ноосферного будущего, он — остаточный феномен развитого технообщества (общества, в котором механизм социального функционирования построен по законам механики), отвечает смыслу жесткого детерминизма классической картины мира. Интеллектуал — фактически результат техно-тоталитарной модели господства над природой (в том числе и природой человека).

Когда говорят о том, что главная фигура современной цивилизации — интеллектуал, то оказываются в плену ушедшего XX века, планомерно истреблявшего энциклопедистов и интеллигентов, оставляя возможность выживания лишь за хорошо управляемыми интеллектуалами, которые в любой момент могли быть выведены за границы своих функций силовым (государственно-чиновничьим) решением.

Интеллектуал — субстанция, обслуживающая техносферу, от нее целиком и полностью зависящая, почти рабски ей подчиняющаяся. В действительности среда современного «направляющего развития»¹ вовсе не ограничивается техносферой или техногенной средой, более того, смена технопарадигмы, уже обозначенная XX веком, свидетельствует о завершении этапа господ-

ства несовершенной (прежде всего экологически и эргономически) техники. Былые техносферы уходят так же, как сменяются «былые биосферы». На первое место выходят вынужденно сопряженные с техносферой сферы, объединенные в ноосферной теории термином «универсум»² (или Ноосфера с большой буквы), который, устранив из мировоззренческих доминант антропоцентризм, вместе с тем вытесняет и разнообразные формы техноцентризма, апофеоз которого столь ярко проявил себя в научной фантастике (которую в известной ее части точнее было бы назвать «научно-технической фантастикой»).

Техническая интеллигенция фактически выродилась в интеллектуалов, а новая интеллигенция вызвана к жизни именно тем, что становление ноосферы входит в свою интенсивную фазу, связанную с формированием нового человеческого качества, высокого уровня развития субъективного фактора, вобравшего в себя в эпоху информационного доминирования все великие достижения предшествующих эпох космопланетарного развития.

В чем же можно увидеть уже сейчас факты становления новой российской интеллигенции? Во-первых, новая интеллигенция — это результат естественного развития советской интеллигенции, *народной по содержанию и многонациональной по форме*. Интеллигенция питается не только и не столько соками «научной жизни», сколько «живым знанием» народной (общенародной) жизни, совокупным соборным жизне-бытием евразийского этноса. Интеллигенция, в отличие от интеллектуалов, — это результат формирования особого синтеза культурных биогеохимических энергий, порожденных многовариантным бытием человечества.

Во-вторых, новая российская интеллигенция — это способ удержания «термоядерной энергии» неуправляемой человеческой деятельности (как это пытаются осуществить для удержания плазмы в «Токамаке») посредством синтеза многообразных религиозных форм (прежде всего, мировых религий), которые выступают универсальным способом самоограничения человека в его выраженной в технических средствах безмасштабности.

В-третьих, новая российская интеллигенция — это новая эволюционная форма человека, свидетельством бытия которой лишь отчасти является феномен «детей-индиго» — ноосферных детей, органично совмещающих в себе в полной мере не только

модели лево- и правополушарного мышления, но также лобного и теменного отражения реальности, которые, в свою очередь, может быть, лишь в первом приближении рисуют многообразие проявлений «разумного живого вещества», сосредоточенного в пространстве биосферы Земли и ее окружения.

Молодая российская интеллигенция: «новая сборка»

В свое время в палитре марксистской мысли функционировал термин «шулятиковщина», который обозначал, что социальное развитие в соответствии с материалистическим пониманием истории жестко следует за развитием технологическим. В логике общественного развития это практически всегда не так, ибо современные синергетические подходы убедительно свидетельствуют о том, что любая незначительная причина, и необязательно техническая инновация, может оказаться фактором, кардинально меняющим особенности социального развития³. Для правильного понимания логики и диалектики исторического развития важно точно определить меру техновоздействия на антропологическое и социальное развитие. Еще более сложно определить особенности воздействия техники на развитие человеческого сознания, в котором биологические детерминанты чрезвычайно сильно довлеют над всеми возможными технотрансформациями. Поэтому при всей кажущейся апробированности идея о том, что субстанция русской интеллигенции была разрушена технопрогрессом, не совсем корректна. Русская интеллигенция была девальвирована капиталистическими механизмами социальной деструкции, о чем убедительно свидетельствуют произведения А. П. Чехова⁴. Как только российское общество осталось с вымороченной религиозностью и цензурированной духовной жизнью, Россия вступила в эпоху тяжелейших исторических испытаний. Для ревитализации организма российской бытийности необходимо оживление не только религиозной жизни во всех ее личностно-персоналистических проявлениях, но свобода научного, философского и художественного искания. Постоянное обновление человеческой субъективности в соответствии с беспрецедентными темпами технического обновления (изменения структуры и концептов искусственной среды вообще) предстает как институт образования. Аттрактором такого рода развития может служить модель ноо-

сферного образования, в существенных чертах сформулированная академиком В. И. Вернадским⁵.

Русская интеллигенция сформировалась на стыке двух культур — западной и восточной. Может быть, следует сказать, что это даже не собственно российский феномен, это результат общемирового взаимодействия двух модусов человеческой культуры: западной — рационалистической (эмпирической, утилитарной, прагматической) и восточной — иррационалистической (интуитивной, вселенско-чувственной, соборно-всеединой). Именно по этой причине говорить о смерти российской интеллигенции в широком культурологическом смысле неоправданно. Наоборот, только сейчас, может быть, и создаются важные условия для того, чтобы феномен русской (российской) интеллигенции из эфемерных дворянских форм стал формой реально действующей — ноосферной. Этот важный социокультурный вывод ставит вопрос о динамике молодой российской интеллигенции — ее реальном формировании в региональных пространствах России с учетом встраивания страны в процессы глобализации, перехода биосферы-техносферы в ноосферу⁶.

Самое глубокое человеческое качество интеллигенции — это феномен «везде-вечности»: интеллигенция в этом смысле внепространственный и вневременной организм, она предстает как своеобразная пневмосфера, по П. А. Флоренскому, единый духовный организм, как вселенское, природное, социальное, антропологическое, культурное, личностное, персоналистическое Всеединство. *Аксиома всеединства* в философском плане убедительно обоснована В. С. Соловьевым, в контексте философии науки (учения о науке как планетном явлении) эта работа проделана В. И. Вернадским⁷. В действительности аксиома всеединства, которая проявляет себя на духовном уровне в той же самой мере, как и на материальном уровне, может рассматриваться как исходная позиция философии интеллигенции и, одновременно, как важная основа формирования ноосферного мировоззрения, ибо самое сложное в складывании ноосферного сознания — *образование* в различных субъектах ощущения и понимания Всеединства. Русская философия Всеединства, берущая начало в самых древних семиотиках, выражает подлинный и самый высокий смысл человеческого бытия.

Интеллигенция.гу: вхождение в синергию знания о ноосфере

Превращение интеллигенции.гу в ноосферную интеллигенцию — процесс еще только начинающийся и поэтому требующий внимательного изучения, в нем много подводных камней, которые сведут на нет все возможные позитивные сдвиги.

В чем особенность становления молодой российской интеллигенции, какую роль она будет играть в истории будущей евразийской России? Ноосферная составляющая заключается в том, что ноосферное миропостроение возможно лишь в том случае, если имеет место не только норма информации, и даже не просто ее переизбыток, а абсолютный переизбыток информации, который дает возможность кристаллизации новой картины мира.

Как же достигается (в том числе и применительно к России) насыщенный раствор информации в образовательной и социокультурной среде. Во-первых, речь идет о *ревитализации* всей информации, которой обладала человеческая цивилизация на протяжении своей ноосферной истории. Эта информация носит этнонациональный и личностно-персоналистический характер, она естественно не лежит на поверхности, более того, для ее экскавации и экспликации потребуются археологические культурологические и высокие гуманитарные технологии. Современные средства массовой информации очень хорошо почувствовали тягу пострелигиозного человека к архетипическим формам знания: стремление к герметическому знанию, обращение к древнейшим мировым культурам⁸ — все это признаки *воскрешения* прошлого, которое очень часто оказывается малой или большой *неправдой* и тем самым мешает правильному пониманию реальной истории бытия человека во Вселенной. П. Коэльо — яркий симптом этой ситуации.

Пострелигиозный человек в такой же мере и человек поста-теистический. «Дисциплинарные» мировые религии (т. е. религии, наполненные поведенческой, обрядовой дисциплиной) постепенно размягчаются — дефундаментализируются. Пострелигиозный человек — это результат утверждения *знаниевого всеединства*. Второе тысячелетие — время разведенности знания, оно могло существовать в преимущественно технических формах поддержки («книжный носитель словесного энциклопедического знания») только как попредметное. В третьем тысячелетии речь фактически

идет о всеобщем синтезе знания (Знания), которое и предстает как основа ноосферного сознания и ноосферного мировоззрения.

Второй необходимый знаниевый ресурс ноосферного универсума — это персонознание. За редчайшим исключением человек закрыт, но *культура открытости* (а это и есть интеллигенция) позволяет возникнуть феномену таланта или гениальности. В XXI веке произошел взрыв «личностного знания» (о чем в теоретическом плане говорил М. Полани⁹), которое впервые на сакральном уровне заявило о себе в апостольских Евангелиях, а в человеческих формах проявилось в «Исповеди» Августина Блаженного, сейчас оно начинает занимать главное место в общественном бытии, и тем более в бытии индивидуальном. Именно поэтому появляется возможность утвердить *лично-персоналистическое ноосферное знание*. В дневниках и воспоминаниях в значительной мере проявляется ценностно-ноосферный потенциал человека, который в своей реальной деятельности вынужден ориентироваться на усеченные, а порой и просто неноосферные императивы, навязываемые государственной элитой, которая чаще всего ориентируется на геополитические, а не антрополого-гуманистические аспекты. Именно личностное знание и предстает главным проводником *ноосферного взросления* любого социального субъекта (не только человека, но и этноса), а также дает нам возможность получить истину из первых рук, что делает знание о мире «очеловеченным». Чрезвычайно важно, что в XX веке проблема маленького человека переросла из проблемы человеческой судьбы в проблему человеческого творчества, которое только и может рассматриваться как ноосферное бытие человека (*ноо-бытие*). Ноосферная бифуркация в человеке (то, что фактически и делает человека представителем интеллигенции) — самое сложное для понимания явление ноосферной истории. Зримая фиксация этого феномена — в «Явлении отроку Варфоломею» М. Нестерова, в тотальных биографиях Г. Галилея, В. И. Вернадского, А. Эйнштейна и многих других мировых гениев. Очень показательным, что *ноосферное ветвление* начинает проявлять себя и в жизни «малых сих» — людей большой глубинки. Ноосферное обновление приходит в мир все чаще и все неотменимеей.

Помимо информационной полноты ноосферной интеллигенции в еще более значительной степени необходимы ноосфер-

ные технологии интериоризации и экстериоризации знания. Как показывает история образования, в условиях глобальных проблем неработающие (тормозящие) технологии требуют серьезного обновления, прежде всего за счет значительного философско-культурологического усложнения компьютерной информации. «Детская болезнь» компьютеризации, несущей в колоссальном объеме неживую информацию, может в значительной степени изуродовать и мир человека; переход от интеллигенции.ру к ноосферной интеллигенции должен предполагать, что для последней мертвая информация чрезвычайно губительна. Как говорится в сказках, для оживления человека сначала омывают мертвой водой, а затем живой, так и в этом случае: сначала человека омывают «мертвой информацией», а затем для оживления — «живым знанием». Для включения ноосферных концептов человек должен осознать и понять смысл «онтологического знания» (*онтоо-знание*), превратив его в знание аксиологическое.

Самый значительный сдвиг, происходящий (или уже произошедший) в информационном обществе, — это вхождение в *синергетику знания*. То, что ранее рассматривалось как *естественное образование*, оказалось механистическим (схоластическим) образованием, т. е. таким, которое навязывается, навешивается. Более того, когда такое жесткое детерминирование широкого народного сознания переходит с уровня парадигмального (сформированного научным сообществом) и социокультурного (создаваемого системой архетипов и традиций) на государственнический (идеологический) уровень, то знание постепенно превращается из развивающегося в застойное, и в конечном итоге вообще умирает. Вслед за этим умирает и само общество, позволившее государству перейти допустимые рамки (это в яркой форме свершилось в последние десятилетия коммунистической истории России).

Самоорганизация знания, осуществляющаяся в формах развитого (открытого) демократического общества, и есть действительное естественное образование, обеспечивающее вхождение в ноосферно-развивающееся общество. В этом смысле термин «демократия» приобретает еще один очень значимый смысл, *ноосферная демократия* — это равный доступ к информации, знанию. Заметим, что именно в этом смысле советское общество на определенных этапах своего развития (при всем его тоталитариз-

ме) представало как общество знаниево-демократическое, и обеспечившее тем самым новый рывок вперед, несмотря на эгоизм и предельную антинародность и антисоветскость правящего партийно-чиновничьего класса.

Ноосферная персонология

Ноосферная персонология — крайне интересная философская и культурологическая предметная область. Она занимается такими вопросами, как подспудно формируется в человеке ноосферное содержание и ноосферная ориентация, какие гносеологические, аксиологические и праксиологические механизмы запускаются и на каких этапах они наиболее эффективны, как проявляется *личная ноосферная динамика*, какие мыслители наиболее сильно влияют на эти процессы. Думается, что в современных условиях компьютерной и информационной революции социальная революция (в полном соответствии с размышлениями Л. Н. Толстого) с общественного уровня переносится на уровень личностно-персоналистический, и в силу этого такая революция может быть названа «знаниево-антропологической» (семиотической). Такая человеческая революция формирует невидимо для наших глаз *новое человеческое качество*. Именно поэтому процесс изменения личности и формирования индивидуальности столь незаметен, но именно он определит дальнейшее развитие человеческой цивилизации, подходящей в своем развитии к новой точке бифуркации. Иногда говорят, что иллюстрацией такой эволюции служат «дети индиго», но фактически речь идет о формировании ноосферной интеллигенции, эмбриональные процессы зарождения которой связаны со сменой эпох и тысячелетий. Проблема ноосферной самоидентификации (ноосферной идентичности¹⁰) может рассматриваться как центральная проблема ноосферной персонологии: ибо в свободном обществе человек обязательно размышляет о том, по каким калькам, меркам, лекалам строится ноосферная личность и индивидуальность и как человек сам себе отвечает на вопрос о возможной своей ноосферности.

В работах И. В. Дмитриевской эта проблема решается в контексте системного подхода, феноменологии и герменевтики на многочисленных примерах, в том числе на ноосферной истории периода Серебряного века российской культуры. Ноосферный

текст и ноосферный диалог¹¹ как инструменты ноосферной самоидентификации оказываются важнейшими условиями становления ноосферного человека, ноосферной личности, ноосферной индивидуальности, выходящими за рамки обычного образования. В этой точке персонология и антропология встречаются, чтобы объяснить метаморфозы *ноосферной субъективности*.

Опираясь на многочисленные примеры из жизни великих людей, следует признать, что человек чаще всего *становится* не благодаря, а вопреки существующей системе образования, которая всегда опаздывает за темпами развития миро-бытия.

Весьма сложной проблемой ноосферной персонологии является конструирование ноосферной картины мира в сознании молодого человека эпохи ноосферно-информационной цивилизации. Ноосферная картина мира предстает на тех же уровнях сложности, как и собственно научная картина: классическом, неклассическом и постнеклассическом (условно говоря, модель В. И. Вернадского, модель Н. Н. Моисеева, формирующаяся на основе универсального эволюционизма, и складывающаяся в наше время синтетическая модель ноосферной картины мира). Наиболее сложной является последняя, ибо она вбирает в себя те открытия, которые пока еще не включаются в научную картину мира на равных правах, поскольку проходят процедуры верификации и фальсификации. Сложность ее заключается в том, что сейчас, как никогда раньше, оказываются размытыми границы между научной реальностью и научной футуральностью. В формировании ноосферной картины мира, как показывают работы В. П. Казначеева¹², Л. В. Лескова¹³ и др., уже невозможно обойтись без «безумных» идей, совершающих переворот в понимании, преодолевающих уже уходящие парадигмы.

Искушение бесконечностью информации

Современные псевдоинтеллектуалы рождаются не в капусте, а в сети. Легкость доступа к любой информации чаще всего дополняется отсутствием контекста, необходимого для понимания, псевдоинтеллектуал общается с «мертвым знанием», знанием, которое не вырастает из магии знака, откровения слова и ощущения вселенского бытия («вселенского чувства», по И. И. Лапшину¹⁴). Информация в сети может быть искусственным

удобрением для роста субъективности, но *главное* фактически находится вне контекста этого косного («неживого») знания. Главное в формировании ноосферного мировоззрения и ноосферного сознания находится в реальной (в том числе и Вселенской, и космопланетарной, и региональной, и местной) среде обитания, это реальное бытие, тождественное сознанию, и составляет суть процесса формирования нового качества.

В духовном развитии у человека всегда есть возможность в точке бифуркации выбрать два пути развития (на самом деле их значительно больше, но пока абстрагируемся от них): в направлении интеллектуализма и в направлении интеллигентности. Заметим, что в русском языке «интеллект» фактически фиксирует мужской гендер, а «интеллигенция» — женский. Применительно к моделям научных картин мира это похоже на формы жесткого и мягкого детерминизма, что показывает специфику корневых противоположностей, составляющих не самую простую, хотя и не самую сложную ноосферную коллизию. Очень часто проблема разумности социального действия обнаруживает себя именно в этом развивающемся миллионами лет дискурсе.

Не претендуя на социологическую точность, выделим три группы интеллектуальной российской молодежи: во-первых, это собственно интеллектуалы (10—20 %), во-вторых, становящиеся интеллигенты (прединтеллигенция) (1—5 %), в-третьих, «ноосферный меон», т. е. субстанция, из которой реально формируются *дополняющие друг друга* типы интеллектуалов (высший и средний слой представителей естественнонаучной культуры) и интеллигентов (высший слой представителей духовной культуры). Одна из важнейших задач «ноосферного общества» (или «рационального общества», по Н. Н. Моисееву¹⁵) заключается в формировании и сохранении этого тончайшего пласта и целенаправленном его расширении в особым образом сориентированной системе образования. Именно в этом и заключается, на наш взгляд, главный ресурс выживания современного человечества.

Как возможна молодая ноосферная интеллигенция

Центральный вопрос рассматриваемой проблематики — возможна ли в современных условиях торжества техносферы (техно-производительного насилия) молодая (ноосферная), в том числе

и российская, интеллигенция? Первый и самый простой ответ — отрицательный, так как современный человек поработан техносферой и шансов на сохранение духовно-ноосферной идентичности у него на сегодняшний момент нет. Однако следует признать, что собственно философская работа и начинается прежде всего там, где возникают вопросы: «Как это возможно?» и даже «Как возможно невозможное?» Применительно к рассматриваемой проблеме следует спросить: «Как возможно ноосферное?» Трудность ответа заключается в том, что ноосферная сложность всегда имеет возрастающий характер, на сегодняшний момент таких ограничений, которые существуют применительно к производству энергии, по отношению к производству информации не существует. Экологическое лимитирование информации в биосфере, в силу того, что эти процессы носят пока зачаточный характер, — проблема далекого будущего, но именно феномен интеллигенции как своеобразного регулятора потоков информации (процессора) свидетельствует о том, что такая проблема имеет место с самого начала антропоинформационной эпохи человеческой истории.

В российской культурной традиции в течение всего XX века шло последовательное разрушение всех составляющих культуры как на общественном, так и на индивидуальном уровнях. Тотальное разрушение старой (новоправославной) религиозной инфраструктуры и религиозной памяти — не единственный пример того, что в точке бифуркации происходит потеря системной памяти. То же имеет место и в отношении к искусству, философии, а также к науке. Думается, что одна из самых глубинных, важная причина (в методологии ноосферной истории) распада СССР — духовная и культурная несвобода. И именно поэтому, говоря о молодой российской ноосферной интеллигенции, следует помнить о необходимости создания экологических ниш духовности (по образу и подобию «пушкинского» лица). Большая часть этой образовательной работы по определению не может не быть духовной благотворительностью, которая всегда была характерна для российского учительского и преподавательского сообщества и которая (как сейчас отчетливо видно) никак не может вписаться в реалии «болонского процесса».

Главная задача молодой ноосферной интеллигенции состоит в преодолении тех трагических коллизий, которые принесла

человечеству техногенная цивилизация, гигантским смерчем разметавшая идеалы ноосферной человеческой самоорганизации.

Важнейший результат становления новой российской интеллигенции заключается в выходе из состояния *нигилизма и экстремизма*, характерного для времени самодержавной российской истории, и *двойного сознания и двойной морали*, которые формировались в эпоху однопартийной тоталитарности. Архетипы «нетерпение» и «фига в кармане» становятся в значительной степени ненужными для выживания свободы духа в открытом обществе, ибо процедуры верификации и фальсификации виртуальных моделей устойчивого будущего могут осуществляться не силовыми действиями правящих элит, а «естественной демократией» свободного самоопределения духовной (ноосферной) личности в зоне деятельности наибольшего благоприятствования. Такая нежная субстанция социокультурного бытия возможна лишь при создании целой системы условий, способствующих возникновению феномена духовной эмерджентности, без которой не осуществима сознаниевая когеренция, просвечивающая темные углы и тупики будущностной неопределенности. Версия ноосферной коэволюции чаще всего и не возникает в истории цивилизации, ибо «Роза Мира»¹⁶ (вселенская духовность) социоприродной самоорганизации распускается только в часы максимального проявления света и тепла (в «осевое время»), но чаще всего она находится в состоянии нераскрывшегося бутона. Будем надеяться, что современная российская мода на фито-дизайн дорастет до понимания необходимости «духо-дизайна» в садах большой и малой российской государственности, что «насаждение древа государства российского» будет иметь не только прямой, но и переносный иконописный, пневмосферный смысл.

Ноосферный университет как общенациональный проект формирования молодой российской интеллигенции

Европеизация российского образования — процесс, интенсивно длящийся уже 300 лет. Первый его этап связан с «открытием окна в Европу». Волна дворян, посланных Петром I для обучения за границу, обеспечила первую — научную и техническую модернизацию России.

Вторая волна европеизации сознания и образования российского общества связана с разгромом армии Наполеона и походом в Европу российских войск: запускается политико-идеологическая модернизация, которая оказалась необходимой для дальнейшего развития модернизации технической. К сожалению, николаевские времена погасили надежду на естественное эволюционное развитие страны. Социально-политическое и политико-идеологическое обеспечение модернизации России было отодвинуто даже не на 1861 год, а на эпоху русских социальных революций 1905 и 1917 годов.

Третья волна («девятый вал») европеизации России пришлась на начало XX века, затем мировая война фактически смела российскую имперскую организованность и поставила на ее место тоталитарный механизм обеспечения функционирования страны как военного лагеря. Эпоха так называемой Советской России обеспечила *самостное* (начально-евразийское) развитие страны, которая «отошла» как от Европы, так дистанцировалась и от Азии.

Нынешний четвертый этап (*ежестолетней*) модернизации сознания и образования российского общества связан не просто с европеизацией (формированием «европейскости» или «западнизма»), но и мощными процессами «овосточивания». Такой «геовселенский универсализм» в полной мере отвечает модели ноосферного образования, ибо геополитическое положение России как «хартленда» бросает Российской Евразии (как говорил А. Д. Сахаров — Союзу евразийских республик) вызов, от которого она не имеет права отказаться, как не имела шансов отказаться от евразийского вызова в эпоху Второй мировой войны. Именно поэтому современное российское образование требует совершенствования не только в технико-методической, но и геомировозрнческой ипостасях¹⁷.

Формирование нового типа европейского университета в России по модели В. Гумбольдта, включение «Космоса» А. Гумбольдта в научное российское мировидение, воздействие кантианства, фиктеанства, шеллингианства, гегельянства, ницшеанства и марксизма на мировоззрение российского общества — все эти и многие другие веяния шли в Россию в контексте образовательных технологий. Отметим, что это образовательное европейское влияние обычно осуществлялось через *высокий* — научно-философ-

ский — уровень. Современная европеизация российского образования в контексте болонского процесса осуществляется на *низком* — технико-методическом — уровне. В результате этот в целом позитивный процесс для большинства работающих в сфере образования предстает как упрощение или даже деградация. (Не случайно поэтому, что для значительной части университетской интеллигенции России характерно осторожное, и даже негативное, отношение к процессам «болонизации» российского образования, ибо в этом случае отчетливо видна «игра на понижение»).

Современный этап развития ноосферного образования (2001—2008) неразрывно связан с реализацией решений мирового саммита по устойчивому развитию (WSSD) в Йоханнесбурге (2002). В этот период прошли международные конференции, посвященные проблемам ноосферного развития и ноосферного образования. Появились монографические исследования по проблемам ноосферного образования. Сформировались крупные образовательные структуры, использующие методологические и организационные концепты модели ноосферного образования (Международный эколого-политологический университет, у истоков которого стоял академик Н. Н. Моисеев, Международный университет природы, общества и человека «Дубна», возглавляемый Президентом РАЕН О. Л. Кузнецовым, Объединенный университет им. В. И. Вернадского на базе тамбовских вузов). Эффективно действуют такие организационно-интеллектуальные структуры, обеспечивающие региональные и общероссийские модели ноосферного образования и ноосферного развития, как Неправительственный экологический фонд им. В. И. Вернадского.

Существенным шагом в развитии теории и практики ноосферно-экологического образования стало рассмотрение его в контексте стратегии устойчивого развития. Ноосферное образование интенсивно вовлекает в сферу своих интересов не только историко-философские, общеполитологические, социально-философские, психологические, педагогические, организационные, но и философско-антропологические, информатологические, семиотические аспекты¹⁸. Общественная апробация показала, что ноосферная парадигма образования может рассматриваться как важная часть системы экологического образования, а также в контексте моделей развивающего образования.

Российские разработки последнего десятилетия в области ноосферного образования¹⁹ создают мировоззренческие, теоретические, методологические и методические основания, а также практические условия для переосмысления тенденций развития современного российского образования и его перехода на новый уровень, соответствующий сложности тех задач, которые стоят и еще только встанут перед страной в ближайшие десятилетия.

Примечания

1. *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М., 1995.
2. *Моисеев Н. Н.* Универсум. Общество. Информация. М., 2001; *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. Иваново, 2002. Вып. 1.
3. Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003; *Урсул А. Д., Урсул Т. А.* Универсальный эволюционизм: концепции, подходы, принципы, перспективы. М., 2007.
4. *Дмитревская И. В.* Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития. М., 2003; *Дмитревская И. В.* Герменевтика драматургии А. П. Чехова. Иваново, 2008.
5. *Вернадский В. И.* О науке. СПб., 2002. Т. 2. Научная деятельность. Научное образование; Вернадский: pro et contra: Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898—1998). СПб., 2000.
6. Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003; *Баландин Р. К.* Техносфера и ноосфера // Вопр. философии. 2005. № 5.
7. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
8. *Джелли Дж.* Цирцея. Иваново, 2005.
9. *Полани М.* Личностное знание. М., 2000.
10. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идентичность // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость: Материалы Междунар. науч. конф. Иваново, 2008.
11. *Дмитревская И. В.* Ноосферный текст; *Она же.* Ноосферный диалог: путь к созданию ноосферы // Ноосферные исследования. Иваново, 2002. Вып. 2.
12. *Казначеев В. П.* Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск, 2004.

13. *Лесков Л. В.* Нелинейная Вселенная. М., 2004.
14. *Лапшин И. И.* Вселенское чувство. СПб., 1908.
15. *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. М., 2000.
16. *Андреев Д. Л.* Роза Мира. М., 1995.
17. *Суминова Т.* Ноосфера: поиски гармонии. М., 2005; *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера: Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново, 2007.
18. *Дробжнев М. И.* Учение В. И. Вернадского и реалии XXI века. Тамбов, 2007; Ноосферология: наука, образование, практика. Симферополь, 2008; *Шимельфениг О. В.* Живая Вселенная. Саратов, 2005.
19. Ноосферная парадигма образования: от лицея к университету. Иваново, 1997; *Маслова Н. В.* Ноосферное образование: Научные основы, концепция, методология, технология. М., 2002; В. И. Вернадский: ноосферология и образование: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тамбов, 21—22 мая 2002 г. М., 2002; Ноосферология: наука, практика, образование: Материалы Междунар. конф. Симферополь, 2008; *Смирнов Г. С.* Ноосферное образование: «мыслить глобально, действовать локально» // Вестн. Иван. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 3, Филология. История. Философия.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

С. М. Усманов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В современной России проблемы достижения общероссийской интеграции стоят весьма остро. Свидетельством тому стали события последнего десятилетия на Северном Кавказе и в целом ряде других регионов России. Эти процессы требуют своевременной и адекватной интерпретации средствами науки. Пока же многие российские ученые нашего времени пытаются свести значение православной веры и православной традиции, а отчасти и других религиозных традиций в истории России, лишь к одному из «факторов», которые возможно (или невозможно) в той или иной мере использовать для нынешнего устройства жизни, формирования в нашей стране гражданского общества, достижения общероссийской интеграции.

Конечно, сейчас — в первое десятилетие XXI века — проекты такого устройства уже не столь карикатурны и беспомощны, как в совсем недавнем прошлом, в «ельцинской России». Если тогда зачастую откровенно демонстрировалась рабская преданность ценностям мирового сообщества, желание побыстрее скопировать западные образцы, то ныне — при всем том, что у рос-

© Усманов С. М., 2008

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. (4932) 23-72-81

сийской политической элиты отсутствует стратегическая программа развития России на длительную перспективу, — все-таки большее внимание уделяется специфическим особенностям нашей страны, ее собственным интересам и необходимости сохранения суверенитета России.

В этих условиях и возникает мысль об использовании Православия в контексте суверенной демократии в России — как одного из немаловажных факторов, способствующих гражданскому миру и интеграции общества. Большого нынешняя политическая элита от православной традиции не желает, а потому де-факто и ограничивает воздействие Русской Православной Церкви в государственных и общественных делах, в сфере образования и культуры.

Именно поэтому Церковь практически не допускает в наиболее значимые средства массовой информации, тормозит православные учебные программы в сфере образования, всячески остерегаются «клерикализма». Очень показательным в данном случае является свидетельство учредителя и директора общественного правового телеканала «СПАС» Александра Батанова: «Думаю, в стране и за ее пределами есть дирижеры, которым не нравится возрастающее влияние в обществе РПЦ, то, что православие все больше влияет на жизнь общества. Почему так атакуют, почему такое противодействие “основам православной культуры”? Да потому, что архиважно не допустить преподавания в школе этого предмета. Кто-то опасается, что он будет способствовать сохранению идентичности русской нации!» Отвечая на вопрос: «Не хотели бы вы расширить вещание — выйти на федеральный уровень?», Батанов делает еще одно признание: «Разумеется, хотели бы. Но — вертикаль власти работает... Кстати, руководители плохих каналов — они такие не сами по себе, они выполняют запрос времени и власти. <...> Нужно понимать, что мы не находимся в благоклонном пуле!»¹

Однако обратимся опять к проблеме общественной значимости православной традиции в современной России. Зададимся вопросом: «работает» ли она на общероссийскую интеграцию в нынешних условиях? На этот счет есть две основные точки зрения.

Первая из них состоит в том, что именно Православие является до сих пор основой, на которой держится все российское общество. В таком понимании только православные традиции

позволили нашему народу пройти через все катастрофы XX века, пережить распад СССР и последующие разрушительные реформы 90-х гг. Более того, с этой точки зрения, только православная вера и может спасти Россию, дать ей шанс на возрождение. «Православная вера, воспринятая от крещения детского, простого душою русского человека, сделалась его основой, обнявши всю его жизнь во всех ее проявлениях. В этой вере и в таком жизненном ее усвоении и состоит русская идеология»², — отмечал известный православный богослов XX столетия архиепископ Серафим (Соболев). И делал свой главный вывод: «Для православного сознания русского человека является неоспоримой истина, что вера православная была основою не только личной духовной жизни, но была в основе могущества и славы нашей родины; отступление же от веры было причиною как нравственного падения русского народа, так и гибели внешней мощи России. Лишь в православной вере надо искать нам возрождения России»³.

Другая точка зрения основана на убеждении в пагубности для нынешнего российского общества широкого православного просвещения. Поэтому сторонники такого взгляда резко возражают против введения в программы школьного образования курса основ православной культуры. С подобными заявлениями, в частности, выступали некоторые мусульманские деятели.

При всем том надо иметь в виду, что наиболее яркими выразителями обоих подходов являются различные течения и группы в среде современной российской интеллигенции.

В этом отношении очень значимым событием является письмо десяти российских академиков, направленное в июле 2007 г. Президенту России. В нем выражалось беспокойство в связи с нарастающей клерикализацией общества и активным проникновением Церкви во все сферы жизни. Причем, от «клерикализации» академики стараются оградить прежде всего сферу науки и образования, что подтвердил один из авторов письма, председатель комиссии Российской Академии наук по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, академик Эдуард Кругляков. По его словам, особую озабоченность у авторов письма вызывает введение в программу государственных школ предмета «Основы православной культуры» и попытка вве-

сти в перечень специальностей Высшей аттестационной комиссии теологию как научную дисциплину⁴.

Стоит иметь в виду, что протесты десяти интеллигентов-академиков, равно как и другие возражения такого рода в связи с усилением клерикализма, нацелены именно против Православия. Поскольку никого особенно не беспокоит изучение основ ислама и буддизма в школах некоторых регионов Российской Федерации.

С нашей точки зрения, здесь все объясняется достаточно просто. Дело в том, что возражения против курса «Основы православной культуры» де-факто демонстрируют действительно имеющиеся интегративные возможности русской православной традиции. Другое дело, что кое-кого (наиболее последовательных либералов, часть мусульман, иудеев, «воинствующих атеистов» и т. д.) такая интеграция не устраивает. Потому что сама русская идентичность в течение многих веков была практически неотделима от православной веры.

Особенно яркое свидетельство тому — жизнь и труды самого известного и любимого русского святого, преподобного Сергия Радонежского, прозванного «игуменом Земли Русской». Как известно, преподобный Сергей был основателем Троицкого монастыря (Троице-Сергиевой Лавры, как ее стали именовать позднее), что послужило импульсом к созданию еще семи десятков обителей в других местах Руси. Но еще существеннее был личный пример святого.

Вот как, в частности, описывал человеческие и нравственные качества преподобного Сергия святой Епифаний Премудрый: «...добродетели его были такие: <...> чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный»⁵.

Нет никаких сомнений в том, что как раз эти духовные и нравственные качества стали основой русского характера, а образ преподобного Сергия был для русского человека высоким и весьма любимым примером. Что уже не раз отмечали как богословы, так и историки⁶. Однако революционные катастрофы и прочие потрясения, пережитые Россией в XX столетии, выявили

глубокие деформации в русском национальном характере, в том числе и связанные с упадком веры в душах многих людей.

Очень впечатляюще охарактеризовал подобные явления один из самых ярких мыслителей Русского Зарубежья Георгий Петрович Федотов. Уже в 30-е гг. XX столетия он констатировал: «Мы жадно вглядываемся в черты нового человека, созданного революцией, потому что именно он будет творцом русской культуры. Вглядываемся — и не узнаем его. Первое впечатление — необычайная резкость происшедшей перемены. Кажется, что перед нами совершенно новая нация. Спрашиваешь себя с волнением, и даже мукой: полно, да русский ли это человек? <...> Мы привыкли думать, что русский человек добр. Во всяком случае, он умеет жалеть. В русской мучительной, кенотической жалости мы видели основное различие нашего христианского типа от западной моральной установки. Кажется, жалость теперь совершенно вырвали из русской жизни и из русского сердца. Поколение, воспитанное революцией, с энергией и даже яростью борется за жизнь, вгрызается зубами не только в гранит науки, но и в горло своего конкурента-товарища. Дружным хором ругательств провожают в тюрьму, а то и в могилу, павших готовы сами отправить на смерть товарищи, чтобы занять его место. <...> Мы привыкли считать, что русский человек отличается тонкой духовной организацией (даже в народе): что он “психологичен”, чуток, не переносит фальши. Недавние заграничные гастроли Художественного театра показали всему свету, что талантливейшие русские актеры разучились передавать тонкие душевные движения. Им доступно лишь резко очерченное, грубое, патетическое. <...> Выйдя из нового поколения, они приносят с собой его бесчувственность, которая не исключает, конечно, художественной одаренности»⁷.

Итак, всего лишь через два десятилетия после установления Советской власти Г. П. Федотов отмечал глубокие деформации, происшедшие в самосознании русского народа, отступление его значительной части, прежде всего — молодежи, от православной веры и соответствующего ей образа жизни. Разумеется, русская революционная и либеральная интеллигенция была непосредственным участником и в значительной степени виновником деформаций подобного рода.

Прошли десятилетия, ушла в прошлое советская эпоха, Россия вступила в третье тысячелетие от Рождества Христова, но социальная деградация в нашей стране не только не остановилась, но и продолжает развиваться. В этом отношении очень показательны те процессы, которые происходят в Ивановской области, считающейся помимо всего прочего одним из наиболее типичных, самых русских регионов центра России.

Как показывают результаты некоторых новейших социологических исследований, 52 % ивановцев в возрасте от 18 до 30 лет и 60 % в возрасте 30—40 лет готовы уехать из Иванова, если бы представилась такая возможность⁸. А вот выводы другого исследования: «Во-первых, число ивановцев, которые хотят уехать на постоянное место жительства за границу, довольно велико (причем это, по преимуществу, молодежь). Во-вторых, экономический фактор (выделено нами. — С. У.) является определяющим при мотивации отъезда за границу. В-третьих, жители Иванова позитивно относятся к “утечке умов” за границу, мотивируя это тем, что Россия не представляет своим специалистам возможности для самореализации и не ценит по достоинству их труд»⁹.

Конечно, можно оспаривать какие-то отдельные аспекты, соображения и доводы процитированных нами трудов молодых исследовательниц. Например, указать на ограниченный объем источниковой базы, а следовательно, предварительный характер полученных результатов. Однако и эти, вероятно, не лишённые некоторых погрешностей анализы по сути не противоречат данным других обследований¹⁰. А имеющиеся в нашем распоряжении сведения о господствующих тенденциях в самосознании граждан современной России, причем полученные не только в ходе социологических опросов (но и выраженных в широко распространенных ценностных мотивациях, стереотипах и модных поветриях), весьма определенно обозначают стремление основной массы наших соотечественников уклониться от несения своего креста, искать самооправдания для своих грехов и пороков («жизнь такая!»), склоняться к настроению в духе известной философской максимы: «Где хорошо, там и Родина». Отсюда — преобладание именно экономических мотивов для эмиграции из России.

Обращает на себя внимание отношение наших соотечественников и современников к нравственным аспектам эмиграции.

Так, 42 % ивановцев не считают эмиграцию предательством Родины и не осуждают ее, а еще треть поддерживают такую точку зрения с некоторыми сомнениями¹¹. Возможно, кому-то из опрашиваемых «предательство» показалось слишком сильным определением. Но если мы заменим его на более сдержанное, хотя и очень близкое по сути понятие «отступничество», то какие здесь могут быть возражения? Как иначе оценить многие известные случаи, когда молодые, полные сил, получившие на Родине хорошее образование выпускники университетов оставляют своих родителей, могилы своих предков, свою землю для того, чтобы приспособиться, «забиться в шелку», «приютиться на обочине» где-то на чужбине?

Весьма показательно, что такие настроения наших современников находятся в разительном контрасте с многовековой исторической традицией. Что бы случилось с Россией, если бы такое мироощущение возобладаало среди русских во время нашествий Батыя, Тамерлана, Стефана Батория, Наполеона? И даже в совсем недавние времена, в период вынужденной эмиграции многих наших соотечественников в XX веке, их самосознание было совсем другим. Они тяжело переживали свое изгнание, мечтали вернуться на Родину, хотели быть ей полезными, а потому и строили планы возвращения. Но даже те, кто не имели таких надежд, душевно и духовно от России отрываться не хотели.

Оказавшаяся в своей немалой части в вынужденной эмиграции русская интеллигенция смогла многое переосмыслить и даже признать собственную историческую вину. Особенно ярко все это было выражено семь десятилетий назад известным русским писателем Борисом Константиновичем Зайцевым в его «Слове о Родине»: «В России мы некогда жили, дышали ее воздухом, любовались полями, лесами, водами, чувствовали себя в **своем** народе — нечесаный, сермяжный мужик был все-таки чем-то **родной**, как и интеллигент российский — врач, учитель, инженер. <...> С тех пор, точно бы целый век прошел. Из хозяев великой страны, перед которой заискивал Запад, мы обратились в изгнанников, странников, нежелательных, нелюбимых. <...> В нелегких условиях, причудливо, получудесно, все-таки мы живем. И не намерены даже сдаваться. Нищи ли мы внутренне? Вот это вопрос. И ответ на него мой: нет. Не нищи те, у кого есть свя-

тыня. Святыни бывают различные, и различна их иерархия. Среди них бесспорное место, высокое, прочное: Родина»¹².

Теперь, похоже, в сознании очень многих россиян нет ни иерархии святынь, ни их самих. И отечественная интеллигенция нашего времени начинает это осознать. По крайней мере, в лице некоторых, наиболее проницательных ее представителей.

Как полагает, например, московский композитор Владимир Мартынов, «сегодня наш народ в мире себя не позиционирует и сам по себе, и как производитель каких-то явлений»¹³.

В том же ключе размышляет о ситуации в России и получивший широкую известность в нашей стране пермский писатель Алексей Иванов: «Пока что русские — не в этническом смысле — действительно не нация, не народ, не общество, а просто население. <...> Я не верю, что нация может родиться на основе бытовых ценностей — благополучия, справедливости, свободы... Ценности должны быть сверхбытовые. И желательно не людоедские. А вот это “сверх” озвучивает или политика — назначая врага, или культура — показывая образец. У нас же пока в формировании нации участвует только телереклама, которая врагом называет бактерии под ободом унитаза, а образцом — флакон L’Oreal. Видимо, мы этого достойны»¹⁴.

Отсюда вытекают предложения, которые писатель адресует и власти, и обществу: «России нужен миф. <...> Если государство не озаботится проблемой русского мифа, миф все равно появится, но будет таким, что общество не получит от него пользы»¹⁵. Тем более актуальной видится такая задача Алексею Ивановичу, что в провинции, которую он знает куда лучше, нежели столичные интеллектуалы, ситуация остается отнюдь не обнадеживающей: «В регионе (в данном случае, в Пермском крае. — С. У.) не происходит ничего. А если вдруг и происходит, то изменения идут из центра <...>. Собственно у нас ничего не рождается и ничего не меняется. Одни и те же лица, одни и те же фразы. Думаю, как в любой другой российской провинции»¹⁶.

К этим наблюдениям видных деятелей современной российской интеллигенции можно было бы добавить немало и других аналогичных фактов и свидетельств, которые могли бы дать дополнительные аргументы для обоснования скорейшего развер-

тивания новых инициатив, имеющих основательное духовное и культурное наполнение.

Надо признать, что подобные инициативы уже появляются. Заслуживает внимания, прежде всего, представленная в августе 2007 г. Русскому народному собору «Русская доктрина», в составлении которой принимало участие более 70 экспертов. Как подчеркивает один из главных разработчиков этого документа, кандидат философских наук Виталий Аверьянов, «“Русская доктрина” — попытка дать масштабную альтернативу тем идеологиям, которые сейчас господствуют». Существенные отличия представленной на Русском народном соборе доктрины В. Аверьянов объясняет так: «Может быть, это прозвучит дерзко, но мы создаем мировоззренческую платформу, которая базируется на национально-государственной традиции России. Мы не воспроизводим их как фундаменталисты, которые тянут общество к возврату на одну из пройденных ступеней, но стремимся раскрыть инновационный и созидательный потенциал традиций, увидеть нашу цивилизационную идентичность как основу для развития»¹⁷.

Это видение современной российской реальности дается уже с точки зрения тех групп российской интеллигенции, которые стараются оставаться в русле православной традиции. Такая постановка проблем авторами «Русской доктрины» представляется весьма актуальной, так как те идеологии, «которые сейчас господствуют», предлагают совершенно иное видение реальности. И, конечно, иные перспективы на будущее.

Пожалуй, одну из наиболее откровенных деклараций такого рода мы обнаруживаем в программной статье директора Центра исследований постиндустриального общества Владислава Иноземцева: «В условиях, когда мечтой нынешней власти является управление Россией на основе мифологизированных исторических традиций, используемых для дальнейшей изоляции страны от мира, целью российских либералов должна стать десакрализация этих мифов и их разрушение ради формирования светского демократического гражданского общества, способного определять ориентиры и задачи на основе объективных потребностей. Нужно порвать с традицией абсолютизации государства, осознав, что в последние полтора века главным врагом русского народа было российское государство, ставящее себя над

народом и навязывающее ему свои представления и цели». На основании этого анализа В. Иноземцев на редкость откровенно формулирует свой главный тезис: «Иначе говоря: если власть не может распоряжаться суверенитетом страны на благо ее народа, лучше лишиться такого суверенитета или его части»¹⁸.

В данном случае мы имеем открытое признание «пораженца» (если использовать терминологию, распространенную в некоторых российских «коридорах власти»). Оно может показаться мнением какого-то маргинала, далекого от главных течений общественно-политической жизни современной России. Тем не менее, подобные пораженческие настроения встречаются не столь уж редко как среди столичной, так и в кругах провинциальной интеллигенции.

Более того, сам ход событий в нашей стране дает все новые свидетельства влиятельности подобных «пораженцев». Так, в январе 2008 г. вице-премьер правительства России Алексей Кудрин и руководитель РАО ЕЭС Анатолий Чубайс с трибуны Московского экономического форума «Россия» обрушились на будто бы «излишне агрессивную» и «конфликтную» внешнюю политику Российской Федерации, потребовав ее немедленного изменения¹⁹.

Вместе с тем в последние годы под давлением власти из политического пространства постоянно выдавливаются общественные силы православной, патриотической и консервативной направленности, также имеющие определенное число сторонников в среде российской интеллигенции. Вслед за удалением с политической арены партии «Родина» была не допущена к участию в выборах в Государственную Думу 2007 г. и весьма умеренная правоконсервативная партия «Народный Союз». Интересно, что это произошло после встречи лидера партии, известного политического деятеля С. Н. Бабурина, с Президентом России В. В. Путиным в Сочи 26 сентября 2007 г. Встречи, которая, по словам Бабурина, была «самым теплым и заинтересованным разговором с Президентом из всех, которые к этому времени состоялись. Встреча прошла не просто в доброжелательной обстановке. Это было волнующее обоих собеседников обсуждение проблем российского народа — патриотического движения»²⁰.

Как нам представляется, политика исключения из участия в российском общественно-политическом процессе православных, патриотических и консервативных сил, включая и поддерживающих их интеллектуалов, в конечном счете может оказаться опасной для самой власти. Де-факто это будет подпитывать внесистемные неконформистские группы и структуры. И тогда значительную популярность могут приобрести совсем другие взгляды. Приведем характерный образец такого рода настроений, когда публицист обращается к участникам первого заседания Общественной палаты Российской Федерации в Георгиевском зале Кремля: «Уважаемые дамы и господа! Вы для русских — никто. Титулы ваши — ничто. Вас в Кремль никто не приглашал. Говорить что-то — никто не просил. Хватать еду со стола — никто не разрешал. Поэтому помните: за аренду помещения, за вход, за банкет, за обслуживание, за продукты и пользование посудой вам однажды придется ВСЕ заплатить хозяевам — по счету. Поэтому для вашего же блага: помните о ближайшем будущем — кушайте поменьше, а жуйте молча»²¹.

С другой стороны, и в недрах самой Церкви существует глубоко укорененное недоверие к интеллигенции как таковой, в том числе и православной. При таком подходе, по сути дела, предлагается вытеснить современную российскую интеллигенцию из сферы духовно-просветительской деятельности, оставив последнюю исключительно в ведении клерикалов. Такая близорукая и совершенно нереалистическая позиция зачастую обосновывается внешне очень убедительно. Как, например, в проповедях и заявлениях известного православного пастыря нашего времени архимандрита Рафаила (Карелина). По его словам, хроническая болезнь интеллигенции — духовная гордость. Она обычно прячет себя под лживыми словами о правах и достоинствах человека. Между тем, как напоминает отец Рафаил, все великое совершается в безмолвии. Тайна безмолвия малопонятна для современного интеллигента, он родился и живет в мире слов. Для него безмолвие — это не полнота другой жизни, выразить которую слово бессильно, для него безмолвие — гробовая пустота. Интеллигент всегда шумит — он немного похож на генератор, который хочет дать людям свет, но дает шум. Мысль о том, что ему нечего сказать, звучит для него поражением²².

Разумеется, далеко не обязательно русское православное самосознание будет преобладать в таких и подобных им вариантах. Но вполне вероятно, что деятельность антицерковных сил будет стимулировать общественные силы православной ориентации, включая и некоторые круги столичной и провинциальной интеллигенции, к осуществлению более жесткой и наступательной деятельности. Или, говоря словами известного православного публициста Егора Холмогорова, это будет «процесс», «предполагающий определенную самодержавную концепцию власти в руках той или иной национальной (выделено нами. — С. У.) силы». «Но главное, — подчеркивает Е. Холмогоров, — необходимость создавать Россию как государство и страну Веры. Кто-то это может назвать “православным талибаном”, да пусть хоть горшком назовут, но главное — место Православия в общественной жизни России, место Церкви в реальном контроле за общественными процессами должно неуклонно повышаться. Собственно, Православие должно стать “фундаментом” нашего мировоззрения, а все остальное — красивой надстройкой над этим фундаментом. Другими словами, “клерикализация” России — это магистральный путь, на котором мы решим значительную часть наших текущих национальных проблем...»²³

Итак, Православие отнюдь не потеряло своих интегративных возможностей в современной России. Но их использование будет реальным, скорее всего, лишь в условиях трудной и упорной борьбы за доминирование в общественной, духовной и культурной жизни России, а вовсе не в капитуляции перед новым глобальным миропорядком. И здесь немаловажное значение будут иметь весьма неоднозначные процессы, протекающие внутри, в среде современной российской интеллигенции.

Примечания

¹ См.: *Цветкова В.* Православие как культурная традиция // НГ антракт. 2007. 7 сент. С. 20.

² *Серафим (Соболев), архиепископ.* Русская идеология // Серафим (Соболев), архиепископ. Об истинном монархическом мирозерцании. М.; СПб., 2002. С. 253.

³ Там же. С. 490.

- ⁴ *Зими́на Т.* Письмо академиков президенту: что дальше? // НГ наука. 2007. 12 сент. С. 12.
- ⁵ *Житие Сергия Радонежского* // *Сергий Радонежский*: Сб. М., 1991. С. 43—44.
- ⁶ Так, одна из исследовательниц пишет: «Что и говорить, для нашего времени многие требования, предъявляемые в XIX веке русскими к самим себе, выглядят чересчур строгими, даже превышающими меру человеческого терпения» (*Громыко М.* Какими были наши предки // *Русский журнал*. 2006. Ноябрь. С. 87).
- ⁷ *Федотов Г. П.* Письма о русской культуре // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 2. С. 165—166.
- ⁸ *Меньшикова И. В.* «Текстильный край»? Проблемы и перспективы развития региональной идентичности в г. Иванове // *Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета*. 2007. Вып. 1. С. 125.
- ⁹ *Швецова Е. С.* Отношение ивановцев к эмиграции // Там же. С. 55.
- ¹⁰ См.: *Леденева Л. И., Тюрюнакова Е. В.* Российские студенты за рубежом. М., 2002; *Крылов М. П.* Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // *СОЦИС*. 2005. № 3; и др.
- ¹¹ См.: *Швецова Е. С.* Указ. соч. С. 55.
- ¹² *Зайцев Б. К.* Слово о Родине // *Русская идея*. М., 1992. С. 375.
- ¹³ *Мартынов В.* «Приоткрыть дверь невозможности...» // *Завтра*. 2007. № 15. С. 7.
- ¹⁴ См.: *Гаррос А.* Золото Пармы против золота «Книги» // *Эксперт*. 2006. № 44. С. 96.
- ¹⁵ Там же. С. 98.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Цит. по: *Орлова В.* Мыслящая корпорация // *Московские новости*. 2007. № 36. С. 36.
- ¹⁸ *Иноземцев В.* Смерть традиции // *Независимая газета*. 2007. 8 авг. С. 11.
- ¹⁹ См.: *Сергеев М.* Либерально-правительственный оппортунизм // Там же. 2008. 31 янв. С. 1.
- ²⁰ *Бабурин С.* «Это был самый заинтересованный разговор с президентом...» // *Время*. 2007. № 31/32. С. 1.
- ²¹ Кто заплатит за банкет? // *Правый взгляд*. СПб., 2006. № 2. С. 9.
- ²² *Рафаил (Карелин), архимандрит.* Религиозные чувства интеллигенции // *Рафаил (Карелин).* Тайна спасения: Беседы о духовной жизни: Из воспоминаний. М., 2002. С. 80—89.
- ²³ *Холмогоров Е.* Видеть грядущее // *Завтра*. 2007. № 42. С. 3.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И. А. Буданова

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР: ПРОФЕССИОНАЛ... ПОЛИТИК... ЖЕНЩИНА...

Яркие, завораживающие глаза устремлены на собеседника. Сложно выдержать этот взгляд, но еще труднее найти аргументы, чтобы отстоять свою точку зрения. Вот, пожалуй, самые распространенные воспоминания о той, которую можно любить или ненавидеть, презирать или уважать, но ни в коей мере она не оставит вас равнодушным. Речь идет о Маргарет Тэтчер — женщине, ставшей легендой еще при жизни.

Об этом удивительном человеке, вернувшем Британию ее гордость, написаны тысячи строк, сотни статей, десятки книг... Написаны людьми, знавшими лично или только слегка соприкасавшимися с ней по роду политической или общественной деятельности. Но лейтмотивом любой работы, даже с самой негативной оценкой, становится восхищение этой сильной, цельной, целеустремленной личностью. Первая женщина премьер-министр Соединенного Королевства до сих пор остается объектом пристального внимания и понимания.

Так что же заставляет публициста, исследователя, журналиста, политика вновь и вновь обращаться к феномену Маргарет

© Буданова И. А., 2008

Буданова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ighu@rambler.ru

Тэтчер? Ее блестящая политическая карьера или дух, не сломленный даже вынужденной отставкой? Возможно, несравненные профессиональные качества? А может, ее личное обаяние и успех политика-женщины в мире политиков-мужчин? Так или иначе, искушение разобраться в природе магнетизма М. Тэтчер берет верх над попытками найти «научную новизну».

Название статьи (или, точнее, эссе) определило ее внутреннюю логику. Безусловно, Маргарет Тэтчер — прежде всего, блестящий политик. Заметим, единственный, кто удостоился чести иметь окончание к фамилии в виде «изм». Новейшая история Британии не знает ни «макмилланизма», ни «хитизма», ни даже «черчиллизма». Но феномен новых правых, получивший название «тэтчеризм», — явление общемирового масштаба. Это целая философия, система взглядов, идей, причем работающих и способных быть применимыми к преодолению кризисных ситуаций. Скорее, тэтчеризм — и есть антикризисная политика.

Но существует другая Тэтчер, малоизвестная, ибо эта сторона ее личности была сокрыта от посторонних глаз. Тэтчер-женщина, преданная жена, мать, умелая домохозяйка. Об этом написано и сказано гораздо меньше, во многом и потому, что она сама пресекала подобные вещи. Однако воспоминания коллег, друзей позволяют увидеть в Железной леди одновременно мягкую, добрую и внимательную женщину, готовую придти на помощь, оказать поддержку, т. е. выступить в качестве того, кого по-английски называют «caregiver»¹. Проявить то, что неизменно относится к собственно «женским» качествам и связано со служением и самопожертвованием.

Бесспорно, Маргарет Тэтчер самозабвенно служила своему государству. Для нее это было не подвигом, а обычным, будничным, каждодневным делом. Британия, ее интересы, внутренняя и внешняя политика слились для Железной леди в единое целое с ее собственными идеями, устремлениями, ценностями. Очень сложно понять и отделить одно от другого. Это переплетение, как отмечают биографы, с одной стороны, возвысило Маргарет Тэтчер, а с другой — привело к краху ее политической карьеры.

В русской, российской традиции человека, самозабвенно служащего интересам отчизны и общества, называют интеллигентом. Это понятие подразумевает не обязательно происхождение

ние и род занятий, а по большей части — готовность ставить общественные интересы выше личных, некую жертвенность поступков. Интеллигенция — не каста, не замкнутая группа людей, а, скорее, некая специфическая нравственная прослойка общества, своего рода его этико-интеллектуальный индикатор.

На Западе понятие «интеллигенция» не имеет широкого распространения, его заменяет слово «интеллектуал». Интеллектуала характеризуют в основном ментально-волевые качества. Это человек, способный быстро и легко приобретать новые знания и умения, преодолевать неожиданные препятствия, находить выход из нестандартной ситуации, умеющий адаптироваться в сложной, меняющейся, незнакомой среде². Вместе с тем «интеллигент» и «интеллектуал» — не взаимоисключающие понятия. Так, в философском словаре можно обнаружить следующее определение понятия «интеллигенция»: «свойственная человеку духовная, разумная способность, в узком смысле — способность быстро находить выход, решение в необычных обстоятельствах»³. Таким образом, можно говорить о том, что «интеллигент» и «интеллектуал» — родственные понятия, с тем лишь акцентом, что в понятие «интеллигенция» обычно привносится моральный смысл, а ее представители считаются воплощением высокой нравственности и демократизма⁴.

В современный научный контекст, нацеленный на прагматизм, введено еще одно понятие — «профессионал». В целом, понятие «профессия» используют для обозначения любого занятия, которое требует высокой степени развития умений и обширной специализированной подготовки с целью выполнения определенной социальной функции. Профессии обычно имеют собственные корпоративные нормы этики и поведения в рамках практики. Вследствие высокого уровня специализации и монополии знаний и умений они чаще всего недоступны для контроля или вмешательства в их дела со стороны внешних групп⁵. Только человек, обладающий всеми отмеченными качествами, справляющийся со своими обязанностями, соблюдающий профессиональный этикет и придерживающийся сложившейся модели поведения, может именоваться профессионалом.

С точки зрения функционализма, между профессионалом и интеллигентом стоит знак равенства. По мнению М. Вебера, про-

фессионалы становятся главными акторами прагматичного мира⁶, т. е. профессионал всегда действует рационально. При этом, как утверждает Т. Парсонс, профессионал обладает не только специальностью (как некой суммой знаний), но является призванным к определенному служению⁷, которое характеризуется не извлечением сиюминутной выгоды, а выполнением своего долга, соблюдением профессиональной этики.

Российский исследователь В. Лукша выделяет следующие черты «профессии», отличающие ее от «не-профессии»: 1) формально-техническая подготовка, 2) прагматическое применение, 3) институциональные механизмы, которые гарантируют, что данные компетенции и умения будут использованы социально значимым образом («властный ресурс»)⁸. Исходя из этого можно обозначить критерии, по которым профессионал отличается от не-профессионала.

Во-первых, профессионал — не бюрократ. Во-вторых, профессионал — личность (лидер), которая находит самовыражение в ежедневной деятельности. В-третьих, профессионал самореализуется только в случае, если его компетенции работают на благо всей социальной сферы. Таким образом, профессионал — человек, в основу компетенций которого заложено длительное, специализированное, основанное на символах и субкультуре обучение. При этом социальные ценности общества определяют направление его деятельности, как следствие, определяя в качестве мотивации — служение общественности, при соблюдении общепринятых норм политической культуры данного социума. Понятие «профессионал» шире, чем «интеллектуал», и близко к российскому пониманию интеллигента. Попробуем взглянуть на М. Тэтчер как женщину-политика с позиций ее профессии и профессионализма.

Политик... Профессионал

Пуританские ценности

Размышления о Маргарет Тэтчер как о политическом феномене XX века следует начать с понимания той социальной среды, в которой она родилась и выросла. Здесь скрыт ключ к адекватной оценке ее действий и поступков. С позиций когнитивной психологии социальный консенсус и роль ценностей в познании — являются определяющими в жизни людей, объясняют их поведение и принятые ими решения⁹. Поскольку политик такого

высокого ранга, как Маргарет Тэтчер, на протяжении более десяти лет принимала решения, определившие развитие не только Британии, но и Европы, а в ряде случаев — и мира, то понимание мотивов ее поведения является чрезвычайно важным для осмысления проводимой ею политики. Здесь важно, что на принятие того или иного решения оказывают влияние как эмоциональные, так и когнитивные факторы, т. е. информация, получаемая политиком, усваивается и упорядочивается с поправкой на собственные представления о внешнем мире¹⁰.

Насколько были правы оппоненты Железной леди, бросая ей в лицо в порыве гнева обвинения в том, что она занимается «бакалейной экономикой»? И почему столь критически звучало прозвище «лавочница»? Что стоит за этими выпадами и насколько они раскрывают, отражают профессионализм М. Тэтчер?

Заглянем (насколько это возможно) в мир детства Тэтчер¹¹. Будущий премьер-министр родилась 13 октября 1925 года в городе Грэнтхем, в семье бакалейщика Альфреда Робертса. По замечанию самой Тэтчер, им «приходилось экономить каждый день, чтобы наслаждаться редкой роскошью»¹², причем «роскошь» не приветствовалась в домашнем укладе семьи в соответствии с догматическими религиозными убеждениями отца.

На становление политико-экономических взглядов и формирование ценностных ориентаций будущего премьер-министра большое влияние оказал сам Альфред Робертс. М. Тэтчер в своих мемуарах признается, что обязана отцу своими первыми познаниями в экономике, причем это был не просто набор знаний, а целая экономическая система взглядов, которую она сохранила с большими или меньшими изменениями на протяжении всей политической карьеры. Таким образом, она восприняла традиции и модель поведения своей социальной группы, сохраняя принцип преемственности, являющийся частью профессиональной этики.

Какие же идеи взрастил в дочери бакалейщик Альфред Робертс? В политических мемуарах «Годы на Даунинг-стрит» М. Тэтчер пишет о том, что оригинальная философия ее отца включала в себя нечто большее, чем просто гарантию превышения доходов над расходами в конце недели: «Мой отец был одновременно человеком и практики, и теории. Еще до прочтения великих экономистов я узнала из его счетов, что рынок похож на

громадную чувствительную нервную систему... В сущности, уже в раннем возрасте я познакомилась с идеями и инструментами реорганизации экономики»¹³. В принципе, философию А. Робертса упрощенно можно выразить одной мыслью — тратить можно только то, что заработал. Урок был твердо усвоен будущим премьер-министром разваливающейся, униженной страны, а сама идея стала основой основ тэтчеровской платформы.

Немаловажное значение для понимания М. Тэтчер как политического деятеля имеет религиозный фактор. Ее личный секретарь Арчи Гамильтон в заметках «Жизнь с лидером» пишет: «Чтобы понять исключительные качества Маргарет Тэтчер как политика нужно подумать о ней как о протестантке и дочери бакалейщика»¹⁴. Ему вторит советник Железной леди Альфред Шерман: «...пуританка — дочь бакалейщика, которая привнесла веру и здравый смысл в запутанный мир общественных дел и экономических противоречий»¹⁵. Действительно, протестантизм, акцентирующий внимание на индивидуальном начале и практически слепой вере в частную собственность, был неотъемлемой частью философии среднего класса, к которому принадлежала М. Тэтчер. Таким образом, в основу ее профессионального поведения легли идеи утилитарного прагматизма.

Помимо экономических пристрастий, ставших основой тэтчеризма, Альфред Робертс воспитал в дочери силу духа, негибкую волю — качества, обеспечившие ей одновременно и политический триумф, и политический провал. По воспоминаниям М. Тэтчер, отец внушал ей каждый день, что «все будет замечательно, если она будет не как все». Он говорил, что непохожие руководят людьми, а тунеядцы — во всем им следуют, и убеждал дочь всегда идти впереди, быть ведущей. «Никогда ничего не делай только по той причине, что так делают твои друзья. Никогда не следуй за толпой только потому, что ты боишься выглядеть непохожей. Веди толпу за собой, но никогда не следуй за нею», — вот любимые мысли Робертса, которые он методично день за днем втолковывал в юную голову своей дочери¹⁶. Так, бакалейщик Робертс выковывал характер Железной леди и закладывал фундамент ее системы взглядов и политической карьеры, воспитывая в ней один из индикаторов профессии — чувство творческой индивидуальности, креативности.

Новые тори

1960-е годы наметили контуры будущего кризиса некогда великой империи, а 70-е уже не оставили сомнений — страна нуждается в кардинальной перестройке на иных интеллектуальных основах. Но какими методами осуществлять преобразования и каким путем пойти — оставалось до конца неясным. И лейбористы, и консерваторы предлагали свои средства, однако все они оказывались бессильными перед лицом тяжелой болезни. Главная проблема заключалась не столько в экономическом регрессе или социальных неурядицах, сколько в том, что имперские амбиции, взлелеянные не одним поколением британского истеблишмента, больше не отвечали реальному положению дел. С Британией перестали считаться в мире. Соединенное Королевство больше не могло оказывать влияние на решение общемировых проблем.

Еще с конца 1960-х годов в стране стало набирать силу новое движение, возглавляемое Китом Джозефом. Движение позиционировало себя как «инкубатор идей», направленных на коренную смену тенденций развития. Впоследствии новое направление получило название «Центр перспективных исследований» (ЦПИ) и на полную мощность заработало в период пребывания М. Тэтчер на посту лидера оппозиции. Именно ЦПИ сформулировал теоретические принципы того, что позднее стали именовать «тэтчеризм», в основу которого было положено, прежде всего, интеллектуальное творческое начало, а уже потом — экономика и политика.

Экономико-политической платформой нового течения стал монетаризм с его презрением к государственному вмешательству, ставкой на рынок, самостоятельность, свободу. Это течение из абстрактного теоретического знания Тэтчер и ее команда преобразовали в реальную политику. Существенно, что некоторые исследователи тэтчеризма ссылаются на то, что Железная леди взяла на вооружение не всю идеологию монетаризма, а лишь наиболее «симпатичные» элементы, созвучные усвоенным ею в детстве, а также неприязнь к государственным рычагам управления экономикой¹⁷. Под будущую политическую платформу было заложено специализированное знание, основанное на субкультуре. Происхождение, социальная среда способствовали принятию Тэтчер философии монетаризма, за которой она видела жизненную позицию английского обывателя — нужно работать, чтобы зарабо-

тывать себе на жизнь. Дочь бакалейщика, она стремилась поднять до уровня государственной политики то, чему научилась у отца.

*«Я — лидер»*¹⁸

Еще до памятного февраля 1975 года Маргарет Тэтчер засветилась на политическом небосклоне не только британской, но и европейской политики. Именно тогда выковывался профессиональный стиль будущего премьерства Железной леди. Достаточно вспомнить ее непопулярные меры в области образования. Занимая пост младшего министра в правительстве Э. Хита, она отменила раздачу молока в школах, за что получила прозвище «похитительница молока», а британские газеты присвоили ей титул — «самая непопулярная женщина». Однако за странным, на первый взгляд, решением скрывалось стремление служить обществу, основанное на личных убеждениях и идеях, воспитанных в детстве — уменьшить вмешательство государства в социальную сферу и экономику.

Были и первые иностранные визиты, в ходе которых она смогла понравиться и произвести впечатление. Один европейский дипломат, общаясь с известным британским политиком, порекомендовал Тэтчер на пост лидера консервативной партии, чем вызвал улыбку коллеги: «Женщина?! Лидер консервативной партии?! Это невозможно!»

Тем не менее, когда Э. Хит проиграл выборы 1974 года, стало ясно, что партии нужен новый лидер. О перипетиях внутрипартийной борьбы сказано не мало, но что поразительно — у М. Тэтчер не было соперников. Она с легкостью (в которую, как всегда, было вложено много труда) победила и, раз и навсегда, сломала чопорные английские традиции. У Дж. Хау, члена кабинета министров с 1979 по 1990 год, по этому поводу есть трогательное воспоминание: «Новый лидер... вошла в помещение Комитета. По обе стороны находились члены Комитета, исключительно мужчины. В этот миг она показалась очень красивой и очень хрупкой в окружении возвышающихся над ней полдюжины рыцарей — членов парламента. Это было волнующее, почти феодальное событие. И это собрание, в огромном большинстве состоящее из мужчин, с энтузиазмом посвящало себя служению этой выдающейся женщине»¹⁹. Следует добавить, не просто женщине, а женщине-политику-профессионалу.

С момента избрания М. Тэтчер на роль лидера тори началась новая эра в консервативной партии, Великобритании и, в целом, в Европе. В этот период она многому училась как во внутренних, так и внешних делах: пыталась очертить основные принципы поведения консерваторов внутри государства и за его пределами. Обучение, восприятие опыта «своей» и «чужой» группы — отличительная черта политика-профессионала. Забегая вперед, нужно отметить, что М. Тэтчер сохранила стремление и способность обучаться не только на протяжении профессиональной карьеры, но и в течение «жизни после отставки».

Primus inter pares

Помимо личного видения дел партийный лидер не может не следовать особым правилам, принципам и традициям, принятым в его партии и государственной системе. Вот здесь-то и проявился в полной мере «железный» стиль М. Тэтчер. Принцип «первый среди равных» был негласным и непоколебимым в отношениях между премьер-министром и его Кабинетом. Так было до Маргарет Тэтчер, и никто его не оспаривал. Однако никакое другое руководство не вызвало столько нареканий в авторитаризме, как правление Железной леди. В том, что М. Тэтчер сумела сломать еще одну негласную традицию, «повинно» два сюжета: 1) ее личные установки, 2) стиль общения с Кабинетом.

Поле потенциального конфликта четко обрисовывают следующие положения: необходимость следовать устоявшемуся этическому коду и стремление изменить его (как неработающий, по мнению Тэтчер). Премьер-министр считала, что сложившиеся нормы, правила ведения дел и общения больше не соответствовали реальности. По ее мнению, они были нерациональны, непрагматичны и даже вредны. Став во главе государства, Тэтчер пыталась сконструировать и навязать свой этический код, основанный на личном видении проблем и путей их преодоления.

На посту премьер-министра Великобритании М. Тэтчер проводила в жизнь свои решения, и это полностью ее личная заслуга. Только цельная натура обладает способностью в течение 11 лет следовать заявленной программе, залогом успеха которой она считала свои политические убеждения²⁰. На это неоднократно ссылались ее последователи и оппоненты. К числу наиболее

интересных мнений относится высказывание политического обозревателя TV—AM Адама Боултона, неоднократно бравшего интервью у Железной леди: «...я не сомневаюсь, что она была “инстинктивным политиком”, который чувствует “кишкой” (в более вежливых кругах это называется “убежденный политик”))»²¹. Убежденный политик — сочетание, сплав лидерских качеств, интеллекта, большой обучаемости и знания — с развитой интуицией, т. е., можно сказать, это профессионал высокого уровня.

По словам коллег, М. Тэтчер много времени отдавала составлению и редактированию речей, посредством которых она выражала свои идеи и убеждения²². Кстати, и здесь ей удалось внести элемент новизны. Известно, что выступления публичных людей часто составляются не ими самими, в лучшем случае они являются соавторами или редакторами. Однако в случае с М. Тэтчер все было несколько иначе (и это тоже одна из отличительных особенностей ее политики и ее самой как профессионала). Вот лишь одна иллюстрация. Премьер-министр считала, что невозможно писать речь для какого-либо мероприятия, пока оно не начнется и нельзя будет оценить его атмосферу, в частности это касалось партийных конференций. В итоге большинство речей, произнесенных Железной леди на подобных мероприятиях, дописывались на рассвете под постоянные возгласы премьер-министра: «Здесь нет ничего нового!»²³

Другой интересный момент — консенсус, соблюдение которого считается неотъемлемой частью политической культуры и высокой степенью профессионализма. Известно, что Тэтчер презирала, не принимала и отвергала его, призывала вернуться к политике принципа, убеждая свою партию занять пустую моральную нишу, отвергнуть компромисс и отступление. Ее знаменитые слова: «Я не провожу политику консенсуса, я провожу политику убеждения» — прямое тому доказательство. Но здесь она вступила в противоречие с общепринятыми нормами, согласно которым нахождение точек соприкосновения является основным элементом политического искусства и добиться консенсуса — значит победить. Но лидер консерваторов придерживалась прямо противоположного взгляда: добиться консенсуса — значит, ничего не сделать²⁴. Она стремилась к результату, а реформы и политику мыслила как битву, которую надо выиграть.

Еще более интересным сюжетом, с точки зрения понимания М. Тэтчер как политика-профессионала, являются ее отношения с Кабинетом, который в Британии неофициально называют «малым парламентом», поскольку он играет ключевую роль в формировании и проведении политики страны. Залог успеха М. Тэтчер на данном направлении заключался в том, что она была исключительно властным премьер-министром, что придало периоду ее правления черты личного режима²⁵. По-другому можно сказать, что Железная леди предпочитала мобилизационный стиль политического лидерства, и это наложило отпечаток на отношения с Кабинетом, к которому она обращалась так: «Не говорите мне — что, говорите мне — как»²⁶. Известно, что она доминировала в Кабинете и часто игнорировала советы министров. Сама М. Тэтчер так охарактеризовала свой стиль правления: «Я жесткий руководитель, и я управляю людьми. Я не диктатор, но я знаю, чего я хочу. Я знаю направление, в котором хочу идти и пытаюсь противопоставить аргументам — аргументы»²⁷.

Доминирование в Кабинете на время обеспечило успех политике М. Тэтчер. Однако здесь были некоторые трудности. Отстаивая идеалы, ценности, политическую культуру своего государства, Железная леди сама иной раз стремилась их обойти. Наиболее часто это прослеживается на примере ее столкновений с Кабинетом и внешнеполитическим ведомством Британии — Форин офисом. М. Тэтчер часто говорила, что ей не нравится находить ответы на вопросы «коллективным решением»²⁸. Стремление служить стране и принадлежность к особому профессиональному сообществу вступили в конфликт с теми нормами и правилами, которые были привиты в детстве.

Ее отношение к консенсусу, Кабинету, министрам наводит на вопрос — насколько профессионально действовала М. Тэтчер? Однозначного ответа дать нельзя. Однако очевидно, что специфическая система взглядов «лавочки», ее ценности и модель поведения вступили в противоречие с политическим укладом, принятым в правительстве. Зачастую ее система вызывала нарекания и обвинения, но главное заключалось в том, что она работала на благо своей страны.

Анализируя мнения людей, работавших с Маргарет Тэтчер, понимаешь, что дело было не только в ее авторитарном стиле. Же-

лезная леди, как отмечают многие, была «заядлой спорщицей» и нередко провоцировала дискуссии в Кабинете, чтобы прощупать министра на предмет его компетентности. Ее внимание к деталям и мелочам становилось настоящим бичом для тех, кто «был не в материале», поэтому складывалось впечатление, что она «задавливает» собеседника. Заставить М. Тэтчер изменить мнение было непросто, но человеку, владеющему аргументами и убеждениями, можно было попытаться. Именно так закрепился в Кабинете ее преемник Джон Мэйджор. В конечном счете, весьма убедительным является мнение адмирала Джона Вудварда, который связал причину ее падения с недостатком министров, способных твердо сказать «нет»²⁹.

Говоря о Маргарет Тэтчер как о политике-профессионале, невозможно пройти мимо внешнеполитических сюжетов. Именно в период ее правления Британия победила в Фолклендской войне, укрепила евроатлантический альянс. Даже оппоненты признают, что она вернула Соединенному Королевству веру в себя и завоевала прочные позиции в мире. Иностранцы, по замечанию самой М. Тэтчер, не были ее «коньком». Но внешне она не испытывала комплекса по этому поводу: «Я не знаю ничего о дипломатии, но я знаю и верю в то, что хочу улучшить положение дел Великобритании»³⁰. Ее недипломатическое, диктаторское поведение стало притчей во языцех особенно в период борьбы за Европу, какой ее хотела видеть Железная леди. Европейский сюжет раскрывает М. Тэтчер как политика и демонстрирует, что именно на этом направлении ее убеждения были отождествлены с национальными интересами Великобритании. На отношения ЕЭС—Британия интересно посмотреть с точки зрения оценки профессионализма поступков М. Тэтчер.

«Европа — грезы и кошмары»³¹

С первых шагов в запутанном мире европейской политики М. Тэтчер показала, что не будет жертвовать своими убеждениями, ценностями и идеалами, даже если они противоречат, идут вразрез с желаниями партнеров по Сообществу. Нетерпимость Железной леди к status quo и традиционному стилю принятия решений посредством компромисса определила ее конфронтацию и с партнерами по ЕЭС, и с Форин офис. Здесь с самого начала ее

правления работала, своего рода, бомба замедленного действия, которая, в конечном итоге, и стала одной из причин отставки. Наперекор Форин офису, дипломатия госпожи Тэтчер была более связана с одержанием побед, чем с завоеванием друзей, поэтому не только европейским, но и британским политикам пришлось не «по вкусу» стиль личной дипломатии премьер-министра, особенно ее резкость, прямота, склонность оказывать давление на партнеров по переговорам, предъявлять им чрезмерные требования³². Что интересно, М. Тэтчер на протяжении пребывания на посту премьер-министра лично курировала европейские дела. Причина пристального интереса к Европе заключалась в том, что линия отношений Британии с ЕЭС должна была, по мнению Железной леди, оставаться в русле ее собственных политических убеждений.

Отношения между ЕЭС и М. Тэтчер лучше назвать конфронтационными, поскольку все одиннадцать лет британский премьер-министр ставила «национальный» интерес выше «общего», европейского. Конфликт между Сообществом и Железной леди в первой половине 1980-х годов был обусловлен бюджетно-аграрными разногласиями. При существовавшей системе перераспределения бюджетных ресурсов Сообщества Великобритания, по мнению М. Тэтчер, фактически финансировала его. Решив отстаивать национальные интересы страны в ЕЭС под лозунгом «Верните наши деньги!», Мадам нет нарушила все правила игры, принятые на тот момент странами Общего рынка. Компромисс, так резко отвергаемый ею, был ключом к пониманию развития европейской интеграции. Коммунитарный принцип принятия решений не нашел места в ее системе взглядов на политику, и более узко — на ЕЭС, поэтому партнеры получили жесткого и непримиримого противника. Все переговоры, проводимые в рамках Сообщества, Железная леди мыслила как битвы, которые непременно должна выиграть. В ее понимании, она действовала не только на благо Британии, но и самой интеграционной группировки, возвращая ее в реальный мир экономики и бюджетной дисциплины.

С точки зрения национального политика, М. Тэтчер действовала профессионально, защищая интересы государства, служа обществу. Но, используя традиционный «национальный» подход к решению дел, она вступила в противоречие с формирующимся в то время новым типом политика-профессионала европейского склада.

Новый тип европейского политика зиждется на лучших традициях дипломатической игры под «коммунитарным соусом». Столкнувшись с чуждой для нее организацией, Тэтчер попыталась действовать «как у себя дома», но натолкнулась на достойных противников в лице зарождающейся евробюрократии (например, председателя Комиссии Европейского Сообщества Ж. Делора).

Для отстаивания своей позиции Железная леди пользовалась имевшимися у Великобритании рычагами давления (бойкот сельскохозяйственных цен, угроза приостановить выплаты в бюджет ЭЭС и т. д.). Зарубежная пресса тех лет всегда смаковала предстоящие встречи глав государств, помещая карикатуры, характеризующие и состояние дел в ЭЭС, и манеру поведения М. Тэтчер. Например, «Now» — представил встречу глав правительств в Дублине (1979 г.) как хоровод, в котором участники ЭЭС держат друг друга за горло, а «Financial Times» напечатала карикатуру, на которой Мадам нет бьет коллег по Сообществу своей сумочкой³³.

Взгляд М. Тэтчер на ЭЭС всегда оставался узко прагматичным. В этой организации она видела группу государств, объединившихся для достижения сугубо экономических целей, сохраняющих вместе с тем свой национальный суверенитет. Разговоры о передаче хотя бы толики суверенитета наднациональным управляющим структурам вызывали неподдельное раздражение премьер-министра. Она считала, что лишь национальное государство и национальный суверенитет могут создать фундамент стабильной международной системы³⁴. По поводу национализма М. Тэтчер говорила, что «если национализм осуждают за притеснение национальных меньшинств, то наднационализм заслуживает еще большего осуждения, т. к. предполагает подчинение целых государств»³⁵. Тэтчер также замечала, что «некоторые европейцы советовали ей воспринять Европейский Союз (как идею и реальность), но те, кто так делал, находились не совсем в своем рассудке»³⁶.

В русле рассуждений о профессионализме конфликт с партнерами по ЭЭС и, в частности, с Делором можно объяснить с позиции столкновения двух разных этических кодов, двух совершенно различных систем ценностей, идей, стратегий. Хотя в обоих случаях речь шла об одном и том же — благе для Европы. В ответ на вынашиваемые партнерами федералистские и супранациональные проекты М. Тэтчер предложила свой рецепт дости-

жения процветания Европы сугубо экономическими средствами. В заключение нашедшей речи в Брюгге (1988 г.) премьер-министр Великобритании выразила пожелание: «Позвольте Европе быть семьей наций»³⁷, подчеркивая необходимость только экономической интеграции. Дж. Хау, занимавший в тот момент пост министра иностранных дел, точно прокомментировал ее выступление: «Для Тэтчер речь в Брюгге представляла собой под-сознательный отказ от коллективной ответственности... Она ждала почти 15 лет, чтобы продемонстрировать свое отрицательное отношение к политике (уступок, консенсуса. — *И. Б.*), которую ей приходилось принимать как члену правительства»³⁸.

Отождествление своих убеждений относительно Европы с национальными интересами Британии привело и к кризису в Кабинете. Часть ее министров, настроенных еврооптимистично, говорили, что премьер-министр занимает слишком бескомпромиссную позицию и не соизмеряет силы со своими возможностями. Таким образом, вопрос о Европе оказался серьезной проверкой на прочность и единство правительства и партии.

Последней трибуной в Европе, на которой М. Тэтчер могла высказать особые позиции в качестве премьер-министра, стал саммит в Риме (1990 г.), проходивший за месяц до отставки Железной леди. Об этой встрече она говорит как «об окончательной битве за будущее Сообщества, которую пресекли»³⁹. Более того, бой за концепцию развития Европы для М. Тэтчер не увенчался успехом и у себя дома. По справедливому замечанию Дж. Хау, ее отставка была связана с излишней самонадеянностью по вопросу о Сообществе, т. к. для нее исчезла грань между личностью, правительством, партией и нацией⁴⁰. Они соединились в ее сознании в единое целое. Собственные интересы бездоказательно принимались ею за интересы Британии. Отстаивание непрерываемости суверенитета собственного мнения, замаскированного под суверенитет нации, стало одной из причин ее отставки.

Женщина... Профессионал...

«Я стараюсь не замечать, что я — женщина»

«Мужчина в юбке» — именно так чаще всего отзывались о М. Тэтчер оппоненты-мужчины, когда пытались упрекнуть ее в отсутствии женственности. Действительно, очень сложно в мире мужской политики адекватно отреагировать на фразу: «Развора-

чивайтесь сами, если вам уж так хочется, а леди не повернет»⁴¹, которую любила повторять Мадам нет.

В то же время ближайшие коллеги намекали на ее мужественность, но в качестве комплимента, как бы расписываясь в превосходстве своего премьер-министра. Когда она выиграла выборы 1979 года, один из депутатов палаты общин заметил: «В Британии нашелся только один мужчина, способный взвалить на себя эту непосильную ношу. И этот мужчина — Маргарет Тэтчер»⁴².

В данном контексте гендерный подтекст минимален. Скорее здесь прослеживается традиционный для того времени подход профессионал-политик — мужчина. Даже ее прозвище «Железная леди» в некотором отношении несколько резковато, но, с другой стороны, оно выглядит позитивно, поскольку дает мощный образ, необходимый для руководства избирателями, сомневающимися в ситуации, когда за рулем женщина⁴³. Большинство лидеров-женщин вынуждены считаться с традиционным представлением о их слабости перед лицом любой сильной оппозиции. По сложившемуся стереотипу не предполагается, что женщины будут вступать в борьбу с активным противником, если столкнутся с серьезной опасностью или запугиванием. Но в случае М. Тэтчер это было далеко от действительности.

Железная леди смущала и пугала мужчин своей непоколебимой стойкостью относительно вопросов, в которых, по ее убеждению, она была непогрешимо права. Вот что она сама говорит о своей открытости к дискуссии: «Я не тверда. Я ужасающе мягка. Но я никогда не дам себя затравливать. Мне нетерпимо чувствовать, как кто-то хочет направлять меня куда-то против моего желания... Я — лидер стаи. Но что это за лидер, если он не ведет стаю за собой? Конечно, они позади меня. Если бы они были передо мной, то они и были бы лидерами»⁴⁴. Может быть ее феноменальная решимость продвигать собственную точку зрения все-таки была обусловлена тем, что она женщина? Отвечая на этот вопрос, Арчи Гамильтон заметил, единственное в чем он уверен — это то, что все мужчины, с которыми ему довелось встречаться и работать в политике, были в большей степени готовы к компромиссу, чем она⁴⁵.

В то же время трудно спорить с тем, что в целом «мужской» стиль правления был приправлен и собственно «женскими» чертами. В этом плане интересно размышление вице-премьер-

министра лорда Уайтлоу: «Меня часто спрашивают, каково служить при женщине-лидере. В целом бы я сказал, что никаких особых отличий от работы с мужчинами нет, если не считать того, что бессмысленно не учитывать того, что женщины всегда готовы использовать свое женское очарование и свои женские качества, чтобы настоять на своем»⁴⁶.

Безусловно, это так. Готовясь к очередной встрече, будь то открытие больницы в маленьком городке или саммит глав государств, М. Тэтчер всегда выглядела безупречно. Тщательно уложенные волосы, продуманный наряд, сумочка — все это, приправленное личным шармом и обаянием, дополняет образ непреклонной Мадам нет. М. Тэтчер действительно много уделяла внимания своему внешнему виду, даже после отставки. К примеру, в 1993 году в одном из интервью она заявила: «Я часто сплю только полтора часа, предпочитая жертвовать временем сна, чтобы иметь приличную прическу»⁴⁷. Для политика забота о внешнем виде — часть отношения к профессии и своего рода выражение профессионализма, но для Тэтчер это имело еще и психоэмоциональное значение: фотографии, видео, записи выступлений подчеркивают врожденное изящество Железной леди. В этом ракурсе интересен отрывок из ее мемуаров. Рассказывая об очередном саммите ЕЭС, она отмечает, что привезла на встречу недавно сшитый красивый костюм, однако так и не показала в нем, обосновав поступок следующим образом: «Обычно я получаю удовольствие, надевая что-то новое по случаю такой важности, как этот, но я не рискнула испортить костюм несчастливими воспоминаниями».⁴⁸ Действительно, это была провальная встреча.

Семья и карьера

Благодаря удачному браку с Денисом Тэтчером Маргарет приобрела возможность заняться политической карьерой. Денис позволил ей получить диплом юриста, а затем сконцентрироваться на жизни в политике. Будучи добропорядочной английской домохозяйкой и матерью, Тэтчер родила двух близнецов. Но удержать ее у семейного очага было невозможно. Уже через четыре месяца после рождения детей она решила заняться адвокатурой. Немногим позже, когда близнецам было почти год от роду, Железная леди погрузилась в юриспруденцию. Когда им было

шесть лет, она решила принять участие в предвыборной гонке в депутаты парламента. М. Тэтчер выиграла выборы и получила место в правительстве, когда ей исполнилось тридцать четыре года, и с тех пор никогда уже не оставляла эту работу, отнимаящую все ее время. В 1961 году она стала постоянно занятым политическим деятелем, а также женой и матерью по совместительству, с неполной рабочей неделей.

М. Тэтчер хотела иметь и семью и карьеру, поэтому она имела и то и другое. Однако это потребовало от нее многих усилий и жертв. Как-то в интервью «Daily Telegraph» (1968 г.) Тэтчер произнесла: «Если мы не сможем позволить себе иметь постоянную помощь по дому, мне придется завтра же расстаться с моей карьерой»⁴⁹. Ей посчастливилось быть финансово независимой, чтобы оплачивать сторонних помощников, балансируя между карьерой и семьей. Причем балансировать умело.

Например, для ее личного секретаря было совсем не понятно желание премьер-министра изменить удобный маршрут, составленный им, сделать огромный крюк, да еще потерять пару часов в пробках, чтобы провести ночь в своей резиденции. «Ради чего?» — поинтересовался он. «Я хочу вернуться на Даунинг-стрит и заночевать, поскольку Денис любит завтракать яйцами с беконом, а дома не будет никого, кроме меня, кто мог бы приготовить ему завтрак», — последовал ответ⁵⁰. И это не исключительные ситуации, они были повседневными или даже обыденными. М. Тэтчер так же хорошо руководила страной, как и стояла у плиты.

Однажды Железная леди сказала, что любая женщина, понимающая проблемы, которые возникают при управлении домом, может понять проблемы, которые возникают при управлении страной. А уж как управлять домом (и неважно, какого он размера) она прекрасно знала. Домохозяйские качества Тэтчер отмечали практически все, кто с нею работал. Читая воспоминания ее коллег, складывается впечатление, что Маргарет просто поменяла меньшую лавку на большую. Так, ее советник Альфред Шерман вспоминает, что они нередко засиживались допоздна за работой на Даунинг-стрит, и если сидения были успешными, премьер-министр шла на кухню, готовила еду и при этом через открытую дверь продолжала отдавать указания⁵¹. Примерно то же можно встретить у Дж. Гардинера, Б. Поуэлла, Дж. Шепард и др. Кажется,

М. Тэтчер была *не между* семьей и карьерой, а *в* семье и карьере, поскольку с легкостью (в которую, как всегда, было вложено много труда) сочетала и то и другое. Например, для нее не было проблемой, увидев беспорядок в кабинете или другой комнате на Даунинг-стрит, тут же, не раздумывая, броситься на его ликвидацию. Или многие коллеги Тэтчер отмечали ее практически патологическую манию постоянно выключать свет в своих апартаментах.

Профессия и карьера с лихвой предоставляли ей возможность проявлять не только мужские, но и женские качества, однако поскольку последние имели конкретных адресатов, они не известны широкой публике, и узнать о них можно, только читая воспоминания ее друзей и коллег по работе, партии. Очень часто в них преподносится одна и та же мысль — доброта, внимательность и заботливость, проявляемые М. Тэтчер, не были интересны прессе, которая постоянно выискивала «жаренные» факты, связанные с ее деятельностью.

Имея дело с самыми разными по рангу людьми, она не была высокомерной по отношению к ним. Более того, Железная леди часто значительно лучше относилась к тем, кого называют «простые люди», нежели к своим министрам. Будь то шофер или официантка в баре. Вот один любопытный случай. Во время обеда молодая неопытная официантка разлила большое блюдо с заварным кремом на Дж. Хау. Тэтчер отреагировала моментально. Она обняла девушку и сказала: «Дорогая, не нужно плакать. Со всеми такое может случиться». А затем резко бросила Дж. Хау, который безуспешно пытался промокнуть свой костюм: «Джеффри! Прекратите создавать ажиотаж!»⁵² М. Тэтчер также имела привычку рассылать записки с искренними поздравлениями или сочувствием, подписывая их лично. Но поскольку эти знаки внимания были исключительно адресные, они не смягчали «железный» имидж премьер-министра.

Забота об обществе — часть профессии и профессионального поведения. Но «общество» — слишком абстрактное понятие. В мире М. Тэтчер оно складывалось из простых граждан, обывателей, собственников. Она служила обществу в лице конкретных людей, и в этом заключается своеобразие ее профессионализма.

«Злосчастная голубая сумочка»

Премьер-министров помнят по их характерным особенностям. У Дизраэли это был монокль, у Гледстоуна — большая копна седых волос, у Чемберлена — зонтик, у Черчилля — сигара, у Уилсона — макинтош, а у Тэтчер — дамская сумочка, с которой она не расставалась и даже превратила в грозное оружие.

Маленькая дамская сумка стала объектом пристального внимания и символическим атрибутом ее профессионализма. Она была неизменной деталью любой карикатуры на М. Тэтчер. Появилось даже выражение — «давать ход сумочке», которое означало очень жесткую дискуссию или выволочку нерадивому министру. Сумочка держала в страхе Кабинет. Лорд Бейкер, в частности, вспоминал, что в сумочке у премьер-министра, которую она не только неизменно брала с собой на все заседания Кабинета, но и ставила впереди себя, всегда находились небольшие листки — сводки по обсуждаемому вопросу. И если спор склонялся не в ее пользу, она брала сумочку и доставала оттуда очередную бумажку, изрядно потертую и скомканную. В этот момент секретарь Кабинета бледнел, министр поднимал глаза к потолку, предчувствуя, что вот-вот будет повержен, а другие про себя проклинали содержание «злосчастной голубой сумочки»⁵³.

Послесловие

«Я, конечно, предпочитаю железо, но бронза тоже сойдем!»⁵⁴

Маргарет Тэтчер, взбираясь по ступенькам политической карьеры, разрушила массу британских стереотипов — первая женщина лидер партии, первая женщина премьер-министр... Но и покинув пост, она умудрилась нарушить еще одно негласное правило.

1990 год был не самым легким в жизни Железной леди. Отставка, как бы она это ни скрывала, сильно выбила ее из колеи. Коллеги по партии, простые обыватели, признавая заслуги, тогда больше говорили о ее неудачах, потере ею политического чутья. Но прошло время, и достижения Мадам нет во внутренней и внешней политике справедливо вышли на первое место.

В феврале 2007 года в британском парламенте была открыта бронзовая статуя Маргарет Тэтчер. Впервые за всю историю Великобритании статуя бывшему премьер-министру установлена

не посмертно. Тэтчер лично посетила церемонию открытия памятника в палате общин и осталась довольна. «Я могу себя узнать, — сказала она автору работы, — но вы сделали меня достаточно стройной, так что придется следить за тем, чтобы не набирать вес»⁵⁵. Маргарет Тэтчер явно сохранила свой талант говорить небольшие речи-экспромты. Брошь, жемчужное ожерелье, браслет из полудрагоценных камней и даже тот же самый костюм — так она выглядела в ноябре 1990 года, накануне отставки. Не хватает только привычной сумочки в руках. Но этой деталью пришлось пожертвовать. Автор статуи хотел показать свою героиню в момент дискуссии, поэтому руки должны быть свободны. Что интересно, отныне в холле британского парламента выше бронзовой Тэтчер никого нет. Статуя У. Черчилля, ее политического вдохновителя, прямо напротив, но она на 2 см ниже⁵⁶.

Это значимый жест от нации и государства, которым она служила. Железная леди часто повторяла: «Я останусь до тех пор, пока не устану. А пока Британия во мне нуждается, я никогда не устану», — и Британия доказала, что Маргарет Тэтчер — профессионал, который ей нужен как символ, идеал, к которому можно и нужно стремиться. Но, что более важно, профессионализм Тэтчер — поле, практически лишённое внутреннего конфликта и привкуса «жертвенности», поле внутренней целостности, самодостаточности и буднично-каждодневного самопожертвования нации и государству.

Примечания

- ¹ Caregiver — человек, деятельность которого напрямую связана с проявлением заботы, опеки, присмотра за теми, кто в этом нуждается. Традиционными русскими эквивалентами могут быть и сестра милосердия, и сиделка, и родители, и домохозяйка.
- ² Интеллектуал // Философский словарь. <http://metromir.ru/voc/phylosofy.php?litter=И&mode=word&id=498&num=3> (дата посещения 25.01.2008).
- ³ Интеллигенция // Философский энциклопедический словарь. <http://www.rubricom.com/qe.asp?qttype=1&id=390&ii=390&srubr=0&fstring=Интеллигенция> (дата посещения 10.01.2008).
- ⁴ Большой энциклопедический словарь. http://mirslovari.com/content_bes/Intelligencija-23786.html (дата посещения 14.02.2008).

- ⁵ Психологическая энциклопедия. http://mirslovarei.com/content_psy/PROFESSIONA-28314.html (дата посещения 14.02.2008).
- ⁶ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- ⁷ Parsons T. Politics and Social Structure. N. Y., 1969.
- ⁸ См.: Попов Д. С. Основные направления концептуализации понятия «интеллигенция» // Профессии. doc: социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2007. С. 65.
- ⁹ Социальный консенсус трактуется как влияние на процесс индивидуального познания социальных явлений, принятых образцов их толкования в той или иной культуре, в том или ином типе общества или его части. Эти принятые образцы — своего рода договоренности относительно того, как будут интерпретироваться те или иные данные, полученные в процессе познания социальных явлений. Такие «договоренности» существуют в каждой культуре и касаются достаточно универсальных характеристик мира: времени, пространства, причины и проч. Естественно, значение социального консенсуса нельзя преувеличивать: при определенных условиях в силу ряда причин может происходить его «слом». Это обусловлено тем, что люди не обязательно следуют общепринятым нормам и среди них находятся такие, для кого остается пространство для несогласия (см.: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: основные положения, исследование и применение. СПб., 2002. С. 373).
- ¹⁰ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2003. С. 55.
- ¹¹ Об этом периоде своей жизни Маргарет Тэтчер подробно пишет в мемуарах «The Path to Power», изданных в 1995 г. в издательстве «Harper Collins», где она отдает дань уважения отцу и тем ценностям, которые он ей привил.
- ¹² Thatcher M. The Path to Power. L., 1995. P. 5.
- ¹³ Thatcher M. The Downing-Street Years. L., 1993. P. 156.
- ¹⁴ Гамильтон А. Жизнь с лидером // Воспоминания о Мэгги: Портрет Маргарет Тэтчер / Сост. И. Дейл. Киев, 2003. С. 33.
- ¹⁵ Шерман А. Все, что реально, — рационально // Там же. С. 49.
- ¹⁶ Ландрам Д. Тринадцать женщин, которые изменили мир. М., 1997. С. 108.
- ¹⁷ См., напр.: Holmes M. Thatcherism: Scope and Limits 1983—1987. N. Y., 1989.
- ¹⁸ Thatcher M. The Path to Power.
- ¹⁹ How G. The Conflict of Loyalty. L., 1994. P. 162.
- ²⁰ Kavanagh D. Thatcherism and British Policy: The End of Consensus? L., 1987. P. 249.

- ²¹ *Боултон А.* Мэгги и я // Воспоминания о Мэгги. С. 24.
- ²² Здесь речь идет о спичрайтерах М. Тэтчер — Альфреде Шермане и Рональде Милларе. А. Шерман являлся спичрайтером и советником М. Тэтчер в 1974—1983 гг. и оказал формирующее влияние на тэтчеровскую политическую и экономическую мысль. Р. Миллар писал речи для М. Тэтчер в 1980-х гг. (в том числе был автором речей для Э. Хита и Дж. Мэйджора).
- ²³ *Гамильтон А.* Указ. соч. С. 31.
- ²⁴ *Reitan E.* Tory Radicalism: M. Thatcher, J. Major and the Transformation of Modern Britain 1979—1997. L., 1997. P. 31.
- ²⁵ *Gamble A.* The Free Economy and the Strong State: The Politics of Thatcherism. L., 1998. P. 210.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ *Огден К.* Маргарет Тэтчер: Женщина у власти: портрет человека и политика. М., 1992. С. 515.
- ²⁸ *Hennessy P.* Cabinet. Oxford, 1986. P. 104.
- ²⁹ *Вудвард Дж.* Как я перебил премьер-министра // Воспоминания о Мэгги. С. 100.
- ³⁰ См.: *Harris K.* Thatcher. Boston, 1988. P. 99.
- ³¹ *Тэтчер М.* Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 450.
- ³² *Матвеев В. М.* Британская дипломатическая служба. М., 1986. С. 105.
- ³³ За рубежом. 1988. № 52.
- ³⁴ *Thatcher M.* The Path to Power. P. 522.
- ³⁵ *Тэтчер М.* Указ. соч. С. 357.
- ³⁶ *Thatcher M.* The Franco-British Council Dinner. Avingion, 30 Nov. 1984 // In Defence of Freedom: Speeches on Britain's Relations with the World 1976—1986. N. Y., 1987. P. 100.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ *How G.* Op. cit. P. 245.
- ³⁹ *Thatcher M.* The Downing-Street Years. P. 767.
- ⁴⁰ *How G.* Op. cit. P. 245.
- ⁴¹ Quotes of Margaret Thatcher. <http://quoteworld.org/authors/margaret-thatcher> (дата посещения 20.08.2007).
- ⁴² *Летвин О.* Немного влюблен... // Воспоминания о Мэгги. С. 124.
- ⁴³ *Ландрам Д.* Указ. соч. С. 111.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Гамильтон А.* Указ. соч. С. 33.
- ⁴⁶ *Уайтлоу У.* Преданность лидеру // Воспоминания о Мэгги. С. 43.
- ⁴⁷ *Ландрам Д.* Указ. соч. С. 110.
- ⁴⁸ *Thatcher M.* The Downing-Street Years. P. 80.

- ⁴⁹ *Ландрам Д.* Указ. соч. С. 111.
- ⁵⁰ *Леннокс-Бойд М.* Стряпанье для Дэниса // Воспоминания о Мэгги. С. 201.
- ⁵¹ *Шерман А.* Указ. соч. С. 50.
- ⁵² *Пирс Э.* Не афишируемая доброта и вспышки на людях // Воспоминания о Мэгги. С. 193.
- ⁵³ *Бейкер К.* Содержимое дамской сумочки // Там же. С. 185.
- ⁵⁴ В Лондоне открыли бронзовый памятник «железной леди» Маргарет Тэтчер. 22.02.2007. <http://www.reuatars.ru/1275> (дата посещения 25.08.2007).
- ⁵⁵ Тэтчер узнала себя в бронзе. 22.02.2007. <http://news.ntv.ru/104050> (дата посещения 25.08.2007).
- ⁵⁶ Там же.

В. В. Возилов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИСТОРИКО-ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В отечественной исторической науке сделано многое для изучения интеллигенции: накоплен большой источниковедческий материал, проведен первичный анализ фактов, сделаны попытки периодизации истории интеллигенции, освещены основные историографические концепции. В исторических исследованиях все чаще наблюдается стремление к обобщающим выводам для более детального понимания закономерностей развития интеллигенции. Возникают новые историографические концепции, основанные на междисциплинарном подходе, комплексном изучении различных исторических феноменов.

Стремление именно историков использовать комплексный, междисциплинарный подход объясняется тем, что историческая наука в силу своей общегуманитарной направленности способна охватывать различные научные подходы. Как общественная наука, история может применять философские методы, методы социологии и политологии и т. п. Развитие основных сфер общества так или иначе оказывается в поле зрения исторической науки, а следовательно, методы этих наук все чаще становятся механизмами изучения исторического прошлого в его динамике.

Как известно, наука в целом представляет собой систему научных теорий¹. Теории специальных общественных наук предстают

© Возилов В. В., 2008

Возилов Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, депутат Думы Городского округа Шуя Ивановской области. vozilov@list.ru

в философском анализе как своего рода факты, т. е. элементарные истины, в которых достигается отражение некоторого объективного события с помощью концептуальной схемы². Между тем проблемы методологии науки до настоящего времени остаются одними из самых дискуссионных в философских исследованиях³.

Методология есть совокупность теоретических и практических подходов, открывающих истинные пути исследования объекта. Б. Кроче полагал, что философия может быть ничем иным, как методологическим моментом историографии, разъяснением основных категорий исторического суждения или основных понятий исторического толкования⁴. Выделяются обычно общенаучные и специально-научные способы познания, которые в совокупности позволяют наиболее полно и объективно изучать тот или иной предмет. Заметным элементом методологии интеллигентоведческих работ последнего времени является органическая связь методов разных уровней общности, которая служит залогом органического единства различных направлений исследования.

Главным механизмом получения нового знания являются общие методы познания. Существуют общенаучные методы; общеполитические принципы, лежащие в основе философско-исторических методов; специально-научные методы. Наиболее важными общеметодологическими принципами исследования интеллигенции выступают принципы диалектической логики. Выделяются три типа правил, законов, принципов, формулируемых диалектической логикой: 1) положения методологического характера, которые в процессе познания имеют большое эвристическое значение, служат основой научных предвидений; 2) общеметодологические положения, являющиеся обобщением самой истории познания, опыта познавательной деятельности; 3) правила, относящиеся к средствам и приемам отображения субъектом объекта, т. е. к абстрагированию, моделированию, анализу и синтезу, обобщению, идеализации и т. п.⁵

Исследование интеллигенции требует использования принципов объективности и истинности, анализа гипотез и теорий «с точки зрения смысла, правомерности, плодотворности, эвристичности, непротиворечивости, в основе которых лежит общественный опыт людей (в том числе практический), аккумулированный в истории познания, во всех его выдающихся достижениях»⁶.

Всякое научное познание охватывает изучение сущности предмета исследования, истории предмета, истории изучения предмета. Наиболее ярко это прослеживается в исторических науках. Историческая реальность охватывает всю совокупность общественных явлений и процессов в их становлении и развитии.

Как и всякое иное познание, историософия интеллигенции требует применения механизмов абстракции, идеализации, упрощения и т. п., что в некоторой степени расходится с результатами непосредственного опыта. Противоречие между теоретическим и эмпирическим не исключает возможности взаимодействия двух этих элементов познания, которые взаимно дополняют друг друга. Следует также отметить, что неизбежное развитие научного познания требует постоянной эволюции представлений о том или ином объекте исследования. На примере интеллигенции прекрасно видно, как активно изменялось не только представление о предмете изучения, но и во многом менялся сам этот предмет.

Многообразие суждений об интеллигенции можно объяснить наличием диалектических противоречий в области познания. Из диалектических противоречий в познании отмечаются противоречия между принципами, постулатами, положениями научных теорий и опытом, приобретаемым в результате дальнейшего анализа изучаемых объектов⁷. Расширение сферы исследований интеллигенции привело к значительному изменению понимания данного исторического феномена. Можно с уверенностью говорить, что это только начало глубокого исторического постижения сущности интеллигенции. Несомненно, что теоретические исследования интеллигенции идут, как правило, впереди прикладных наук. Так, с конца 1980-х годов отечественные авторы начали преодолевать субъективистские воззрения на характер интеллигентской деятельности. Но в конкретно-исторических исследованиях до настоящего времени используются устаревшие представления о лицах интеллигентных профессий. Наряду с этим серьезные противоречия во взглядах на интеллигенцию объясняются актуальностью мировоззренческих споров о предназначении интеллигенции в обществе, имеющих истоки в дискуссиях конца XIX — начала XX века.

В связи с усложнением и развитием интеллигенции как объекта исторического исследования необходимо использовать

процессы интеграции различных научных направлений, находящие выражение в развитии комплексных и междисциплинарных подходов. Это обусловлено системным характером научного знания, спецификой организационной структуры общественных наук, общностью основных теоретических подходов. Наибольшее распространение в современной науке получили комплексный, междисциплинарный, межпредметный, интегративный, синтетический, аналитический подходы. Комплексный подход в общественных науках обусловлен общностью предмета исследования в них. И хотя всякая общественная наука обладает специфическими особенностями познания тех или иных элементов общественной жизни, в совокупности они позволяют создавать целостное знание об обществе и его развитии.

Отдельные вопросы легче решать в рамках междисциплинарного подхода, позволяющего использовать достижения различных общественных дисциплин. В рамках интеллигентоведения в разное время предлагались различные смешанные подходы: историко-социологический, литературно-социологический, философско-политологический и т. п.⁸ В исторических исследованиях XX века активно применялись методы психоанализа, феноменологии (в том числе феноменологической социологии), экзистенциализма, аналитической философии (логического атомизма, логического позитивизма), герменевтики, структурализма (и постструктурализма), синергетики, гендерных исследований.

Однако применение некоторых подходов в исторических исследованиях, например универсумно-ноосферной методологии или постмодернистских теорий, вызывает серьезные возражения у отдельных исследователей. Ноосферный подход встречает и критические замечания, в частности со стороны Л. Н. Гумилева, противника идеи ноосферы. Другие авторы указывают, что важно осознать опасность призывов к борьбе за ноосферу, т. к. единое благополучное общество — скорее всего утопия⁹. Между тем, универсумно-ноосферный подход уже стал частью интеллигентоведческих исследований, а выражения «интеллигенция – аттрактор ноосферы», «интеллигенция как разум ноосферы», «*homo intelligentis* как ноосферный человек» вошли в обиход научных исследований¹⁰.

Нельзя сбрасывать со счетов достижения отдельных философских направлений XIX—XX веков, особенно марксизма и по-

зитивизма, каждое из которых оказало влияние на формирование современного системного анализа. Такое значительное направление философской мысли, как позитивизм, включало в себя разные школы: от приверженцев крайнего субъективизма до материалистов, ставящих своей задачей объяснение мира как объективной реальности и стремящихся к установлению законов его развития. В этом отношении позитивизм означал несомненный шаг вперед в развитии философии и послужил основой поступательного движения как естественных, так и общественных наук, обращая внимание исследователей на поиск реальных причин общественных процессов и явлений, управляющих ими законов, а также на анализ самого процесса познания фактов действительности.

Марксистское научное миропонимание строится на представлении о материальном единстве мира и всеобщем принципе развития. Важнейшим элементом диалектического подхода является проблема изменения социальной действительности. Этот исходный принцип может быть использован и для познания интеллигенции. Социальная форма движения материи, атрибутом которой является сознание, приводит к возникновению сложной системы социальных взаимосвязей, в которые входит интеллигенция. Радикальное отрицание социально-экономических факторов в понимании интеллигенции недопустимо. Лишь определив место интеллигенции в общественной системе, можно пытаться применять к ней подходы различных частнонаучных методологий.

Отдельные универсальные элементы специально-научных методов подчеркивают взаимосвязь общенаучной методологии и частнонаучных исследований. Историки применяют как общетеоретические методы, так и прикладные методы исторической науки. В основании исторических исследований лежит методология философии истории, выступающая теорией общеисторического процесса, всемирной истории, которая в свою очередь составляет основу конкретно-исторических исследований. Поэтому большого внимания заслуживают работы по философии истории таких мыслителей, как Г. Зиммель, Г. Риккерт, О. Шпенглер, Э. Трельч, Н. Гартман, А. Тойнби, Л. П. Карсавин, К. Ясперс и других, а также теоретические положения отдельных философско-исторических школ (например, позитивистского феноменализма или школы «Анналов»).

Одной из методологических проблем является противопоставление теоретического и исторического, поскольку историческое изменчиво и преходяще, а теоретическое охватывает общее, неизменное. В отечественном общественном знании предложен путь снятия данного противоречия путем осмысления истории с точки зрения философии истории, а также интерпретации исторически конкретного в качестве компонента эмпирического слоя специальных общественных наук¹¹. В связи с этим необходимо отметить, что интеллигенция является предметом теоретического анализа, но ее исследование с необходимостью требует использования конкретно-исторического подхода.

Важный элемент исторического познания — формирование научно-эмпирического знания путем обработки имеющимися теориями обыденно-эмпирического и посредством нахождения эмпирического как итога теоретической работы¹². Особенно заметно это проявляется в интеллигентоведении, где большое количество эмпирического материала не всегда в должной мере получает теоретическую оценку. Конкретно-исторический подход состоит в том, что конкретность, признающая развитие как общее условие существования мира, есть необходимое свойство научности. Конкретность исторического познания заключается не просто в достоверном воспроизведении эмпирически наблюдаемых фактов, но и в выработке объясняющей их исторической теории¹³.

Задачей научно-исторического познания является такой анализ настоящего, который, обнаруживая в нем объективный результат предшествующего развития, способен раскрыть его как необходимую и закономерную предпосылку будущего развития¹⁴. Этот важный элемент футурологического предвидения необходим для того, чтобы вырабатывать рекомендации по практическому применению достигнутых результатов исследования. История, определяемая иногда как политическая наука, предполагает непосредственное участие историка в общественном процессе, умение связывать процессы прошлого, настоящего и будущего.

Методологическими принципами интеллигентоведения являются идеи классической диалектики, лежащие в основе современного системного анализа. Системно-исторический подход позволяет видеть объект исследования в его целостности, т. е. как определенную систему, состоящую из элементов, обладающих

сущностными чертами, связей, объединяющих элементы в единое целое, структуры и функций. Это является основой для использования главных принципов научно-исторического исследования — историзма (изучения предметов и явлений в конкретно-исторических условиях их становления и развития) и объективности (полноты, всесторонности изучения предмета). «Реализация принципа историзма в социальном исследовании прежде всего и по преимуществу подразумевает, что главное внимание должно быть сосредоточено на рассмотрении явлений в развитии, т. е. с точки зрения последовательно разворачивающихся во времени преобразований их состояний»¹⁵. Исходя из принципа историзма, интеллигенция рассматривается как совокупность людей, существующая во все времена и у всех народов.

Объективность исторического познания заключается в способности воспроизводить развитие в его действительном виде, т. е. представлять развитие как естественноисторический процесс¹⁶. Принцип целостности в исторических исследованиях предполагает анализ интеллигенции как самостоятельного элемента, выполняющего определенные функции в организации деятельности хозяйственной, политической и духовно-идеологической подсистем общественного организма. Интеллигенция, представляющая собой особую социальную группу, рассматривается как относительно самостоятельная система, элементы которой формируются в процессе общественного разделения труда, в ходе появления новых видов умственной деятельности и социальной дифференциации.

Проблема объективности исторического познания связана с субъективностью таких элементов исторической эпистемологии, как источниковедение (субъективен либо сам источник, созданный под влиянием различных факторов, либо его оценка исследователем) и историография (поскольку историографические концепции выстраиваются либо на основании идеологических принципов, либо субъективных воззрениях автора, формализованных его жизненным опытом). Таким образом, объективность исторического познания заключается в его способности воспроизводить развитие в его действительном виде. Для этого можно использовать аналитический подход, т. е. критическое отношение исследователя к познаваемой действительности¹⁷.

Одним из элементов исторической гносеологии являются так называемые интерпретационные методы исторических исследований, предполагающие субъект-объектную корреляцию в гуманитарном знании¹⁸. Для преодоления недостатков подобных подходов исследователи предлагают использовать формальные и количественные методы, включающие в себя статистические приемы, структурное моделирование, методы представления знания с помощью современных интеллектуальных систем, когнитивной психологии и т. п. Подобные методики уже используются для изучения интеллигенции, а информационные исследования становятся частью методологического аппарата интеллигентоведения¹⁹. Однако это частнонаучный подход, с помощью которого нельзя построить целостной картины и получить объективные результаты, если исследователь пренебрегает общеметодологическими принципами научного познания, а также иными методами исторической гносеологии.

Развитие науки предполагает расширение сферы научного познания, появление и замену отдельных компонентов научных теорий, открытие новых принципов и положений, введение новых понятий, преодоление противоречий в познании²⁰. Одним из направлений изучения интеллигенции в последние годы стало так называемое «интеллигентоведение»²¹. Появление этого термина вызвало ряд вопросов, ставящих под сомнение его обоснованность. Как следует понимать место интеллигентоведения среди других наук? Является ли оно вспомогательной исторической наукой, или представляет междисциплинарную отрасль, или выступает отдельной научной дисциплиной?

С теоретической точки зрения интеллигентоведение представляет собой научное направление, совокупность различных подходов к исследованию интеллигенции. Его составляют философские проблемы исследования интеллигенции, проблема «интеллигенция и общество», генезис и эволюция интеллигенции, вопрос об интеллигенции как субъекте социального управления и др. Особенность интеллигентоведения как самостоятельного научного направления состоит в том, что оно имеет собственный предмет исследования — интеллигенцию, который изучается представителями ряда общественных дисциплин.

Примечания

- ¹ Горский Д. П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966. С. 4.
- ² Исторический материализм как методология познания и преобразования общественной жизни. М., 1987. С. 77.
- ³ См.: Философия и методология науки. М., 1996.
- ⁴ Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С. 91.
- ⁵ Горский Д. П. Указ. соч. С. 6, 21–22, 33, 41, 52.
- ⁶ Там же. С. 364.
- ⁷ Там же. С. 129–130.
- ⁸ Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. М., 1925; Меметов В. С. О новых направлениях и тенденциях анализа жизнедеятельности интеллигенции в коллективе Ивановского межвузовского центра РФ // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации: Материалы XIV междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 2003. С. 3.
- ⁹ Петров К. М. Экология человека и культура. СПб., 1999. С. 320, 322.
- ¹⁰ Смирнов Г. С. Интеллигенция как ноосферный аттрактор будущего // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации; Возилов В. В., Назаров Ю. Н. Интеллигенция как разум ноосферы // Ноосферное образование в России: Материалы межгос. науч.-практ. конф. Ч. 1. Иваново, 2001.
- ¹¹ Исторический материализм как методология познания и преобразования общественной жизни. С. 85.
- ¹² Там же. С. 86.
- ¹³ Там же. С. 179—181.
- ¹⁴ Там же. С. 190.
- ¹⁵ Там же. С. 195.
- ¹⁶ Там же. С. 183.
- ¹⁷ Там же. С. 183, 184.
- ¹⁸ Хвостова К. В., Финн В. К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995. С. 38.
- ¹⁹ Сибиряков И. В. Российская провинциальная интеллигенция и информационные реалии XXI века // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации; Квакин А. В. Установление советской власти в России и политические позиции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2001. № 1.
- ²⁰ Горский Д. П. Указ. соч. С. 291—293.
- ²¹ Севастьянов А. Н. Кризис интеллигентоведения, или Социология и историография // Севастьянов А. Н. Национал-капитализм. М., 1995. С. 120—134; Меметов В. С. К первым итогам становления «интеллигентоведения» как самостоятельной отрасли научного знания // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1996.

В. В. Гейль

**ЭВАКУИРОВАННАЯ ТВОРЧЕСКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
(1941—1945 гг.)**

В 2005 году наша страна широко отмечала шестидесятилетнюю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. Российское общество как-то особенно остро осознало значимость этого исторического события. С тех пор ежегодно празднование дня Победы укрепляется в постсоветском обществе как общенациональный праздник. Интерес к событиям военного времени не только не угас, но и с годами все увеличивается. В обществе по-прежнему актуален поиск исторической правды о событиях Великой Отечественной войны. В современных исследованиях вновь, как и в советской историографии, наблюдается внимание к данной проблематике на местном, региональном уровне¹.

Интерес со стороны ученых, писателей к изучению, систематизации событий Великой Отечественной войны появился уже в ее конце и существует до сих пор. Условно можно выделить два этапа в изучении событий Великой Отечественной войны.

Первый период — с 1941 по рубеж 1980—90-х годов. В рамках данного этапа идет первоначальное накопление материала,

© Гейль В. В., 2008

Гейль Вера Васильевна – аспирантка кафедры отечественной истории Челябинского государственного педагогического университета, начальник музейного отдела Центра историко-культурного наследия города Челябинска. verchik83@mail.ru

происходит анализ имеющихся данных в соответствии с советской идеологией. Данный период характеризуется закрытостью для ученых многих фондов по истории и культуре Великой Отечественной войны. Кроме того, исследования этого времени — это, как правило, работы, посвященные культуре всего Советского Союза². Региональный компонент либо не изучается, либо изучение происходит поверхностно, на историю отдельного региона накладывается общепринятое клеше развития всей страны, не учитывается специфика регионального развития.

Второй период — рубеж 1980—90-х годов по настоящее время. Изучение проблем культурного развития страны характеризуется открытием большинства архивных документов для ученых, что позволило по-новому рассмотреть многие вопросы войны, переосмыслить предшествующий опыт. Именно в это время начинается активное изучение региональной истории и культуры. Появляются исследования как обобщенного характера, так и по отдельным направлениям. Это работы В. Вольфовича³, А. В. Сперанского⁴, О. А. Кудзоева и А. С. Ваганова⁵, Б. П. Хавторина⁶ и других авторов. Большинство исследований посвящено развитию того или иного вида искусства. В 1995 году вышла книга А. В. Федоровой «Оренбург в годы Великой Отечественной войны», касающаяся развития промышленности, работы медицинских учреждений. Частично в ней были затронуты вопросы культуры и проблемы эвакуации в тыл учреждений искусства⁷. Обобщающая работа А. В. Сперанского «В горниле испытаний»⁸ стала единственной по истории культуры Урала во время войны. В этих исследованиях рассматривались отдельные виды искусства со времени их появления на Южном Урале, тема войны затрагивалась мало. Однако в данных работах либо не оценивается, либо говорится вскользь о вкладе творческой интеллигенции в эвакуации на Урале. Изучение данного вопроса необходимо для понимания развития культурных процессов в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале.

В связи с оккупацией западных территорий СССР и быстрым продвижением немецко-фашистских войск по территории страны летом 1941 года начинается процесс эвакуации населения, промышленных предприятий, а также учреждений искусства и культуры. Для организации, упорядочивания процесса эва-

куации, координации размещения предприятий и населения СССР правительством был создан Совет по эвакуации, а при нем — управления по эвакуации населения и учреждений⁹. Одним из центров эвакуации становится Южный Урал. Согласно Постановлению Совета по эвакуации № 187 от 14 ноября 1941 г. Оренбургская, Челябинская области и Башкирия были отнесены к первой категории регионов, в которые производится эвакуация населения и учреждений¹⁰. Подобное решение было связано с их относительной удаленностью от театра военных действий, и здесь еще до начала войны начинается формирование базы для размещения в эвакуации предприятий, населения, учреждений культуры и искусства.

Общая численность эвакуированной творческой интеллигенции в годы войны на Южном Урале составляла более 1732 человек (см. табл.)¹¹.

Категория \ Год	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Художники	19	69	77	21	14	200
Скульпторы	5	15	12	12	4	48
Писатели	12	25	15	7	1	60
Композиторы	5	12	5	2	—	34
Музыканты (в т. ч. преподаватели)	1	31	6	1	—	39
Артисты театра ¹²	441	522	251	137	—	1351
Всего						1732

Несмотря на сложности, связанные с размещением, обеспечением питанием и работой, представители эвакуированной творческой интеллигенции продолжали трудиться. Их деятельность в годы войны можно разделить на несколько направлений. Это создание литературных, художественных, музыкальных произведений, постановка спектаклей; педагогическая деятельность; методическая помощь именитых мастеров местным представителям культуры в организации и проведении выставок. Специфическим видом работы, свойственным только военному времени, стали шефские концерты в воинских частях, госпиталях.

Создание литературных, художественных, музыкальных произведений, постановка спектаклей. В годы войны главной задачей художественных произведений было стремление запечатлеть новых героев и современные значимые события. Тематика отличается от предвоенной, героями становятся современники — рабочие, солдаты, генералы. В центре внимания — только что произошедшие события.

За один год войны литературные работники Оренбургской области (местные и эвакуированные) написали 20 рассказов, 200 стихов, 15 одноактных пьес. Было проведено 15 литературно-творческих собраний, на которых они обсуждали рассказы, стихи, пьесы, программы для агитбригад. Писателями было дано свыше 20 выступлений на радио, проведено 2 литературных утра, 3 больших литературных вечера¹³. В местной газете «Чкаловская коммуна» регулярно выходили повести, рассказы, стихи эвакуированных писателей и поэтов¹⁴.

В годы войны на Южном Урале работали 18 профессиональных скульпторов, из них 14 были представителями эвакуированной интеллигенции (И. Н. Клигер, В. М. Адамчевская, Г. С. Кранц, Я. К. Роос, А. М. Адалчевская и др.). За годы войны скульпторами было создано более сорока работ¹⁵. Основной жанр скульптуры в годы войны — портретный. Мастера стремились запечатлеть героев Великой Отечественной войны. (Г. С. Кранц «Боец Красной армии», А. М. Адалчевская «Девушка партизанка», Г. А. Петин «Портрет партизана»)¹⁶.

Плодотворно работали эвакуированные художники. В 1942 году состав членов и кандидатов Челябинского отделения Союза художников СССР увеличился с 17 до 51 человека. Количество эвакуированных художников и скульпторов составило значительную часть в Челябинском отделении Союза — 21 человек¹⁷. В Союз художников Чкаловской области было принято в 1942 году трое эвакуированных художников¹⁸. В Курганской области жил и работал только один эвакуированный художник — В. Ф. Илюшин. В Башкирии в 1942 году работало 33 эвакуированных мастера.

В 1942 году в Челябинской области была организована творческая агитбригада «Удар», в состав которой наряду с местными мастерами М. И. Ткачевым, В. Н. Челинцевой вошли эвакуированные художники В. А. Шестаков, С. И. Фикс, А. С. Пруц-

кий. За годы войны Челябинским издательством было выпущено 24 плаката общим тиражом около 150 000 экземпляров. Ближе к творчеству стояли сатирические «Окна ТАСС». Художники Челябинска за годы войны создали более 100 серий агитокон. По инициативе челябинского живописца И. Л. Вандышева начинает выходить сатирическое издание «Боевой карандаш». В его подготовке принимали участие Сабуров, Мочалов, Ткачев, Фехнер, Талалай, Челинцева, Шестаков, Перельман. Двое последних были представителями эвакуированной интеллигенции.

В Оренбургской области местными художниками Н. Ф. Кудашевым, М. М. Янковским, Барановым также был налажен систематический выпуск «Окон ТАСС»¹⁹. В живописи на первый план выходят жанры бытовой, портрет, исторический.

Ярким примером в области бытового жанра была работа эвакуированного в Челябинск художника Л. А. Малышева. Свое творчество он полностью подчинил изображению героических будней Танкограда («Осмотр танков», «Конвейер «Т-34», «Сборка танков» и др.) и всего за годы войны написал более 70 произведений. Итогом его работы в военное время в Челябинске стали две персональные выставки, прошедшие в 1945 и 1946 годах²⁰. Бытовой жанр также представлен полотнами Э. Я. Халлопа, М. Н. Алексича, А. А. Пржецлавского и др.

В жанре портрета работали большинство художников (Н. В. Овчинников, А. С. Пруцкий, Н. В. Смоляк и др.). Ярким примером может служить творчество эвакуированного художника А. С. Пруцкого. Главными героями его портретов были герои Революции 1917 года и Гражданской войны. В Челябинске он продолжает развитие данной тематики. Новыми персонажами его картин становятся местные революционеры — С. М. Цвиллинг, С. Я. Елькин, Е. Л. Васенко, Д. В. Колющенко, С. А. Кривая.

В области пейзажа также происходят изменения, обусловленные эвакуацией. Теперь главным героем здесь является природа Урала, окрестности городов, в которых жили эвакуированные художники (М. М. Ио «Уральские мотивы», «Улочка с бором», «Окрестности Челябинска», С. Г. Невельштейн «На окраине Кыштыма», «Общий вид Кыштыма»).

Театральные коллективы, эвакуированные в регион, не только возобновили свой репертуар в полном объеме, но и регулярно

показывали новые постановки. За 11 месяцев пребывания в Челябинске Московским академическим Малым театром было поставлено пять спектаклей. Ленинградский академический Малый оперный театр в эвакуации в Оренбурге осуществил постановку опер «Пиковая дама», «Князь Игорь», балетов «Сказка о попе и работнике его Балде», «Тщетная предосторожность».

Педагогическая деятельность эвакуированной интеллигенции. Представители творческой интеллигенции работали в музыкальных школах, школах искусств, проводили учебные курсы для представителей местного населения. При Ленинградском Малом оперном театре в Оренбурге в октябре 1943 года открылась оперная студия, художественным руководителем которой был Б. Э. Хайкин²¹.

В 1944 году в Магнитогорском драматическом театре по инициативе режиссера Московского Малого театра Прозоровского (и под его руководством) была организована студия по повышению квалификации молодых актеров, которыми были поставлены спектакли «Жорж Дантен» и «Хрустальный башмачок»²². В студии обучались 25 человек, зачисленные во вспомогательный состав театра²³. Кроме студии при театре появляются курсы по повышению квалификации кружков самодеятельного искусства. Для повышения уровня самодеятельности 12 человек из театральной труппы работали в молодежных общежитиях²⁴.

Приезжие художники читали лекции по истории искусства, изобразительному искусству. Занятия проводились для самоучек и студентов высших учебных заведений. Главная их цель — повышение профессионального уровня художников. Так, в 1944—1945 годах в Челябинской области методические занятия для начинающих художников проводили эвакуированные мастера А. С. Пруцкий и И. Н. Клигер²⁵. А эвакуированным художником И. Г. Сегалем в течение последнего военного года были прочитаны лекции по изобразительному искусству для самодеятельных художников.

Благодаря эвакуации на Южный Урал преподавателей музыки в 1942 году вновь начали работать музыкальные училища и школы. Так, в Челябинской области в Магнитогорском музыкальном училище работало семь представителей эвакуированных музыкальных работников. Приехали они преимущественно из Москвы,

Ленинграда, Риги²⁶. В челябинских музыкальных учебных учреждениях в 1943 году работало пять эвакуированных мастеров из Москвы и Киева²⁷. Подобная ситуация была и в Оренбургской области. Практически все работники Музыкального училища и школы были представителями эвакуированных²⁸.

Плодотворно на педагогическом поприще трудился композитор М. Черняк, приехавший в Челябинск. В октябре 1941 года им был создан вокальный ансамбль старшекласников, а также организован ансамбль «Боевые сестры». Оба коллектива выступали перед бойцами, уходящими на фронт, в госпиталях для раненых.

Сотрудничество эвакуированной интеллигенции с региональными деятелями культуры. В годы войны в Челябинской области было проведено 9 (по другим данным — 15) выставок²⁹. Искусствовед Ц. Г. Нессельштраус, эвакуированная из Ленинграда, в 1942 году сформировала передвижную выставку, посвященную 24-летней годовщине РККА. Художник В. Н. Перельман оказывал помощь в организации в Челябинске в 1942 году выставки «Великая Отечественная война». Эвакуированные художники В. А. Шестаков и В. Н. Перельман выступали с обзором проходивших выставок³⁰.

Артисты Орловского областного драматического театра возглавили местную самодеятельность в Златоусте: в Головном госпитале, в военно-инженерной школе, цехе № 6 завода № 66, в Пожарной охране, госпитале, расположенном в здании школы № 14³¹.

Специфическим видом работы, свойственным только военному времени, стало проведение шефских концертов в воинских частях, госпиталях. Данный вид деятельности больше затронул театральные коллективы, музыкантов, меньше литераторов и художников. В регионе специально формировались бригады для отправки на фронт.

В августе 1941 года в Оренбургскую область в эвакуацию был направлен Украинский государственный театр им. М. С. Щепкина³². Театр разместился в г. Бугуруслане. В ноябре 1942 года им было дано 15 выступлений в рамках проведения военно-шефской работы. Также артисты театра дали 5 консультаций по отбору материалов для самодеятельных коллективов и артистов³³. В ноябре

1941 года в Оренбургскую область был направлен для работы Рязанский областной драматический театр³⁴. За годы эвакуации им было дано 414 шефских концерта, показано 74 спектакля, отправлено для обслуживания действующих частей Красной армии две бригады. Кроме того, театральный коллектив в фонд обороны страны внес 76 тыс. рублей.

Для обслуживания частей армии на фронте в конце 1941 — начале 1942 года в Оренбурге был создан театр малых форм «Ястребок» под руководством эвакуированного композитора В. П. Соловьева-Седого³⁵. На фронте театр пробыл 45 дней.

В Челябинской области первенство в проведении шефских концертов принадлежало Орловскому областному драматическому театру. С 1 ноября 1941 года по апрель 1942 года им было дано 223 спектакля и концерта для частей Красной армии и в госпиталях³⁶. В 1943 году за военно-шефскую работу театр получил переходящее Красное знамя отдела искусств и обкома Рабис³⁷. Кроме того, театр был награжден переходящим Знаменем Челябинского Обкома ВКП (б) и облисполкома³⁸.

С 1943 года в связи с победами на фронтах и освобождением оккупированных советских территорий начинается процесс реэвакуации творческой интеллигенции, который закончился уже в послевоенный период.

В первые послевоенные годы, с одной стороны, наблюдался спад в количественных показателях созданных художественных, литературных и музыкальных произведений, проведенных концертов, поставленных спектаклей. Это было связано с отъездом эвакуированных мастеров.

С другой стороны, творчество именитых художников, музыкантов, писателей и поэтов, театральных коллективов повысило требовательность со стороны зрителей к произведениям искусства, мастерству актеров, выбору тематики. Работа театральных студий, в которых обучались студенты из числа местного населения, консультации профессиональных скульпторов, художников, писателей и поэтов повысили уровень образованности у местных представителей творческой интеллигенции. Тем самым деятельность эвакуированных мастеров наложила отпечаток и на развитие местной культуры в послевоенный период, повысив ее уровень.

Примечания

- ¹ Война. Культура. Победа: Материалы Уральского научного форума. В 2 ч. Ч. 1: Роль Урала как арсенала Победы. Культура и искусство Урала в годы Великой Отечественной войны / Под ред. *В. Я. Рушанина и др.* Челябинск, 2005; Тыл – фронту: Материалы международного науч. конф., посвященной 60-летию Великой Победы, 20—21 апреля 2005 г. Челябинск, 2005.
- ² *Суздалев П. К.* Советское искусство периода Великой Отечественной войны. М., 1962.
- ³ *Вольфович В.* Челябинск музыкальный. Челябинск, 1989.
- ⁴ *Сперанский А. В.* Театральные учреждения Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в период Великой Отечественной войны. Свердловск, 1986; *Сперанский А. В.* Художественно-образный потенциал уральского периода Великой Отечественной войны как парадокс тоталитарной культуры // Великая Отечественная война: уроки, проблемы: Науч.-практ. конф., посвященная 50-летию Победы. Пермь, 1995.
- ⁵ *Кудзоев О. А., Ваганов А. С.* Скульптурная летопись края. Челябинск, 1989.
- ⁶ *Хатторин Б. П.* Музыкальная культура Оренбурга XX столетия. Оренбург, 1999.
- ⁷ *Федорова А. В.* Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995.
- ⁸ *Сперанский А. В.* В горниле испытаний: Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Екатеринбург, 1996.
- ⁹ Центр новейшей документации Оренбургской области (далее — ЦНДОО). Ф. 371. Оп. 5. Д. 75. Л. 3.
- ¹⁰ Там же. Л. 6, 10.
- ¹¹ Подсчеты автора по архивным материалам Российского государственного архива литературы и искусства (далее — РГАЛИ), Объединенного государственного архива Челябинской области (далее — ОГАЧО), Государственного архива Оренбургской области (далее — ГАОО).
- ¹² Данных о численности Рязанского, Воронежского драматических театров и Львовского театра миниатюр, а также театров, эвакуированных в Башкирию, не найдено.
- ¹³ *Клементьев Н.* Чкаловские писатели в дни войны // Чкаловская коммуна. 1942. 20 июля.
- ¹⁴ См., напр.: *Гольдес О. М.* Дочь полковника // Там же. 1943. 28 июля; *Он же.* Полковник Родимцев // Там же. 1942. 29 янв.
- ¹⁵ Подсчеты автора.

- ¹⁶ Челябинская организация Союза художников России: Справ. 1936—1991 / Авт.-сост. *О. А. Кудзоев*. Челябинск, 1996. С. 302. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 250. Л. 9.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.
- ¹⁸ ГАОО. Ф. Р.-1581. Оп. 2. Д. 45. Л. 126.
- ¹⁹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 250. Л. 40—45.
- ²⁰ *Мальшев Л. А.* Четыре года творческой работы на Кировском заводе. Выставка художественных произведений: Каталог выставки. Челябинск, 1945.
- ²¹ *Френкель Д.* Два года // Чкаловская коммуна. 1943. 21 авг.
- ²² ОГАЧО. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 220. Л. 27.
- ²³ Там же. Д. 247. Л. 39.
- ²⁴ *Прозоровский Л. М.* В сталинской Магнитке // Малый театр на фронтах Великой Отечественной войны. М.; Л., 1949. С. 136.
- ²⁵ ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 6. Л. 166 об.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 240. Л. 22—22 об.
- ²⁷ Там же. Д. 244. Л. 41.
- ²⁸ ГАОО. Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 35. Л. 3—3 об.
- ²⁹ *Байнов Л. П.* Художники Челябинска. Челябинск, 1979. С. 59; Челябинская организация Союза художников России: Справ. С. 12.
- ³⁰ ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 4. Л. 281.
- ³¹ ГАОО. Ф. Р-1469. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.
- ³² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 908. Л. 4.
- ³³ ГАОО. Ф. Р-1469. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.
- ³⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 7. Д. 1024. Л. 58.
- ³⁵ ГАОО. Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 50. Л. 74.
- ³⁶ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 250. Л. 37.
- ³⁷ Там же. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 220. Л. 13.
- ³⁸ *Афонин Л. Н., Горин Х. О.* 150 лет Орловского областного драматического театра им. И. С. Тургенева. Орел, 1965. С. 8.

ББК 63.3(2)6+63.3(2)6-28

Квакин А. В. Русская интеллигенция и советская повседневность пореволюционной России (1917—1927 гг.)

Ключевые понятия: повседневная жизнь, механистическая модернизация, традиционные ценности российской цивилизации, идеология, уровень жизни.

Предпринята попытка анализа повседневной жизни населения советской России в первое послереволюционное десятилетие, рассматриваются вопросы государственной политики в сфере быта, новые формы организации труда.

ББК 63.3(2)612+63.3(2)6-28

Кобелева Е. А. Интеллигенция Пермской губернии и органы ЧК: взаимоотношения и противоречия (1918—1922 гг.)

Ключевые понятия: интеллигенция, советские репрессивные органы, красный террор, антисоветская деятельность, политические репрессии.

Рассматривается политика чрезвычайной комиссии по отношению к различным отрядам интеллигенции Пермской губернии в первые послереволюционные годы, анализируются ее формы и методы, прослеживаются изменения этой политики и вскрываются их причины.

ББК 63.3(2)6+74.03(2)

Шувалова Ю. Б. Формирование идеологической функции в деятельности образовательных учреждений Среднего Урала в 1920—1921 гг.: К вопросу о взаимоотношении РКП (б) и учительства.

Ключевые понятия: школьное и внешкольное образование, учительство, секуляризация образовательных учреждений, трудовое воспитание, идеологическая функция образования.

Анализируются формы и способы организации школьного и внешкольного образования на Среднем Урале в первые пореволюционные годы, рассматривается кадровая политика коммунистической партии в учительской среде, прослеживается формирование идеологической функции советского школьного образования.

ББК 63.3(2)6-28

Смирнов Г. С. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии XXI века

Ключевые понятия: ноосферное человеческое качество, личностная ноосферная динамика, ноосферная экология, молодая российская интеллигенция.

Анализируются особенности формирования на базе исторической преемственности русской и советской интеллигенции новой духовной формации современной России – молодой российской интеллигенции. Показано, что для складывания такого уникального феномена необходимы усилия по созданию естественной (природной) и искусственной (культурной) среды обитания, а также формирование модели ноосферного образования, отвечающего вековым традициям развития России.

ББК 63.3(2)6-28+86.372.24

Усманов С. М. Интеллигенция, православная традиция и проблемы общероссийской интеграции в начале XXI века

Ключевые понятия: православная традиция, государственная власть, Русская Православная Церковь, духовное просвещение, участие российской интеллигенции.

Автор обращает внимание на новые, малоизученные проблемы участия интеллигенции в общественной жизни России начала XXI в. Особый интерес исследователя привлекает социально-политическая деятельность Русской Православной Церкви, ее сложные взаимоотношения с государственной властью и обществом. Существенное внимание уделяется усилиям, возможностям и перспективам участия российской интеллигенции в современных социальных трансформациях.

ББК 63.3(4)

Буданова И. А. Маргарет Тэтчер: Профессионал... Политик... Женщина...

Ключевые понятия: политик, профессионал, интеллектуал, интеллигенция, Великобритания.

Опираясь на материалы зарубежной прессы, мемуары героини страны, воспоминания ее коллег и современников, автор анализирует существенные черты незаурядной личности — выдающегося представителя политической элиты XX века.

ББК 63.3(2)6-28+60.543

Возилев В. В. Методологические принципы историко-интеллигентоведческих исследований

Ключевые понятия: Интеллигенция, принципы классической диалектики, междисциплинарный и системно-исторический интеллигентоведческий подход, методы научного познания, методология исследования интеллигенции, философские проблемы изучения интеллигенции.

Проанализированы концепции изучения интеллигенции и, на их основе, выявлены методологические принципы историко-интеллигентоведческих исследований. Показана основополагающая роль диалектики в изучении феномена интеллигенции.

ББК 63.3(2)6-28+63.3(2)622

Гейль В. В. Эвакуированная творческая интеллигенция на Южном Урале (1941—1945 гг.)

Ключевые понятия: Великая Отечественная война, советская творческая интеллигенция, эвакуация, деятельность интеллигенции, региональная культура.

На основе анализа архивного материала реконструированы основные формы и направления деятельности творческой интеллигенции, эвакуированной на Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Отмечается высокое влияние эвакуированной интеллигенции на развитие региональной культуры и искусства.

Kvakin A. V. Russian intelligentsia and everyday life of soviet post revolutionary Russia (1917—1927)

Key notions: everyday life, mechanistic modernization, traditional values of Russian civilization, ideology, level of life.

An attempt to analyze everyday life of people in soviet Russia during the first post revolutionary decade is made. The questions of state domestic policy and new forms of labour organization are studied.

Kobeleva E. A. Intelligentsia of Perm province and extraordinary committee bodies: interrelations and contradictions (1918—1922)

Key notions: intelligentsia, soviet repressive bodies, red terror, anti-soviet activity, political repressions.

Extraordinary committee's policy towards different groups of intelligentsia in Perm province during the first post revolutionary years is analyzed. The forms and methods of this policy, its changes and their reasons are studied.

Shuvalova J. B. Formation of ideological function in the activity of the Middle Ural educational institutions in 1920—1921: to the question of interrelations between Russian Communist Party (of the Bolsheviks?) and teachers

Key notions: school and out-of-school education, teachers, secularization of educational institutes, labour training, ideological function of education.

The forms and methods of organization of school and out-of-school education in the Middle Ural during the first post revolutionary years are analyzed. Communist party's personnel policy towards the teachers is studied. The formation of ideological function of soviet school education is observed.

Smirnov G. S. New young Russian intelligentsia: philosophical problems of noosphere ecology, anthropology and personology of the XXI century

Key notions: noosphere human quality, personal noosphere dynamics, noosphere ecology, young Russian intelligentsia.

The peculiarities of new mental formation development of modern Russia — young Russian intelligentsia – are analyzed on the basis of historical succession of Russian and soviet intelligentsia. It is shown that for the formation of this unique phenomenon certain efforts should be made to create natural (resulting from nature) and artificial (cultural) habitat. It is also necessary to form the model of noosphere education which will meet the century-old traditions of Russia's development.

Usmanov S. M. Intelligentsia, Orthodox tradition and problems of all-Russian integration in the beginning of the XXI century

Key notions: Orthodox tradition, state authority, Russian Orthodox Church, spiritual enlightenment, participation of Russian intelligentsia.

The author pays attention to new, insufficiently explored problems of participation of intelligentsia in public life of Russia in the beginning of the XXI century. Special attention of the researcher is given to social and political activity of Russian Orthodox Church, to its complicated interrelations with state authorities and society. High emphasis is placed on efforts, possibilities and perspectives of participation of Russian intelligentsia in modern social transformations.

Budanova I. A. Margaret Thatcher: Professional... Politician... Woman...

Key notions: politician, professional, intellectual, intelligentsia, Great Britain.

Analyzing materials of foreign press, memoirs of the country's heroine, recollections of her colleagues and contemporaries, the author studies the characteristic features of this remarkable personality – outstanding representative of political elite of the XXth century.

Vozilov V. V. Methodological principles of history and intelligentsia study

Key notions: intelligentsia, classic dialectics principles, interdisciplinary, system and historical approach to the study of intelligentsia, methods of

scientific research, methodology of study of intelligentsia, philosophical problems of intelligentsia study.

The concepts of intelligentsia study are analyzed. On their basis methodological principles of history and intelligentsia study are revealed. The fundamental role of dialectics in the process of study of intelligentsia phenomenon is shown.

Geyl V. V. Evacuated creative intelligentsia in the South Ural (1941—1945)

Key notions: the Great Patriotic war, soviet creative intelligentsia, evacuation, activity of intelligentsia, local culture.

The basic forms and ways of creative intelligentsia activity evacuated to the South Ural during the years of the Great Patriotic war are reconstructed on the basis of the analyzed archival materials. The high level of influence of the evacuated intelligentsia on the development of local culture and art is pointed out.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. Сейчас готовятся документы для его ваковской аккредитации. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на диске стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые понятия; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, полное название кафедры (для внешних авторов — учреждения). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике:

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

Заявки на приобретение Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39. Ивановский госуниверситет, кафедра истории и культуры России. E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб. Книги будут Вам высланы наложенным платежом с учетом стоимости упаковки и пересылки.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2008 № 4

Подписано в печать 09.12.2008 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 31-02-89, 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru